

Фрэнк ХЕРБЕРТ

ЗВЕЗДА ПОД БИЧОМ

"ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ ЖИТЕЛЕЙ ГАЛАКТИКИ!"

Настало время, когда космические путешествия стали практически лишними, поскольку так называемые "прыжковые двери" - каналы нуль-пространства и нуль-времени - гарантировали достижение любой точки Галактики.

Создатели и хозяева этих прыжковых дверей - калеканы, таинственные существа, постепенно исчезали из Галактики, пока не остался один-единственный калекан. В разгар этой эпидемии исчезновений агент галактического контрольного бюро сделал поразительное открытие: когда исчезнет последний из калеканов, умрут и все те, кто хоть раз пользовался прыжковой дверью. А в Галактике едва ли нашлось бы хоть одно разумное существо, будь то человек, гуманоид или негуманоид, не воспользовавшееся прыжковой дверью...

Его звали Фурунео. Алихино Фурунео. Он ехал в город, чтобы сделать вызов. Кстати, этот вызов был тесно связан с его "Я". Ему было шестьдесят семь лет, и он мог вспомнить множество случаев, когда люди теряли свою индивидуальность в трансе межзвездной связи. Неприятнее всего в предстоящем сеансе были не расходы, не ощущение зуда в нервах, а манера обращения с клиентами связного-тапризиота. Это было небезопасно, однако именно такую цену приходилось платить за возможность связи. Но Фурунео знал, что предстоящий разговор с представителем саботажников Джоем Кс.Мак-Кеем он не мог доверить никому. Было восемь часов утра по местному времени планеты Сердечность системы Сфих.

- Боюсь, это будет очень затруднительно, - пробормотал он.

Двое охранников, которые сидели в экипаже вместе с ним, ни разу даже не кивнули ему: они знали, что не получают ответа.

Со снежных склонов гор в сторону моря все еще дул холодный ветер. Они ехали из горной крепости Фурунео к городу на обычном автомобиле, не пытаясь скрыть свою связь с Бюро Саботажа. С другой стороны, они старались не привлекать к себе внимания. Многим разумным существам хотелось бы обнаружить это Бюро.

Фурунео остановил автомобиль на границе пешеходного центра города, и они пошли по улице, как обычные горожане. Десятью минутами позже они вошли в здание. Это была станция связи тапризиотов, одна из почти двух десятков, рассеянных по Галактике - довольно большая честь для такой захолустной планетки, как Сердечность.

Приемный зал был около пятнадцати метров в ширину и тридцати пяти в длину. Желто-коричневые стены были испещрены углублениями, словно они некогда были мягкими и в это время кто-то бросал в них маленьким твердым мячиком. Вдоль правой стены тянулось подобие прилавка - или выступа из стены - а над ним висела фасетчатая лампа, которая, медленно вращаясь, бросала сетчатые блики и блуждающие тени на тапризиота, стоявшего неподалеку.

Тапризиот напоминал отпиленный кусок обугленной елки. Его конечности, похожие на обрубки веток, торчали во все стороны, а их иглообразные придатки находились в постоянном движении, как будто порхали. Сам же он ничего сказать не мог. Его скользящие ножки нервно барабанили по поверхности прилавка.

Фурунео спросил его уже в третий раз:

- Вы связной?

Никакого ответа.

Таковыми уж были тапризиоты. И не было смысла сердиться на них. Но Фурунео все сильнее охватывала досада. Проклятый обрубок!

Один из охранников позади Фурунео откашлялся.

"Что за дурацкая задержка", - подумал Фурунео.

С тех пор, как они получали информацию о действиях Эбнис, все Бюро находилось в состоянии нервного возбуждения. Может быть, вызов сможет пролить свет на все эти непонятные события; это мог быть самый важный вызов из всех, когда-либо делавшихся ранее.

Солнце, низко висевшее над горизонтом, посылало сквозь висевшую в дверном проеме штору веер оранжевых лучей.

- Нам кажется, что придется ждать довольно долго, - пробормотал один из охранников. - Если бы можно было хотя бы сесть.

Фурунео коротко кивнул. За свои шестьдесят семь лет он научился терпению, особенно, поднимаясь по ступенькам служебной лестницы к теперешнему положению планетного агента Бюро. Здесь оставалось только терпеливо ждать, пока тапризиот не изволит принять к сведению его присутствие. Не было никакой другой возможности воспользоваться услугами, в которых он так нуждался. Без тапризиота-связного невозможно было вести переговоры друг с другом через межзвездные расстояния.

Странно, но множество разумных существ использовало эту способность тапризиотов, не понимая ее. Существовало множество теорий относительно этой связи, и одна из них могла быть правильной. Может быть, тапризиоты пользовались чем-то вроде родственных связей пан спехи - но этого тоже никто не понимал.

Фурунео считал, что тапризиоты изменяли пространство, создавали нечто вроде прыжковых дверей калеканов и передавали сообщения через другие измерения континуума пространства-времени. Если только это действительно было использованием принципа прыжковых дверей калеканов. Большинство специалистов отвергали эту теорию на том основании, что для этого было необходимо такое количество энергии, сколько давала ее средней величины звезда.

Но что бы тапризиоты ни делали для установления двухсторонней связи, было ясно, что это связано с гипофизом у человека или его аналогом у других форм жизни.

Тапризиот на прилавке неторопливо задвигался взад и вперед.

- Может быть, начнем? - спросил Фурунео.

Он подавил охватившее его неприятное чувство и с окаменевшим лицом ждал, пока коммуникационные иглы тапризиота не зашевелились быстрее, издавая тихие шелестящие и шуршащие звуки.

- С ним что-то не в порядке? - спросил охранник.

- Откуда мне знать? - проворчал Фурунео. Он взглянул на тапризиота, сделал нечто вроде поклона и снова спросил:

- Вы связной?

Шорох усилился, и внезапно тапризиот сказал:

- Я сомневаюсь в вашей искренности.

- С каких это пор нужно доказывать тапризиоту свою искренность, если нужно воспользоваться дальней связью? - сказал другой охранник. - Мне казалось, что достаточно...

- Никто вас не спрашивает, - прервал его Фурунео. - Любое зондирование нашего мозга тапризиотом может оказаться приветствием. Ты не знал этого, идиот?

Фурунео, оставив своих спутников стоять, приблизился к прилавку.

- Я хочу вызвать уполномоченного саботажников Джоя Кс.Мак-Кея, - сказал он. - Ваш автоматический привратник идентифицировал меня и установил номер моего кредита. Вы связной?

- Данные, место и время, - сказал тапризиот.

Фурунео вздохнул и расслабился. Он бросил взгляд на охранников, приказал им занять позиции у двух входов и подождал, пока они не выполнили приказание. Никто не должен ничего услышать. Он назвал тапризиоту необходимые координаты и добавил:

- К сожалению, я не знаю, где находится Джой Мак-Кей. Но я знаю, что мне необходимо лично переговорить с ним. Это важный вызов. Вы связной?

- Сядьте на пол, - сказал тапризиот.

- Благодарю вас, бессмертный, - пробормотал Фурунео. Один раз ему пришлось быть на связи, когда тапризиот-связной вывел его на склон горы под пронизывающий ветер и секущий дождь и велел опустить голову и набросать сверху мокрой земли, прежде чем установить связь. Зачем это было нужно, он не знал и по сей день. Он сообщил об этом случае в Центральное Бюро, потому что там были люди, которые решали такие задачи за один день; но тот вызов обошелся ему в более чем недельное пребывание в госпитале с воспалением верхних дыхательных путей.

Фурунео сел. Проклятье! Пол был ледяным!

У Фурунео была статная фигура двухметровой высоты без обуви, и весил он восемьдесят четыре килограмма. Годы пронизали его черные волосы сединой и проредили их. У него был толстый нос, чему он не слишком радовался, и широкий тонкогубый рот. Садился он осторожно, оберегая ногу. Один из угрюмых горожан устроил ему сложный перелом коленной чашечки, и результаты повреждения опровергли мнение всех врачей, уверявших его, что после лечения он вообще не будет ощущать никаких последствий.

- Закройте глаза, - сказал ему тапризиот.

Фурунео подчинился и попытался поудобнее устроиться на холодном, твердом полу.

- Думайте о человеке, с которым вы хотите установить контакт, - приказал тапризиот.

Фурунео думал о Джое Кс.Мак-Кее, стараясь точно воссоздать в воображении внешность этого человека: плотную маленькую фигуру, живые серые глаза, огненно-рыжие волосы, лицо с гримасой недовольной лягушки.

Контакт начался с неясных ощущений, медленно возникающих в сознании. У Фурунео было такое чувство, словно он оставил свое тело и теперь парит над чужим ландшафтом. Небо было бесконечным кругом над медленно вращающимся горизонтом. Он чувствовал уединенность окружающих планету звезд.

- Сто тысяч чертей!

Мысли буквально ударили в лицо Фурунео. Не было никакой возможности уклониться от них. Он тотчас же понял, что связь установлена. Вызываемые, казалось, часто были недовольны вызовами. Они не могли уклониться или помешать ему, но зато могли выразить вызываемому свое недовольство.

В этот момент Мак-Кей полностью завладел его вниманием. Дальняя связь словно опалила его гипофиз; не было никакой возможности этого избежать.

Фурунео ждал, когда закончатся проклятия, которые изливались на него непрерывным потоком. Когда этот поток иссяк, Фурунео назвал свое имя и сказал:

- Я сожалею о неудобствах, которые я, может быть, доставил вам, но вы знаете, что я не вызвал бы вас, если бы это не было так важно.

- Во имя всех чертей, откуда мне знать, действительно ли ваш вызов был так важен? - возмущенно ответил Мак-Кей. - Перестаньте ходить вокруг да около и переходите к делу!

Обладая холерическим характером, Мак-Кей был вне себя от раздражения. Фурунео предупредительно спросил ем:

- Я вас оторвал от чего-то очень важного?

- Я стою будто перед судом и не могу уклониться, - огорченно сказал Мак-Кей. - Вы не можете себе представить, какие шутки играют с людьми, прежде чем они впадают в транс и болтают тут со мной. Переходите к делу!

- Вчера вечером на планете Сердечность был выброшен на берег шар калекана, - торопливо сказал Фурунео. - Принимая во внимание все случаи смертей и сумасшествий, а также потому, что Бюро объявило всеобщую готовность, я подумал, что должен поставить вас в известность. Этот случай не имеет отношения к сфере ваших интересов?

Может быть, Мак-Кей морочит ему голову? В обязанности агентов Бюро Саботажа входило заботиться о том, чтобы в правительственных кругах время

от времени возникала путаница и суматоха, что компрометировало колеблющихся и излишне темпераментных политиков. Оказывать на них психическое давление и заставлять терять самообладание было необходимо, но почему эту обязанность возлагали на его коллег, таких же агентов, как и он, Фурунео? Перерыв в переговорах едва ли мог быть основанием для такого поведения. Если он послушается Мак-Кей, тогда этот маленький хитрый агентшишка будет женат уже в третий раз, а то и больше.

- Вы все еще интересуетесь этими шарами? - спросил Фурунео, словно предъявляя ультиматум.

- Это относится к калекану?

- Вероятно.

- Вы его не исследовали? - судя по тону Мак-Кей, он считал Фурунео выдающимся тупицей.

- Я действую в соответствии с указаниями, - натянуто сказал Фурунео.

- Указаниями? - с издевкой ответил Мак-Кей.

- Вы хотите разозлить меня, не так ли? - спросил Фурунео.

- Я явлюсь к вам так быстро, как только смогу, - сказал Мак-Кей, внезапно становясь деловым. - Я должен быть у вас не позже, чем через восемь стандартных часов. Между прочим, вам приказано не спускать глаз с этого шара.

- Все в порядке, - сказал Фурунео.

- Если калекан явится к вам, арестуйте его тут же, со всеми потрохами.

- Арестовать калекана?

- Запутайте его разговором. Выпросите у него какую-нибудь совместную работу, - сказал Мак-Кей. По его лицу было видно, какой нелепостью ему показалось, что агент Бюро задает вопросы вместо того, чтобы блокировать любую проявляющуюся активность.

- Ну хорошо, - сказал Фурунео. - Я жду вас здесь в течение ближайших восьми часов.

Мак-Кей, который во время этого разговора находился на планете Морских Труб, имел в своем распоряжении еще час, чтобы закончить все дела; потом он повернул свой дом-лодку и причалил к одному из плавучих цветочных островов. "Последний брак был напрасным", - подумал он. За все это время он очень мало узнал о Млисс Эбнис, хотя она несколько раз безуспешно пыталась связаться с ним. Но это было на другом плане.

С ним была его тридцать четвертая женщина. Она была светлокожей, как и большинство ее предшественниц. Для нес это тоже был не первый брак, но она неизвестно почему обвиняла его. "Ничего странного", - думал Мак-Кей. Он никогда не старался выказывать чувства, которых не испытывал.

Мак-Кей уложил белье и одежду в походный чемоданчик и проверил содержимое своего "джентльменского набора": возбуждающее, пакетик со взрывчаткой, мини-детекторы, энергоизлучатель, микрокомпьютер, камера для голографических съемок и другие мелочи. Все в порядке. Чехольчик с этим набором был похож на обычный бумажник, только немного потолще и подлиннее. Он засунул его в специальный внутренний карман своего невзрачного пиджачка, вздохнул и вынул ключ от прыжковых дверей из кармана брюк. Этот прыжок будет стоить Бюро громадную сумму. Сердечность находилась на другом краю Галактики.

Прыжковые двери, казалось, работали безукоризненно, но Мак-Кей беспокоило, что, совершая этот прыжок, он должен отдать себя во власть калекана. Неприятная ситуация. Прыжковые двери были так обычны, что большинство разумных существ не обращало на них внимания. До сих пор, когда Бюро объявляло своим агентам боевую готовность, у Мак-Кей еще никогда не появлялось такого чувства. Он удивлялся сам себе. Чудеса калеканов были знакомы Объединению Разумных вот уже в течение девятнадцати лет, и за это время связь с Объединением Разумных установило уже восемьдесят три калекана: сначала один из них предоставил в распоряжение Объединения свою прыжковую дверь, потом остальные восемьдесят два.

Мак-Кей подбросил ключ в воздух и снова поймал.

Почему калібаны подарили им прыжковые двери, которые они называли "Зейе-центром"? Что скрывалось за этим?

"Пора отправляться", - подумал Мак-Кей. Однако он медлил.

Восемьдесят три калібана. Приказ о боевой тревоге всегда имел уважительную причину. Калібаны постепенно исчезали - если этот процесс можно назвать исчезновением. Исчезновение каждого отдельного калібана сопровождалось гибелью или сумасшествием по крайней мере одного разумного существа, входившего в Объединение Разумных.

Нечего и спрашивать, почему эту проблему свалили на Бюро Саботажа вместо того, чтобы потребовать объяснения от Управления Полиции. Правительство не знало, где может быть Бюро. Влиятельные люди надеялись, что оно будет дискредитировано. У Мак-Кея, кроме того, были еще заботы, связанные со скрытыми возможностями его памяти. Почему Бюро поручило распутать это дело именно ему?

"Кто ненавидит меня?" - печально думал он, подходя к прыжковой двери со своим ключом. Его ненавидели многие люди. Миллионы людей.

Прыжковая дверь загудела от наполнившей ее чудовищной энергии. Открылось отверстие в туманную трубу. Мак-Кей напряг тело, подготовившись к сопротивлению сиропообразной среды, и пошел через трубу. Это было словно парение в вязком, клейком, текучем сиропе.

Затем он снова очутился в самом обычном помещении. За окном простирался холмистый пейзаж, а вдали под низкими серыми облаками виднелись крыши города. Хронометр, вживленный в мозг Мак-Кея, подсказывал, что было уже далеко за полдень, восемнадцать часов двадцатичесть часового дня. Это была планета Сердечность, мир, удаленный от покрытой океаном планеты Морских Труб на восемьдесят тысяч световых лет.

Туманная труба прыжковой двери закрылась с треском, напоминающим электрический разряд. В воздухе слегка запахло озоном.

Мак-Кей заметил, что кресла-роботы Фурунео достаточно услужливы, чтобы предоставить все удобства. Одно из них тыкалось в его коленки до тех пор, пока он, проверив свои карманы, не опустился в него. Кресло-робот занялось массажем. Очевидно, оно было запрограммировано встречать так любого посетителя. Мак-Кей прислушался. В одном из коридоров слышались приближающиеся шаги. Они смолкли, потом слышались снова. Где-то в коридоре завязался разговор, и Мак-Кей смог расслышать пару слов на галилингве - галактическом торговом языке; кроме того, он услышал разговор на нескольких языках по крайней мере еще пяти существ.

Он беспокойно завертелся, что заставило его кресло-робот успокоить его укачивающими движениями. Переносить вынужденную бездеятельность было тяжело. Где Фурунео? Может быть, он принимал участие в разговоре, который доносился через тонкую перегородку? Вероятно, у этого человека, как у агента Бюро Саботажа, было много обязанностей на планете. И Мак-Кей не знал, насколько важны эти проблемы. Планета относилась к тем мирам, которые Бюро защищало довольно слабо. А Бюро никогда не приходилось сожалеть о недостатках в своей работе.

Мак-Кей задумался о своей роли в Бюро Саботажа. Несколько столетий назад правительство получило власть над прогрессивной партией Объединения Разумных Наций, толпой добродушных, научно ориентированных технократов, которые усматривали счастье миров в эффективной организации всех органов управления. Затратив огромные средства на организацию и постройку огромных кибернетических машин со всевозможными функциями, они устранили всю волокиту и перебои в системе организации правительства. Мощная машина с подавляющей властью над всей мыслящей жизнью постепенно набирала обороты и работала все быстрее и быстрее. Законы вырабатывались и тотчас же отменялись. Поток программ и проектов нарастал с захватывающей дух скоростью. Новые Бюро и Ведомства рождались и тотчас начинали работать на полную мощность.

Весь управленческий аппарат превратился в гигантское колесо, которое вращалось с такой безумной скоростью, что никакое живое существо не могло представить себе даже приблизительно всю эту механику. Несовершенное

восприятие любого разумного существа не могло состязаться с логическим совершенством автоматизированной системы. Но в конце концов совершенство обернулось хаосом.

В этой ситуации горстка сомневающихся образовала Корпус Саботажа, чтобы замедлить бешеное вращение колеса. После долгих усилий, кровавых жертв, старомодных битв с механизмами и других действий механизм удалось остановить. Со временем из отдельных корпусов и бюро выросла разветвленная организация, которая боролась с проявлениями чванства, зазнайства и предательства. Сегодня Бюро предпочитало хитроумные диверсии, однако в случае необходимости применялась и сила.

Дверь открылась. Кресло-робот Мак-Кей перестал его укачивать. Вошел Фурунео, откидывая левой рукой пряди серых волос с уха. Его широкий рот был плотно сжат, угрюмо-обиженное выражение лица маскировалось вынужденно вежливой кислой улыбкой.

- Извините, - сказал он, опускаясь в одно из кресел-роботов. - Я не ждал вас так скоро.

- Это помещение безопасно? - недоверчиво спросил Мак-Кей. Он взглянул на стену, в которой находилось отверстие прыжковой двери. Она была закрыта.

- Я закрыл дверь в трубу, - сказал Фурунео. - Помещение безопасно, насколько это вообще возможно. - Он выжидающе наблюдал за Мак-Кеем.

- Шар все еще там? - спросил Мак-Кей.

- Мои люди получили приказ сейчас же известить маня, если он сделает какое-либо движение, - ответил Фурунео. - Он, как мне сообщили, выброшен на берег и лежит на скалах. Пока что он неподвижен.

- Его положили там специально?

- Во всяком случае, выглядит он именно так.

- На нем нет никаких знаков или чего-нибудь еще?

- Мы ничего не обнаружили. Шар выглядит несколько потрепанным и изношенным.

- Гмм, - Мак-Кей немного помолчал, потом сказал: - Вы, наверное, уже слышали о Млисс Эбнис?

- Кто же не знает этого имени?

- Она недавно истратила несколько миллионов, чтобы нанять калекана.

- Я не знал, что это возможно, - сказал Фурунео, покачивая головой.

- Никто не знал.

- Я читал приказ действовать по боевой тревоге, но там ничего не говорится о связи Эбнис с этим случаем.

- У нее был маленький психический шок в связи с использованием бича, вы об этом знаете?

- Я знаю, что взамен она лечила его, - ответил Фурунео.

- Да, но это не устраняет проблемы. Известно только, что она не выносит вида мучений разумных существ.

- И что же?

- Разгадка, конечно, в том, зачем решили использовать калекана.

- Как жертву?! - испуганно воскликнул Фурунео.

Мак-Кей видел, что его начинают понимать. Кто-то как-то сказал, что проблема калеканов заключается в том, что никому не известен их образ поведения. Это, конечно, было правильно, только Мак-Кей чувствовал что это еще не вся истина. Легко можно представить себе существо, присутствие которого бесспорно, а при попытке влезть к нему в душу только беспомощно блуждаешь в темноте - вот что такое калекан.

"Они - закрытые окна в вечность", - сказал поэт Мазарард. В первое время после внезапного появления калеканов Мак-Кей был в курсе всех сведений о них, прослушал о них все лекции. Теперь он вспоминал эти лекции, стараясь отогнать гнетущее чувство, что там найдутся сведения, могущие иметь значение для решения нынешней проблемы. Это было что-то о "трудностях коммуникации во время атмосферных осадков". Точное название он забыл. "Смешно", - думал он. Это было связано с влиянием калеканской действительности на память и возникновением оптических иллюзий.

Здесь и заключался источник неприятностей для всех форм жизни, связанных с калеканами. Прыжковые двери, шары, в которых они имели обыкновение находиться - все это было реальным, но никто не видел калеканов собственными глазами.

Фурунео наблюдал за маленьким толстеньким агентом, действительно похожим на недовольную лягушку, и ему вспомнилась старая шутка о том, что Мак-Кей работает в Бюро Саботажа со дня своего рождения. Наконец тот сказал:

- Итак, вы наняли этих головорезов и платите им? Не так ли?

- Так безопаснее.

- В сообщении речь шла о смертельных случаях и сумасшествии... Вы дали своим людям пилюли ярости? - спросил Мак-Кей.

- Да.

- Хорошо. Ярость, кажется, является защитным свойством.

- Что же, собственно, произошло?

- Кажется, калеканы постепенно исчезают, - сказал Мак-Кей. - Каждый раз, когда это происходит с одним из них, случается множество смертельных происшествий и других неприятных последствий - физические и умственные травмы, сумасшествие...

Фурунео кивнул в направлении океана и вопросительно поднял брови.

Мак-Кей пожал плечами.

- Мы должны увидеть этот шар. Будет глупо, если нам будет известен только один калекан, тот, которого наняла Эбнис. Может быть, теперь их уже два.

- Как вы собираетесь братья за это дело? - спросил Фурунео.

- Хороший вопрос.

- Калекан дал Эбнис какие-нибудь объяснения?

- Мы не можем наладить с ним контакт, - сказал Мак-Кей. - Мы не знаем, где она его прячет.

- Я тоже не знаю, - помедлив, сказал Фурунео. - Сердечность - довольно уединенная планета.

- Об этом я тоже думал. Может быть, мы имеем дело с калеканом Эбнис. Тогда нам здорово повезло. Вы сказали, этот шар выглядит сильно изношенным?

- Да. Забавно, не так ли?

- Одна странность из многих.

- Калеканы никогда не удаляются на значительное расстояние от своих шаров, - сказал Фурунео. - И охотно ставят их вблизи воды.

- Как вы пытались с ним связаться? - спросил Мак-Кей.

- Как обычно. Откуда вы узнали, что Эбнис наняла калекана?

- Она похвасталась своей подруге, та рассказала своей знакомой и так далее. И один из калеканов, прежде чем исчезнуть, намекнул на это.

- Вы усматриваете связь между исчезновением калекана и действиями Эбнис?

Мак-Кей встал.

- Мы должны все тщательно изучить, - сказал он. - Пойдем туда и сами осмотрим этот шар.

Когда они с Фурунео выехали на песчаный берег, постоянный планетный агент спросил:

- Почему для расследования выбрали именно вас?

Мак-Кей сказал:

- Люди Бюро знают, как меня использовать, вот и все.

Машина описала крутую кривую и взгляду открылась даль океана и темный скалистый берег. Вдали между глыбами лавы что-то блестело. Мак-Кей заметил две маленькие машины, которые медленно кружили над берегом.

- Что это?

- Что?

- Когда здесь темнеет?

- У нас есть два с половиной часа до заката, - ответил Фурунео.

- Этого должно хватить, - сказал Мак-Кей. - Как ваши люди относятся к

ночным гостям?

- Люди, которые здесь живут, привыкли к моей машине, а дело нам предстоит важное.

- Вы думаете, никто еще не знает о происшествии?

- Только охрана этого отрезка побережья. И все они находятся под моим командованием.

- Вы, кажется, хорошо организовали здесь дело, - сказал Мак-Кей. - Вы не боитесь, что для вас это будет слишком опасно?

- Я очень стараюсь, - сказал Фурунео. Он коснулся плеча водителя, и машина остановилась среди скал над плоским лавовым блоком, на котором спокойно лежал шар калекана. Белая пена орошала темные рифы у берега, а дальше, за их границей, сквозь сетку дождя вырисовывались очертания скалистого острова. - Я спрашиваю себя, - продолжал Фурунео, - действительно ли мы знаем, что это шар калекана?

- Его жилище, - сказал Мак-Кей.

Фурунео выбрался из машины. Холодный морской бриз пробрался под одежду, и нога сейчас же заболела.

- Уйдем отсюда, - сказал он.

Спускаться по уступам скалы было тяжело, через несколько минут Мак-Кей почувствовал, что ему стало прохладно и разозлился на себя, что не догадался одеться потеплее. А внизу, в облаке пены и прибоя, было еще холоднее и неприятнее.

Фурунео, казалось, чувствовал то же; когда он, пошатываясь, спустился на лавовый блок, то пробурчал:

- По-моему, здесь очень холодно.

Он рукой послыгнул пилоту летательного аппарата, и тот отозвался. Мак-Кей последовал за Фурунео по рябой, с выступающими острыми краями лавовой поверхности, перепрыгнул через лужу, в которой кишели крошечные живые существа и промок насквозь в облаке пены, несомой ветром. Спотыкаясь, он побрел дальше. Внизу слышался гром прибоя, разбивающегося о скалистый берег. Мак-Кей и Фурунео должны были кричать, если хотели что-нибудь сказать друг другу.

- Вы видите? - проревел Фурунео. - Он выглядит так, словно столкнулся с чем-то.

- Эту вещь, должно быть, невозможно разрушить, - ответил Мак-Кей.

Шар калекана был приблизительно шести метров в диаметре. Казалось, он прочно лежал на лавовом блоке. В полуметре виднелся край углубления в скале, словно специально выплавленного калеканом для удобства.

Мак-Кей опередил своего спутника и первым подошел к шару. Там он остановился, засунув руки в карманы.

- Он гораздо больше, чем я думал, - сказал он, когда Фурунео остановился рядом с ним.

- Это первый шар калекана, который вы видите вблизи?

- Да.

Взгляд Мак-Кей скользил по шару: выступы и походящие на вмятины углубления покрывали тусклую металлическую поверхность. Ему показалось, что эти выступы и вмятины образовывали какой-то узор. Быть может, это сенсоры? Прямо перед ним была звездообразная вмятина, лучи которой исходили из общего пятна в центре. Не исключено, что это была иллюзия. Когда Мак-Кей ощупал это место рукой, он не ощутил никакой неровности.

- Что мы будем делать? А в шаре нет калекана? - спросил Фурунео.

- Не знаю. Вспомните, как нужно стучать.

- Нужно найти круглый гладкий выступ в верхней части шара и стучать по нему. Попробуем. В паре шагов налево как раз имеется такой выступ.

Мак-Кей двинулся вокруг шара в указанном направлении, и его тут же окатило еще одним ливнем пены. Дрожа от холода, он вынул руки из карманов, встал на цыпочки и постучал по выступу.

Ничего не произошло.

- В инструкции сказано, что у каждого из этих предметов где-то есть дверь, - прокричал он.

- Но не говорится, что эта дверь открывается от каждого стука, - ответил Фурунео.

Мак-Кей снова обошел вокруг шара, нашел второй выступ с гладкой поверхностью и снова постучал.

Ничего.

- В этом месте мы уже пытались стучать, - заметил Фурунео.

- Не стройте из себя идиота, - сказал Мак-Кей.

- Может быть, никого нет дома?

- Вы думаете, он попал сюда, управляемый дистанционно?

- Нет, - сказал Фурунео. - Я думаю, может быть, его вообще нигде нет, а пустой шар случайно выбросило на наш берег.

Мак-Кей усмехнулся и показал на тонкую зеленую линию на поверхности шара, около метра длиной.

- Что это такое?

Фурунео нагнулся и уставился на линию.

- Не помню, чтобы я видел ее раньше.

- Мне хочется как можно больше знать об этом проклятом предмете, - проворчал Мак-Кей. - Мы стоим здесь как дураки и будем стоять до самой смерти?

- Может быть, мы стучали недостаточно сильно? - сказал Фурунео.

Мак-Кей задумчиво поджал губы. Потом достал "набор" и взял из него пакетик со взрывчаткой.

- Отойдем в сторонку, - сказал он.

- Вы уверены, что стоит использовать взрывчатку? - спросил Фурунео.

- Нет.

- Ну, тогда я... - Фурунео пожал плечами и отошел от шара.

Мак-Кей прилепил пакетик на зеленую линию, установил взрыватель и присоединился к Фурунео.

Через три минуты послышался глухой взрыв.

Мак-Кей внезапно почувствовал внутреннее спокойствие, потом напряженное ожидание. Что, если калекан разгневется и применит оружие, о котором никто до сих пор и не слыхивал? Он побежал наугад к месту взрыва.

Над зеленой полосой появилось овальное отверстие, как будто кто-то вытащил пробку.

- По-видимому, мы нажали нужную кнопку, - сказал Фурунео.

Мак-Кей подавил раздражение, которое, вероятно, было следствием принятой им пилюли ярости.

- Да, - проворчал он. - Помогите мне подняться наверх. - Он заметил, что Фурунео почти полностью контролировал действие принятой пилюли.

С помощью Фурунео Мак-Кей влез в отверстие и замер, глядя внутрь шара калекана. Его встретил тусклый красный свет, и в полутьме он заметил намек на какое-то движение.

- Вы что-нибудь видите? - спросил Фурунео.

- Пока не знаю, - Мак-Кей влез внутрь и прыгнул на мягкий пол, покрытый ковром. Он присел на корточки, вгляделся в красный жар вокруг себя. Его зубы стучали от холода. Помещение, в которое он попал, казалось, занимало всю внутреннюю часть шара и было метра три в высоту. На внутренней поверхности слева от него танцевали радужные блики, а прямо перед ним, в центре помещения, высился предмет, похожий на гигантский половник. Стена справа была покрыта крошечными катушками, рычажками и кнопками. Намек на движение исходил от "половника".

Мак-Кей понял, что перед ним калекан.

- Что вы видите? - прокричал снаружи Фурунео.

Не отрывая взгляда от "половника", Мак-Кей прокричал в ответ:

- Здесь калекан.

- Я могу быть свободен?

- Нет. Прикажете вашим людям ждать и ждите сами.

- Хорошо.

Теперь Мак-Кей все свое внимание сосредоточил на "половнике". Горло его пересохло. Он еще никогда не был наедине с калеканом. Это преимущество

всегда оставляли за собой ученые.

Он откашлялся:

- Я... а, я Джой Кс.Мак-Кей из Бюро Саботажа, - сказал он.

В "половнике" что-то зашевелилось, и из этого движения вырвалось подобие излучения, полное точного смысла.

- Я рад познакомиться с вами.

Все ясно, решил Мак-Кей. Калекбан излучил то, что произнес. Его тип связи разум воспринимает как звук, однако уши обманывают его, и ему кажется, что он что-то слышит. Подобное же действие калекбан оказывает и на зрение: разуму кажется, что он что-то видит, но сетчатка глаз не соглашается с этим.

- Я надеюсь, что не очень помешал вам, - сказал Мак-Кей.

- Я не обладаю ничем, чему можно помешать, - ответил калекбан. - Вы привели с собой спутника?

- Мой спутник остался снаружи, - сказал Мак-Кей. - Никаких поводов для беспокойства.

- Пригласите спутника, - сказал калекбан.

Мак-Кей мгновение поколебался, потом крикнул:

- Фурунео! Идите сюда!

Планетный агент, кряхтя, протиснулся в отверстие, спустился вниз и присел на корточки слева от Мак-Кея.

- Снаружи адский холод! - сказал он. Его нас был сильно заложен, а сам он сильно дрожал.

- Низкая температура и высокая влажность, - согласился с ним калекбан.

Мак-Кей увидел пластину, вышедшую из стены рядом с отверстием и закрывшую его. Ветер, пена и шум прибора сразу же исчезли.

Температура внутри начала подниматься.

- Скоро станет жарко, - сказал Мак-Кей.

- Что?

- Жарко. Вспомните инструкции. Калекбаны любят сухой и горячий воздух, - одежда на нем и на Фурунео стала нагреваться и слегка парить. Мак-Кей почувствовал, как мокрая рубашка приклеивается к телу.

- Верно, - фыркая, сказал Фурунео. - Но пока что мне еще недостаточно тепло. А теперь пройдем вперед?

- Нас пригласили побывать здесь, - сказал Мак-Кей. - Мы ему не помешали, потому что нечему было мешать.

Он снова повернулся к "половнику" и замолчал.

- Где он? - через мгновение спросил Фурунео.

- В этом "половнике".

- Да... Я, ах - да!

- Вы можете называть меня Фанни Мей, - сказал калекбан. - Я способен воспроизводить свой род, и в этом аспекте вы можете рассматривать меня как женщину, хотя мы и не знаем различия полов.

- Фанни Мей, - ошарашенно повторил Мак-Кей. "Как бы мне увидеть эту проклятую штуку, - подумал он. Где ее лицо?" - Мой спутник - Алихино Фурунео, планетарный агент Бюро Саботажа. - "Фанни Мей! Проклятье!"

- Рад познакомиться с вами, - сказал калекбан. - Разрешите спросить вас о цели вашего посещения?

Фурунео почесал правое ухо.

- Как мы слышим все это? - пробормотал он, качая головой. - Я понимаю слова, но...

- Неважно, - пробурчал Мак-Кей. Он повернулся к "половнику" и сказал:

- Я... у меня приказ... Я ищу калекбана, который находится в услужении у Млисс Эбнис.

- Я принимаю ваш вопрос, - сказал калекбан.

- Принимаете мой вопрос?

Мак-Кей попытался покачать головой, чтобы таким образом, если удастся, обнаружить хоть признаки внешности того, кто, как он предполагал, имел видимую субстанцию.

- Что вы делаете? - спросил Фурунео.

- Я пытаюсь разглядеть его.
- Вы ищете видимую субстанцию? - спросил калекбан.
- Да, - сказал Мак-Кей.

"Фанни Мей, - подумал он. - Это напоминает открытие планеты Говахин, когда первый исследователь-землянин встретил лягушкоподобного говахинца, а тот представился ему как Вильгельм. На каком из девятиста тысяч миров калекбан откопал это имя? И почему?"

- Я создам отражение, - сказал калекбан, - которое спроектируется снаружи и покажет мою внешность.

- Мы его увидим? - прошептал Фурунео. - До сих пор никто не видел калекбана.

- Ш-ш-ш-ш.

Что-то диаметром в полметра, овальное, зеленое, голубое и оранжевое, без видимой связи с находящимися здесь предметами, материализовалось над гигантским "половником".

- Представьте себе это как сцену, на которой перед вами появляется мое "я", - объяснил калекбан.

- Вы что-нибудь видите? - спросил Фурунео.

Зрительные нервы Мак-Кея создали неопределенное ощущение чего-то живого, что бестелесно и ритмически танцевало в цветном овале, словно морской прибой в пустой раковине. Ему вспомнился его одноглазый друг, и как трудно было сконцентрироваться на его единственном глазу и не замечать второй, пустой глазницы. Почему он, идиот, не хотел купить себе новый глаз? Почему он мог...

Мак-Кей сглотнул.

- Это самая странная вещь, которую я когда-либо видел, - прошептал Фурунео. - Вы видите это?

- Я верю вам, - сказал Мак-Кей.

- Попытка визуального наблюдения не удалась, - сказал калекбан. - Может быть, я использовал недостаточный контраст.

Мак-Кею показалось, что он услышал печальные нотки, и он спросил себя, не было ли это слуховой галлюцинацией. Может быть, калекбан сожалеет о своей невидимости?

- Это хорошо, - сказал Мак-Кей. - Мы теперь можем говорить о калекбане, что...

- Может быть, зрение к этому непричастно, - прервал его калекбан. - Мы находимся в таком состоянии, когда помочь ничем нельзя. "С таким же успехом можно спорить с ночью", - сказал один поэт.

Казалось, калекбан тяжело вздохнул. Это была грусть, печаль о неотвратимости судьбы.

- Вы чувствуете это? - спросил Фурунео.

- Да.

Глаза Мак-Кея горели от напряжения. Он часто мигал. Между двумя миганиями он увидел внутри овала что-то похожее на цветок - ярко-красный, пронизанный черными венами. "Цветок" медленно распустился, вспыхнул, пропал, распустился снова. Мак-Кей, полный сострадания, почувствовал потребность протянуть руку и коснуться его.

- Как прекрасно, - прошептал он.

- Что это? - шепотом спросил Фурунео.

- Я думаю, мы видим калекбана.

- Мне хочется плакать, - сказал Фурунео.

- Возьмите себя в руки, - крикнул Мак-Кей.

Он откашлялся. Странные эмоции бушевали в его душе. Они, словно клочки некогда единого целого, взаимопроникающие в беспорядочном кружении, причудливым образом организовывались в новом сочетании. Действие пилуль ярости потонуло в этом хаосе.

Изображение в овале медленно поблекло. Каскад эмоций иссяк.

Фурунео шумно вздохнул.

- Фанни Мей, - колебавшись, начал Мак-Кей. - Что было...

- Я на службе у Млисс Эбнис, - ответил калекбан.

Мак-Кей молча взглянул на Фурунео и на то место, где они забрались в шар. От овального отверстия не осталось никакого следа. Жара в помещении была невыносимой. Он опять взглянул на калекана. В "половнике" все еще что-то мерцало, но глаза были не в состоянии различить ничего конкретного.

- Он задал вопрос? - спросил Фурунео.

- Да помолчите хоть минуту, - прошипел Мак-Кей. - Мне необходимо подумать.

Секунды шли. Фурунео чувствовал, как пот тек по его шее и сбегал за воротник. В уголках рта был соленый привкус.

Мак-Кей уставился на гигантский "половник". Калекан, которого наняла Эбнис! Потребовалось некоторое время, чтобы эмоции утихли настолько, чтобы он мог взвесить все шансы, которые давало это открытие. Наконец он спросил:

- Фанни Мей, где Млисс Эбнис?

- Передача координат не разрешена, - ответил калекан.

- Она на этой планете?

- Разнообразные связи, - сказал калекан.

- У меня сложилось впечатление, что вы говорите на разных языках, - сказал Фурунео.

- Из всего, о чем я слышал и что читал, это была самая большая проблема, - сказал Мак-Кей. - Коммуникативные затруднения.

Фурунео вытер пот с лица.

- Вы хотите переговорить с Эбнис? - спросил он.

- Не будьте наивным, - ответил Мак-Кей. - Это первое, что я хочу сделать.

- И?

- Или тапризоты говорят правду и мы не сможем установить контакт с калеканом, или Эбнис как-то купила их. Но какая разница? Предположим, я продолжу разговор. Но как узнать у него, где она находится?

- А как она смогла подкупить тапризотов?

- Откуда я знаю? Как ей удалось купить калекана?

- В обмен на нечто ценное, - сказал калекан.

- Эбнис предложила вам что-то ценное? - попытался уточнить Мак-Кей.

- Я не могу выдать никаких решений, - ответил калекан. - Об Эбнис нельзя судить как о дружелюбной, миловидной и любезной.

- Это ваше мнение? - спросил Мак-Кей.

- Равным ей разумным существам запрещено бичевать другие разумные существа, - ответил калекан. - Млисс Эбнис стегает меня бичом.

- Почему вы не откажетесь? Просто не откажетесь? - спросил Мак-Кей.

- Обязательство по договору, - ответил калекан.

- Обязательство по договору, - пробурчал Мак-Кей. Он взглянул на Фурунео, но тот пожал плечами.

- Спросите, где находится стегаящий бичом, - предложил Фурунео.

- Стегаящий бичом приходит ко мне, - сказал калекан.

- Стегаящий бичом причиняет вам боль? - спросил Мак-Кей.

- Объясните, что такое боль.

- Он причиняет вам неудобство, вызывает у вас чувство недомогания?

- Я вспомнил. Такое чувство объяснимо. Объяснения не касаются связей.

"Не касаются связей?" - думал Мак-Кей.

- Будете вы теперь, несмотря на все, избиты бичом? - спросил Мак-Кей.

- Есть ли у вас выбор?

- Выбор есть, - ответил калекан.

- Теперь... У вас снова будет свободный выбор, если вам еще раз придется принимать решение?

- Запутанные отношения, - сказал калекан. - Если иметь в виду повторение, то у меня нет своего мнения. Эбнис отправка паленку с бичом и бичевание состоится.

- Паленка! - в ужасе сказал Фурунео.

- Вы знаете, что это должно быть, - сказал Мак-Кей. - Кто еще возьмется за такую грязную работу? У такого существа должен быть минимум

мозгов и крепкие мускулы.

- Но паленку! Мы не сможем его обнаружить?

- Где вы собираетесь искать одного паленку? - спросил Мак-Кей. Он снова повернулся к "половнику". - Как наблюдает Эбнис за бичеванием?

- Эбнис смотрит в мой дом.

Так как никакого другого ответа не последовало, Мак-Кей сказал:

- Я не понимаю. Что с этим делать?

- Это мой дом, - сказал калекбан. - В моем доме есть прыжковая дверь.

Эбнис устанавливает связи, за которые она заплатила.

- Эта Эбнис должна быть извращенной потаскухой, - проворчал Фурунео.

- То, что я вижу в психике Эбнис, - сказал калекбан, - чрезвычайно запутано. Узлы и извилины странных расцветок, в них чрезвычайно трудно проникнуть с помощью моего внутреннего видения.

Мак-Кей сглотнул.

- Вы видите ее психику?

- Я вижу любую психику.

- Как... как это возможно? - спросил Мак-Кей.

- Я вглядываюсь в пространство между физической и психической сущностью вещей, - сказал калекбан. - Так вашей терминологией объясняют это ваши собратья по виду.

- Ерунда, - сказал Мак-Кей.

- Она рассказывала мне о значении этого понятия, - сказал калекбан.

- Почему вы приняли предложение Эбнис? - спросил Мак-Кей.

- Нет общих понятий для объяснения, - ответил калекбан.

- Я должен найти Эбнис, - сказал Мак-Кей.

- Я предупреждаю, - сказал калекбан, - я позволяю обхождение со своей персоной, которое другие могут воспринять как недружелюбное.

Мак-Кей поскреб затылок и подумал: как близко они смогли подойти к стадии полной коммуникабельности, намного ближе, чем кто-нибудь до них. Калекбан охотно и открыто шел навстречу, и можно было спросить его об исчезновении других калекбанов, смертельных случаях и сумасшествии, но Фурунео боялся возможных отрицательных последствий.

- Мы не можем продолжать, - сказал Фурунео. Жара и постоянное напряжение вызвали у него головную боль.

- Скажите, Фанни Мей, - спросил Мак-Кей, - есть ли у вас понятие "смерть"?

- Я понимаю, что такое смерть. Смерть - это полное исчезновение.

- Когда умираете вы, с вами вместе умирает множество других существ, - сказал Мак-Кей. - Это так?

- Все, кто пользуется прыжковой дверью. Все они погибнут.

- Все? - спросил Мак-Кей, шокированный этим ответом.

- Все в вашей... плоскости? Нет подходящего понятия.

Фурунео коснулся руки Мак-Кей.

- Когда умирает калекбан, должны умереть все, кто пользовался прыжковыми дверями? Вы так сказали?

- Так это звучит.

- Я не верю.

- Кажется, придется поверить.

- Но...

- Я спрашиваю себя, грозит ли Фанни Мей опасность скорой смерти? - задумчиво пробормотал Мак-Кей.

- Да, это хороший вопрос, - с энтузиазмом подхватил Фурунео. - Это мы должны выяснить.

- Скажите, Фанни Мей, - произнес Мак-Кей. - Имеется ли непосредственная опасность вашего окончательного исчезновения?

- Объясните более точно, - сказал калекбан. - Когда?

- Сейчас, - сказал Мак-Кей. - Скоро, в ближайшее время.

- Концепция времени сложна, - ответил калекбан. - Вы спрашиваете о персональных способностях, которые погашаются бичеванием?

- Это так, - сказал Мак-Кей. - И как много бичеваний вы уже

перенесли?

- Объясните, что такое "перенести"?

- Как много бичеваний вы можете вынести, пока не погибнете? - спросил Мак-Кей, подавляя раздражение, усиливавшееся под действием пилюль гнева.

- Может быть, десять бичеваний, - ответил калекбан. - Может быть, немного меньше, а может быть, и больше.

- И ваша смерть приведет к смерти всех? - спросил Мак-Кей в надежде, что он неправильно понял.

- Немного меньше, чем всех, - сказал калекбан. - Другие калекбаны узнают о наших затруднениях и отступят. Таким образом, они избегнут исчезновения.

- Как много калекбанов осталось в нашей... плоскости? - спросил Мак-Кей.

- Только один, - ответил калекбан.

- Только один, - пробормотал Мак-Кей. - Это чертовски тоненькая ниточка.

- Я не вижу, как смерть одного-единственного калекбана может причинить такое опустошение, - сказал Фурунео.

- Объясняю через сравнение, - сказал калекбан. - Ученые вашей формы жизни объясняют реакции в звездах особыми условиями. В таких условиях звездная масса оказывается в вечно взрывающемся состоянии. В таком состоянии материя звезды превращается в другую форму энергии. Все звездные взрывы, касающиеся материи, изменяются. Точно так же изменяются при окончательном исчезновении наших "я" все существа, связанные с прыжковыми дверьми.

- Это значит, - сказал Мак-Кей, - что использование прыжковых дверей как-то связано с жизнью калекбана. Смерть Фанни Мей, подобно звездному взрыву, порвет все связи и убьет нас.

- Это ваши домыслы, - сказал Фурунео.

- Это единственное заключение, которое можно сделать из его слов, - возразил Мак-Кей. - Наше общение затруднено, но я верю, что сказанное здесь дает какое-то объяснение и является настоящей попыткой взаимопонимания.

- Я думаю, вы правы в одном, - сказал Фурунео.

- Да?

- Мы должны согласиться с тем, что правильно истолковали его высказывание.

Мак-Кей сглотнул, у него пересохло горло.

- Фанни Мей, - сказал он, - вы тоже объясняете перспективу вашего окончательного исчезновения действиями мисс Эбнис?

- Проблема объяснима, - ответил калекбан. - Другие калекбаны пытаются устранить ошибку. Эбнис не в состоянии этого понять и пренебрегает последствиями. Связи затруднительны.

- Связи затруднительны, - пробормотал Мак-Кей.

- Все связи в единственном зейе-центре, - сказал калекбан. - Главный зейе-центр моего "я" создает двустороннюю проблему.

- Только не говорите, что вы это понимаете, - раздраженно сказал Фурунео Мак-Кею.

- Эбнис использует зейе-центр моего "я", - сказал калекбан. - Договор дает Эбнис право пользования. Мое "я" имеет зейе-центр. Эбнис пользуется этим.

- Итак, она открывает прыжковую дверь и посылает через нее паленку, - сказал Фурунео. - Почему бы нам просто не подождать здесь и не перехватить ее?

- Она закроет дверь прежде, чем мы приблизимся, - сказал Мак-Кей. - Нет, не получится. Я думаю, придется поверить, что существует только один, главный зейе-центр, контролирующий все прыжковые двери. Может быть, Эбнис купила себе право использовать его по собственному усмотрению или...

- Или что-то другое, - пробурчал Фурунео.

- Эбнис контролирует зейе-центр по договору о покупке, - сказал

калебан.

- Видите, Фурунео? - сказал Мак-Кей. - Вы можете блокировать контроль Эбнис, Фанни Мей?

- Заключение договора предполагает невмешательство в действия этого индивидуума.

- Но, несмотря на это, вы можете пользоваться вашим собственным зейе-центром? - настаивал Мак-Кей.

- Это возможно.

- Это безумие! - фыркнул Фурунео.

- Безумие определяется как неспособность к упорядоченному ходу мыслей и логическим выводам, - сказал калебан. - Безумие - это зачастую суждение одной формы жизни о другой. По меньшей мере, ошибочная интерпретация.

- Послушайте, - сказал Мак-Кей своему коллеге, - все эти случаи смерти и сумасшествия в связи с исчезновением калебанов подтверждаются нашей интерпретацией. Мы имеем дело с чрезвычайно взрывоопасной ситуацией.

- Итак, мы должны найти Эбнис и помешать ее дальнейшим безобразиям.

- Легко сказать, - ответил ему Мак-Кей. - А теперь, я думаю, нужно сделать следующее. Оставьте шар в покое и известите обо всем Бюро. В вашей памяти достаточно сведений. Объясните им все.

- Хорошо. Вы хотите остаться здесь?

- Да.

- Что мне говорить, если меня спросят, что делаете вы?

- Я должен взглянуть на сопровождающих Эбнис и ее окружение.

Фурунео откашлялся.

- Вы подумали о том, что остаетесь совсем один? - он сделал движение, словно стрелял из излучателя.

- В прыжковую дверь проходят предметы не больше определенной величины и с определенной скоростью, - констатировал Мак-Кей. - Вы сами это знаете.

- Может быть, это не обычная прыжковая дверь.

- Сомневаюсь.

- Когда я передам ваше сообщение, что мне делать дальше?

- Подождать снаружи, пока я вас не позову - это в том случае, если у вас для меня не будет сообщения. Да, и на всякий случай пустите в ход все силы для поисков на этой планете... Может быть, Эбнис находится где-нибудь неподалеку.

- Само собой разумеется, - Фурунео помедлил. - Вот еще что: к кому я должен обратиться, когда установлю контакт с Бюро, к Бильдуну?

Мак-Кей взглянул на него. Почему Фурунео спрашивал, к кому обратиться? Что он хотел этим сказать?

Потом Мак-Кей сообразил, что Фурунео сказал это в результате логических размышлений. Нынешним директором Бюро Саботажа был Наполеон Бильдун, пан спехи, человекоподобный только по внешнему виду. Тут Мак-Кей повел себя как человек, считающий, что все разумные формы жизни должны были произойти от обезьяны. Политическое соперничество между различными разумными видами существ во времена наивысшего напряжения принимало странные формы. В этом случае было целесообразно создать обширный директорат.

- Спасибо, - сказал Мак-Кей. - Я не задумывался над этой важной проблемой.

- Это очень важная проблема.

- Я понимаю. Итак, по моему мнению, в этом деле с нами должен сотрудничать шеф нашего поискового отдела.

- Гайчел Сайкер?

- Да.

- Лаклак и пан спехи. Кого еще нужно проинформировать?

- Один из правовых отделов. Когда мы так туго натягиваем лук, они должны получать всю информацию о наших действиях, - сказал Мак-Кей. - И прежде, чем последует официальное решение, всем нам может прийти солоно.

Фурунео кивнул.

- Еще кое-что.

- Что?

- Как я выйду наружу?

Мак-Кей повернулся к "половнику".

- Еще один вопрос, Фанни Мей. Как моему спутнику покинуть ваше жилище?

- Куда он желает отправиться?

- Домой.

- Очевидные связи, - сказал калебан.

Мак-Кей услышал шипение воздуха, в ушах у него щелкнуло. Потом послышался звук, словно откупорили пустую бутылку. Он огляделся. Фурунео исчез.

- Вы... отправили его домой? - спросил он.

- Верно, - ответил калебан. - Прямо в нужное место. Быстрое перемещение, чтобы избежать падения температуры.

Пот ручьями тек по лицу Мак-Кея. Он сказал:

- Мне хотелось бы узнать, как вы это сделали. Вы действительно можете читать наши мысли?

- Я вижу только связи.

"Опять это выражение", - думал Мак-Кей; он обратил внимание на замечание калебана о температуре. Проклятье! Воздух в этом помещении закипает! Здесь было как в сауне. Одежда приклеилась к телу, кожа зудела, в горле пересохло. Он вытирал лоб рукой, состоявшей, казалось, полностью из воды. Он попытался вытереть руку о пиджак.

Мысль, что каждое разумное существо, которое когда-либо пользовалось прыжковой дверью, должно умереть вместе с исчезновением калебана, тяжело давила на его сознание. В этом воздухе был запах смерти. Каждый, кто пользовался прыжковыми дверями! Это были сотни тысяч разумных существ... миллионы!

Или даже миллиарды. Точное число вообще было не известно. Верно ли он понял слова калебана? Более чем вероятно. Смерть и безумие при исчезновении калебанов достаточно ясно указывали, что другой интерпретации ответа на его вопрос нет.

Звено за звеном ловушка захлопывалась. Она завалит вселенную мертвечиной.

Светящийся овал над "половником" внезапно замерцал по краям, сократился и исчез. Мак-Кей воспринял Это как проявление печали и подавленности.

- Что-то не в порядке? - спросил он.

Вместо ответа позади калебана открылась круглая туманная труба прыжковой двери. В отверстии стояла сильно уменьшенная женщина, видимая словно в перевернутой подозрительной трубе. Мак-Кей когда-то видел ее по видео, когда получал инструкции по выполнению этого задания.

Он видел перед собой Млисс Эбнис. Она медленно двигалась в трубе, залитая ярким красноватым светом.

Было видно, что косметологи со Стедииона хорошо поработали над ее персоной. И Мак-Кей решил это проверить. У нее была фигура двадцатилетней девушки. Феерические голубые волосы контрастировали с пухлыми вишнево-красными губами. Большие зеленые глаза и острый прямой нос, на котором были видны следы уменьшения хирургическим способом, находились в странном контрасте друг с другом. Она была как отвергнутая королева, старая и юная одновременно. "Ей должно быть, по меньшей мере, восемьдесят нормальных лет", - подумал Мак-Кей. Косметологи создали страшную комбинацию: мягкая, очаровательная юность и холодная, жадная властность.

Длинная одежда из серой, вышитой жемчугом ткани, при каждом движении обтягивала ее стройное тело как блестящая кожа. Она приближалась.

- А, Фанни Мей, - сказала Млисс Эбнис, - у тебя гость. - Прыжковая дверь придавала ее голосу хриловатое растянутое звучание.

- Я Джой Кс.Мак-Кей, уполномоченный Бюро Саботажа, - сказал он.

Что-то мелькнуло в зрачках ее глаз. Она остановилась.

- А я Млисс Эбнис. Частное лицо.

"Частное лицо, - подумал Мак-Кей. - Эта потаскушка контролирует промышленность по крайней мере двухсот миров". - Мак-Кей медленно поднялся.

- Бюро Саботажа говорит с вами официально, - сказал он казенным тоном.

- Я - частное лицо! - возразила она. Голос ее был высокомерным, полным капризной обидчивости. Перед лицом этой очевидной слабости у Мак-Кея дрогнуло сердце. Это была деформация характера, которая часто приходит вместе с богатством и властью. У него был опыт обхождения с такими людьми.

- Фанни Мей, я ваш гость? - спросил он.

- В самом деле, - ответил калебан. - Я открыл ему свою дверь.

- Я твоя временная хозяйка? - спросила Эбнис.

- Это так, вы наняли меня.

На ее лице появилось напряженное выжидающее выражение. Глаза сузились.

- Очень хорошо. Тогда будь готов выполнить свой долг. Согласно нашему договору.

- Один момент, - быстро сказал Мак-Кей. Он чувствовал себя беспомощным. Почему это произошло так быстро и именно в этот момент? Что значила едва сдерживаемая дрожь в ее голосе?

- Гости не должны вмешиваться, - сказала Эбнис.

- Бюро само решает, где ему вмешиваться! - ответил Мак-Кей.

- Ваша власть не безгранична, - отпаривала она.

Мак-Кею пришлось выслушать начала многих выражений: продажный политикан, громадные суммы взяток, манипулирование решениями, закулисные интриги, платная информация для масс, которые терпят произвол высокомерных и влиятельных жен начальников, секретные переговоры на высшем уровне, юридические маневры, чтобы затруднить деятельность Бюро Саботажа Расследования и дискредитировать его. И тогда платные шпионы докопаются до его далекого прошлого и обязательно отыщут что-то, чтобы ликвидировать его.

Мысли обо всех этих проявлениях власти обескураживали, и Мак-Кей еще раз спросил себя, с какой целью он подвергает себя такой опасности? Почему он поступил на службу в Бюро? "Потому, что меня трудно удовлетворить, - сказал он себе. - Я саботажник по призванию". И этот выбор теперь не изменить. Кроме того, Бюро до сих пор всегда одерживало верх.

И на этот раз было похоже, что Бюро взвалило на свои плечи ответственность за судьбу почти всех разумных существ Галактики.

- Согласен, и у нас есть свои границы, - сказал Мак-Кей. - Но я сомневаюсь, чтобы вы их когда-нибудь увидели. Ну, что здесь происходит?

- Вы не полицейский агент! - констатировала Эбнис.

- Может быть, надо пригласить сюда полицию?

- А какие для этого основания? - она улыбнулась. У нее была власть над ним, и она знала это. Ее юридический консультант, несомненно, показал ей все самые запутанные способы, какими можно избежать слишком явных нарушений законности.

- Ваши действия приведут к смерти этого калебана, - сказал Мак-Кей. - А это недопустимо. - Он не возлагал особых надежд на этот аргумент, но это помогало ему выиграть время.

- Вам еще нужно доказать, что калебанскую концепцию исчезновения нужно интерпретировать как гибель, - сказала она. - Вы этого не сможете сделать, потому что это недоказуемо. Почему вы вмешиваетесь? Это только безбидная игра между двумя близкими по духу парт...

- Больше, чем игра, - сказал калебан.

- Фанни Мей! - вскричала Эбнис. - Ты не должна вмешиваться в этот разговор! Вспомни о нашем договоре!

- Вспомни о противоречии между договором и постановлением правительства, - сказал калебан.

Эбнис нетерпеливо взмахнула рукой.

- У меня есть надежная информация, что калекбан не может испытывать боли, он даже не имеет о ней никакого понятия. Мне доставляет удовольствие устраивать показательное бичевание и наблюдать реакцию...

- Вы испытываете боль, Фанни Мей? - спросил Мак-Кей.

- Не имею никакого понятия об мой концепции, - ответил калекбан.

- Станет ли это бичевание причиной вашего окончательного исчезновения? - спросил Мак-Кей.

- Объясните точнее, пожалуйста, - попросил калекбан.

- Имеется ли связь между бичеванием и вашим окончательным исчезновением? - спросил Мак-Кей.

- Универсальные связи заключают все события, - ответил калекбан.

- Я хорошо заплатила за это удовольствие, - сказала Эбнис. -

Прекратите ваше вмешательство, Мак-Кей.

- Чем вы заплатили?

- Это не имеет значения!

- Может быть, это имеет громадное значение, - сказал Мак-Кей. - Фанни Мей?

- Не отвечай ему! - приказала Эбнис.

- Я все еще могу вызвать полицию и предоставить это дело закону.

- Только сделайте это! - издевательски сказала Эбнис. - В этом случае будьте готовы к тому, чтобы тоже ответить за свое поведение, за вмешательство в отношения между представителями разных разумных рас.

- Я не могу, по крайней мере временно, настаивать на своем, - сказал Мак-Кей. - Каков ваш теперешний адрес?

- Следуя совету своего адвоката, я отказываюсь от ответа.

Мак-Кей мрачно уставился на нее. Она хорошо знала, что он не сможет привлечь ее к ответственности, пока не будет в состоянии доказать ее преступление, он должен заинтересовать прокурора в проведении следствия, разыскать свидетелей и, наконец, возбудить против нее дело. А ее адвокаты будут на каждом шагу ставить ему палки в колеса.

- Предлагаю решение, - сказал калекбан. - В нашем с Эбнис договоре нет ничего секретного. Эбнис предоставляет в мое распоряжение воспитателя.

- Воспитателя? - переспросил Мак-Кей.

- Ну да, - угрюмо сказала Эбнис. - Я предоставляю в распоряжение Фанни Мей лучших учителей и воспитательные средства обучения, которые только может предложить наша цивилизация. Фанни Мей впитывает нашу культуру. Это стоит недешево.

- И Фанни Мей все еще не понимает, что такое боль? - недоверчиво спросил Мак-Кей.

- Надеюсь найти подходящее понятие, - ответил калекбан.

- У вас достаточно времени для этого? - спросил Мак-Кей.

- Понятие времени затруднительно. Время обладает неизвестным качеством, которое мы обозначим как протяженность, субъективным и объективным измерением. Все это очень туманно.

- Я хочу спросить официально, - сказал Мак-Кей. - Млисс Эбнис, вы понимаете, что убиваете этого калекбана?

- Исчезновение и убийство не одно и то же, - ответила Эбнис. - Так ведь, Фанни Мей?

- Между различными уровнями "я" существует огромное несоответствие эквивалентности, - сказал калекбан.

- Я спрашиваю вас о всех видах, Млисс Эбнис, - сказал Мак-Кей. - Может ли калекбан, которого зовут Фанни Мей, объяснить последствия ваших действий, которые, как он сам указывает, приведут к его Окончательному исчезновению. Вы называете это прерывистостью, что одно и то же.

- Вы только что слышали, что нет никакого эквивалента.

- Вы не ответили на мой вопрос.

- Вы сами запутались в своей хитрости.

- Фанни Мей, - спросил Мак-Кей. - А имеют ли действия Млисс Эбнис последствия...

- Мы связаны договором, - ответил калекбан.

- Видите! - с триумфом воскликнула Эбнис. - Фанни Мей считает себя связанной договором, и вы вмешиваетесь в дело, которое вас совсем не касается. - Она сделала знак кому-то, находящемуся в туманном отверстии прыжковой двери. Мак-Кейю не было видно, кто это был.

Внезапно отверстие стало вдвое шире. Эбнис отступила с сторону. В поле зрения Мак-Кея остались половина ее лица и один глаз. На заднем плане теперь была видна большая группа зрителей. К гигантскому "половнику" из прыжковой двери выбежала характерная фигура паленки. Сотни крошечных ножек несли его массивное тело. Из передней части снабженного круглыми глазами корпуса выступала единственная рука, в двупалой ладони был зажат бич. Рука просунулась через отверстие прыжковой двери, без усилия таща за собой бич, взмахнула им в воздухе и ударила. Бич хлестнул "половник".

Кристаллический рой флюоресцирующих зеленых искр захлестнул всю видимую часть калебана. В следующий момент этот фейерверк вспыхнул каскадом света, потом потух.

Из отверстия донесся стон экстаза.

Мак-Кей тщетно пытался совладать с поднимающейся в нем волной холодной ярости, потом прыгнул вперед, решительно схватил бич и рванул его. Прыжковая дверь тотчас же закрылась, и отрезанная рука паленки вместе с бичом упала на пол помещения. Рука вздрагивала и извивалась, как змея, но ее движения становились все медленнее и медленнее. Потом она замерла окончательно.

- Фанни Мей? - сказал Мак-Кей.

- Да?

- Бич ударил вас?

- Объясните, что такое "ударил"?

- Повлиял ли бич на вашу субстанцию?

- Что-то в этом роде.

Мак-Кей подошел поближе к "половнику".

- Опишите ваши ощущения.

- У вас нет для этого подходящих понятий.

- Попробуйте.

- Я вдохнула вещество бича, выдохнув собственное вещество.

- Хорошо. Вы можете описать реакцию, вашу психологическую реакцию?

- Нет общих психологических понятий.

- Но какая-то реакция есть, черт побери!

- Бич несовместим с гааск.

- С чем?

- Нет общих понятий.

- Что значил рой зеленых искр, возникший, когда бич ударил вас?

- Объясните, что такое "рой зеленых искр".

Мак-Кей попытался описать, что он видел.

- Вы наблюдали этот феномен? - спросил калебан.

- Я видел это.

- Невероятно!

Мак-Кей заколебался, когда ему в голову пришла странная мысль. Может быть, мы для калебана так же невещественны, как и он для нас? Он задал вопрос.

- Все формы жизни обладают субстанцией, соответствующей их квантовому существованию, - ответил калебан.

- Но вы видите нашу субстанцию, когда смотрите на нас?

- Затруднение. Ваши товарищи по виду уже задавали этот вопрос. Нет никакого определенного ответа.

Мак-Кей вздохнул.

- Попробуем как-нибудь иначе, - сказал он. - Имеется место, куда вы можете перенестись вместе со своим... своим домом и где Млисс Эбнис не сможет вас настигнуть?

- Отступление возможно.

- Ну, тогда сделайте это!

- Не могу.

- Почему не можете?
- Договор запрещает это.
- Да нарушьте же этот проклятый договор!
- Нечестность действий вызовет окончательное исчезновение всех

мыслящих существ на этом уровне.

Мак-Кей воздел свои руки в жесте отчаяния и почувствовал, как во время этого движения дрожь прошла по телу, а в гипофизе взорвался сигнал дальней связи. Начало поступать сообщение, и он осознал, что его тело впало в транс и что он стоит тут, бормоча и клохча; а по его телу пробегает мелкая дрожь.

Но на этот раз он не рассердился на вызов.

- Говорит Гайчел Сайкер, - сказал абонент.

Мак-Кей представил себе сидящего в кресле у удобного письменного стола шефа поискового отдела, проворного маленького лаклака, вспомнил, как выглядят их боевой предводитель, его изможденное лицо, как его массирует великолепное кресло-робот, как он вызывает своих лакеев одним нажатием кнопки...

- Нашли время для вызова, - сказал Мак-Кей.

- Я вам чем-то помешал?

- Конечно, вы давно уже должны были получить сообщение Фурунео...

- Что за сообщение?

Мак-Кей озадаченно замолк. Никакого сообщения от Фурунео?

- Фурунео давно ушел, чтобы...

- Я вызываю вас, - нетерпеливо сказал Сайкер, - потому что не получил от вас никакого сообщения. Люди Фурунео уже обеспокоены. Откуда должен был прийти Фурунео и как?

Мак-Кей озаирало. Он спросил:

- Где родился Фурунео?

- На Ланби. А почему вы это спрашиваете?

- Я думаю, что мы отыщем его там. Калекан с помощью своей зейе-системы отправил его домой. Если он сам не свяжется с вами, тогда пошлите за ним. Он должен...

- На Ланби только три тапризюта и одна прыжковая дверь. Это окраинная планета, словно специально созданная для отшельников...

- Это объясняет задержку сообщения. Теперь: ситуация здесь выглядит следующим образом... - Мак-Кей стал объяснять проблему своему собеседнику.

- Вы думаете, это связано с окончательным исчезновением калеканов? - прервал его тот.

- Получается так. Все данные говорят за это.

- Ну, может быть, но...

- Можем ли мы позволить себе ваше "может быть", Сайкер?

- Лучше подключить к этому делу полицию.

- Мне кажется, Эбнис надеется, что именно так мы и сделаем.

- Почему?

- Кто напишет донос?

Тишина.

- Вы понимаете, что я имею в виду? - настаивал Мак-Кей.

- Что вы вбили себе в голову, Мак-Кей?

- Нам во что бы то ни стало надо сохранить калекана. Но если мы поступим по закону, это уже не будет играть никакой роли, не так ли?

- Я предлагаю, - сказал Сайкер, - известить самых высших чинов полиции - и только для консультации. Согласны?

- Не возражаю. Поговорите с Бильдуном. Для меня из всего этого важно, чтобы вы созвали заседание директората и провели срочный инструктаж всех агентов Бюро. Они все время должны держать калеканов в поле зрения и наблюдать за расой паленков, а самое главное, они должны разузнать, где находится Млисс Эбнис.

- Этого мы не сможем сделать. Сами знаете.

- Мы должны это сделать.

- Когда вы возьметесь за этот заказ, вы получите подробные

обоснования, почему мы не...

- Проявлять скромность - это не значит ничего не предпринимать, - сказал Мак-Кей. - Если вы так думаете, то из ваших рук ускользнет величайшее в вашей жизни предприятие.

- Мак-Кей, я не могу верить...

- Заканчивайте разговор, Сайкер, - сказал Мак-Кей. - Я обращаюсь прямо к Бильдуну.

Молчание.

- Прервите связь! - приказал Мак-Кей.

- Не нужно.

- Действительно не нужно?

- Я сейчас же отправлю наших агентов на поиски Млисс Эбнис. Я понимаю вашу аргументацию. Если мы согласимся, что...

- Мы согласимся, - сказал Мак-Кей.

- Приказ, конечно, будет выдан от вашего имени, - сказал Сайкер.

- Как всегда, стараетесь остаться в стороне? - спросил Мак-Кей.

- Пошлите агентов на Стедион, чтобы разведать все, что касается косметологов. Она была там, и совсем недавно. Я также ищу место, где она взяла бич, которым...

- Бич?

- Я только что был свидетелем бичевания. Эбнис закрыла прыжковую дверь, хотя паленка все еще протягивал руку сквозь ее отверстие. И ему напрочь отрезало ау руку. Паленка отрастит новую руку, или она сможет нанять нового паленку, но рука и бич могут послужить отправной точкой. Я знаю, что паленки не имеют генетической картотеки, где мы могли бы сравнить пробы ткани, но в данный момент у нас нет ничего лучшего.

- Я понимаю. Вы все это... видели все происшедшее?

- Я к этому и клоню.

- Не лучше ли вам самому явиться сюда и надиктовать ваше сообщение на ленту?

- Это я предоставляю вам. Я не думаю, что в ближайшее время смогу появиться в Централи.

- Гмм. Я понимаю, что вы имеете в виду. Вы хотите своим постоянным присутствием связать ей руки.

- Или я сильно ошибаюсь. Ну, теперь перейдем к тому, что я видел: когда она открыла дверь, я мог разглядеть кое-что на заднем плане, словно в окне. Когда я заглянул туда, там был дневной свет. Покрытое облаками небо.

- Покрытое облаками?

- Да, но почему вы спрашиваете?

- Здесь после полудня все время было облачно.

- Но вы же не думаете, что Эбнис была... нет, конечно, нет.

- Вероятно, нет, но мы должны искать ее. С ее бешеными деньгами никогда не знаешь, что она еще может купить.

- Да... Ну, а паленка... На его панцире смешной узор: треугольник, точки, красная и оранжевая, и все это обведено полосой или каймой желтого цвета.

- Родовой знак, - сказал Сайкер.

- Да, но какого рода паленки?

- Хорошо. Мы это выясним. Что еще?

- Во время бичевания на заднем плане была видна группа существ. Я видел одного прайлинга, пару соборайпсов и двух молодых юношей...

- Это похоже на обычную толпу паразитов. Вы узнали кого-нибудь из них?

- Я не смогу назвать кого-нибудь из них по имени. Но среди них был один пан спехи, и у него был шрам на лбу.

- В самом деле?

- Я знаю только, что видел шрам. Удаление эгооргана.

- Это против всех законов пан спехи, моральных, этических и...

- Шрам был пурпурным, - сказал Мак-Кей.

- И он выставлял его на всеобщее обозрение? Никакого грима или еще чего-нибудь, чтобы скрыть его?

- Ничего. Если я прав, это значит, что он - единственный пан спехи в этой группе. Если бы был еще один, он тотчас бы убил его.

- Что вам еще запомнилось?

- Была еще пара мужчин в зеленых комбинезонах, которая стояла на заднем плане.

- Личная охрана Эбнис.

- Я тоже так подумал.

- Довольно большое сборище, - сказал Сайкер.

- Да. Нелегко, столкнувшись с таким окружением, не вызвать против себя его гнева, а, наоборот, объединить его.

- Если кто-то и смог это сделать, так только она.

- Вот еще что, - сказал Мак-Кей. - Я почувствовал запах дрожжей.

- Дрожжей?

- Именно. У отверстия прыжковой двери создается разница давления.

Поэтому запах дрожжей и донесся до меня.

- Все это очень ценные наблюдения. Вы абсолютно уверены в своих наблюдениях относительно пан спехи?

- Я видел не только его шрам, но и его глаза.

- Глубоко утопленные, фасетчатые, переходящие один в другой?

- Именно так.

- Если нам удастся этого парня представить пред светлы очи других пан спехи, у нас будет рычаг, с помощью которого мы сможем выбить Эбнис из седла. Подвести под это дело криминал, вы понимаете?

- Как мы должны действовать? Пан спехи взовьется, когда увидит нашего человека. Он попытается броситься в прыжковую дверь, чтобы прикрыть Эбнис. Она же знает половину наших наблюдателей. Мы - другое дело.

- Но это будет убийство!

- Прискорбный несчастный случай, не больше.

- У этой женщины есть власть и влияние, данные ей, но...

- И она снесет нам головы, если сможет убедить суд, что она - частное лицо и мы пытаемся саботировать ее инициативу.

- Щекотливое положение, - сказал Сайкер. - Я надеюсь, вы не поднимете по этому поводу никакого официального шума.

- Но я это уже сделал.

- Вы это сделали?

- Я официально предупредил ее.

- Мак-Кей, вы приняли на себя тяжелые обязательства.

- Послушайте, Сайкер, Эбнис должна предпринять секретные юридические шаги. Посоветуйтесь с юридическим отделом. Она может что-то предпринять против меня лично, но если она выступит против Бюро, мы можем потребовать слушания дела и оказать персональное противодействие. Но это ей отсоветуют ее юристы.

- Может быть, она и не выступит против Бюро в суде, - сказал Сайкер.

- Но, несомненно, натравит на нас своих собак. И ситуация может оказаться для нас неблагоприятной. И так уж в последнее время Бильдун словно взбесился. Он теперь в любое время может уйти в колыбель. Вы знаете, что это означает.

- Кресло директора будет свободным, - сказал Мак-Кей. - Я ожидал этого.

- Да, но это доставит нам множество новых забот.

- Вы прекрасно подходите для этой должности, Сайкер.

- Вы тоже, Мак-Кей.

- И я подхожу.

- Вы подадите письменное заявление? Как бы то ни было, у меня хватает забот с Бильдуном. Он взорвется, когда услышит об этом пан спехи. Это может его доконать.

- Он уже будет к этому готов, - без особой уверенности сказал Мак-Кей.

- Я надеюсь, вы понимаете, что я не подхожу для этого.
- Вы знаете об этой работе все, что необходимо, - сказал Мак-Кей.
- Я могу представить себе только сплетни, - сказал Сайкер. Он прервал

связь.

Мак-Кей снова увидел тускло-красный свет внутри шара калекана. Он обливался потом. В помещении было жарко как в печи. Он спросил себя, скоро ли он потеряет в весе от такой жары. Потеря влаги в его теле, очевидно, была значительна. В тот момент, когда он подумал о воде, он почувствовал, что горло у него пересохло, как наждак.

- Вы все еще тут? - прокричал он.

Тишина.

- Фанни Мей?

- Я остаюсь в моем доме, - сказал калекан.

- Хотите общими силами положить конец бичеваниям? - спросил Мак-Кей.

- Если мой договор это позволит.

- Тогда порядок. Скажите Эбнис, что хотите, чтобы я был вашим учителем.

- Вы будете выполнять функции учителя?

- Вы хотите от меня что-нибудь узнать? - спросил Мак-Кей.

- Все смешанные связи изучены.

- Связи, - пробормотал Мак-Кей. - Надеюсь, мне удастся дожить до старости.

- Объясните, что такое "старость", - сказал калекан.

- Уже лучше. Но сначала мы должны обсудить договор. Может быть, существует возможность его обойти. По каким законам он заключен?

- Объясните, о каких законах идет речь. Вы имеете в виду моральные или юридические законы?

- Какими достойными уважения формулировками вы связаны? - терпеливо спросил Мак-Кей.

- Естественной честью высокоморальных мыслящих существ.

- Эбнис не знает, что такое честь, и никогда не думала о морали.

- Я представляю себе честь.

Мак-Кей вздохнул.

- Есть свидетели, письменные документы или что-нибудь подобное?

- Все другие калеканы подтвердили связи. Не понимаю, что такое "письменные документы". Объясните.

Мак-Кей решил отказаться от объяснений. Вместо ответа он спросил:

- При каких обстоятельствах вы можете отказаться от выполнения вашего с Эбнис договора?

После долгой паузы калекан сказал:

- Изменения обстоятельств обуславливаются изменением отношений. Эбнис должна отказаться от наших связей или попытаться найти им новое определение, в важнейших пунктах, тогда мне может открыться возможность для отступления.

- Ясно, - сказал Мак-Кей. - Это логично.

Он покачал головой, всматриваясь в пустой воздух над гигантским "половником". "Калекан! Тебя нельзя ни видеть, ни слышать, ни понять".

- Мне можно использовать вашу зейе-систему? - спросил он.

- Вы занимаете должность моего учителя.

- Это значит "да"?

- Положительный ответ.

- Положительный ответ, - эхом откликнулся Мак-Кей. - Прекрасно. Вы можете транспортировать мне вещи? Вы свяжетесь с тем местом, которое я вам укажу?

- Во время связи место легко можно узнать.

- Надеюсь, я понял, что это значит, - сказал Мак-Кей. - Вам известно о биче и руке паленки, которые лежат здесь, на полу вашего помещения?

- Положительный ответ.

- Я могу передать их в централь определенного Бюро? Можете вы это сделать?

- Думайте о Бюро.

Мак-Кей подчинился.

- Связь установлена, - сказал калеван. - Вы хотите исследовать эти вещи?

- Верно!

- Теперь отправлять?

- Немедленно.

Рука и бич рывком вылетели из его поля зрения и с резким хлопком взорвавшегося воздуха исчезли. Мак-Кей озадаченно мигнул, потом спросил:

- Эта транспортировка вещей подобна дальней связи тапризиотов?

- Транспортировка сообщений происходит на низшем энергетическом уровне, - ответил калеван.

- Верю, - сказал Мак-Кей. - Но есть еще одно маленькое дельце, связанное с моим другом Алихино Фурунео. Я полагаю, вы отправили его домой?

- Правильно.

- Вы отправили его не в тот дом, в который должны были его отправить.

- Есть только один дом.

- У нас есть больше, чем один дом, - сказал Мак-Кей.

- Но я вижу связи.

- Несомненно, - успокаивающе сказал Мак-Кей, восприняв излучение сильной эмоции. - Но вы должны знать, что он имеет также еще один дом здесь, на этой планете.

- Удивительное сообщение.

- Неужели? А теперь еще вопрос: можете ли вы исправить эту ситуацию?

- Объясните ситуацию.

- Можете ли вы доставить его сюда, в его дом на Сердечности?

- Вы хотите этого?

- Я хочу этого.

- Ваш друг сейчас на дальней связи с помощью тапризиота.

- Ага! - сказал Мак-Кей. - Можете ли вы транслировать этот разговор?

- Содержание разговора не может быть передано. Связи очевидны. Ваш друг говорит с существом, не являющимся человеком.

- Какого вида существо?

- Пан спехи.

Что произойдет, если вы немедленно транспортируете Фурунео сюда, в его здешний дом?

- Нарушение связей. Я транспортирую его. Вот.

- Вы его уже отправили?

- Вы дали связь.

- Теперь он находится здесь, на этой планете?

- Он находится в том месте, которое не является его домом.

- Надеюсь, мы оба имеем в виду одно и то же, - сказал Мак-Кей.

- Ваш друг, - сказал калеван, - хочет быть вместе с вами.

- Он хочет явиться сюда?

- Правильно.

- А почему бы и нет? Вы хотите его доставить?

- Какая цель будет достигнута в результате пребывания вашего друга в моем доме?

- Я хочу, чтобы он остался с вами и наблюдал за Эбнис в то время, когда я буду заниматься другими делами.

- Мак-Кей.

- Да?

- Вы думаете, что ваше или чье-нибудь присутствие здесь удлинит присутствие этой личности на вашем уровне?

- Это так.

- Ваше присутствие сократит бичевание.

- Я понимаю.

- Вероятно, понимаете. Связи указывают.

- Это кажется мне необычным, - сказал Мак-Кей.

- Вы хотите, чтобы ваш друг был здесь?
- Что Фурунео делает теперь?
- Фурунео находится на связи с... ассистентом.
- Это звучит правдоподобно, - Мак-Кей на мгновение задумался, потом сказал: - Когда Фурунео закончит свой разговор, доставьте его, пожалуйста, сюда.

Он сел, прислонившись спиной к стене. Боги и дьяволы! Жара была непереносимой. Почему калекану необходима такая жара? Может быть, она для калекана является чем-то другим, каким-то видом волн, выполняющих функции, о которых другие формы жизни не имеют никакого представления.

Поток восхитительно прохладного воздуха известил Мак-Кея, что прибыл Фурунео. Он повернулся и увидел планетного агента, лежащего на животе на полу возле него. Фурунео встал на ноги и огляделся вокруг.

- Сто тысяч чертей! - вскричал он. - Что вы со мной сделали?
- Нам нужен свежий воздух, - сказал Мак-Кей.
Фурунео заглянул ему в лицо.
- Что?
- Рад вас видеть, - сказал Мак-Кей.
- Да? - Фурунео присел на корточки рядом с Мак-Кеем. - Вы знаете, что со мной только что произошло?
- Вы были на Ланби, - сказал Мак-Кей.
- Откуда вы знаете? Вы следили за мной?
- Маленькое недоразумение, - ответил Мак-Кей. - Ланби - ваша родная планета.

- Это не так!
- Это вы обсудите с Фанни Мей, - сказал Мак-Кей. - Вы приказали начать поиски на этой планете?
- Да, едва я получил указание, как вы меня...
- Но вы сделали все необходимое?
- Да.
- Хорошо. Фанни Мей, держите нас в курсе всех происходящих здесь событий и доставьте сюда наших людей, которые будут отдавать вам приказы. Вы можете это сделать, Фанни Мей?

- Связи могут быть проданы. Договор позволяет это.
- Очень хорошо. Прекрасно.
- Я почти забыл, как здесь жарко, - сказал Фурунео, вытирая лоб. - Итак, я могу позвать своих людей. Что я еще должен делать?

- Следите за Эбнис.
- И?
- В тот момент, когда здесь появится паленка и приступит к бичеванию, вы возьмете голографическую камеру и зафиксируете это. У вас с собой есть этот инструмент?

- Само собой.
- Хорошо. Во время съемки поднесите вашу камеру как можно ближе к прыжковой двери.
- Возможно, она закроет дверь, как только увидит, что я делаю.
- Не позволяйте ей этого. Впрочем, вы считаетесь ассистентом учителя.
- Кем-кем?

Мак-Кей рассказал о своем договоре с калеканом.
- Очень умно, - с уважением сказал Фурунео. - Итак, Млисс Эбнис не сможет отделаться от нас без того, чтобы не нарушить свой договор с Фанни Мей. Это все?

- Да. Вот еще что, попытайтесь выяснить, что имеет в виду калекан, когда говорит о связях.

- Связи, - сказал Фурунео. - Нет ли возможности заставить эту печь поэкономнее расходовать свой жар.

- Это вы можете сделать темой дальнейшего разговора. Постарайтесь выяснить, для чего нужна эта адская жара.

- Если не расплавлюсь. Где вы будете находиться?
- На охоте. Предполагаю, что я и Фанни Мей можем объединить свои

связи.

- Не понимаю.

- Я имею в виду, что я начну поиски Эбнис, если Фанни Мей сможет транспортировать меня как можно ближе к ней.

- Ах так, - сказал Фурунео. - Но вы можете попасть в ловушку, вы это знаете?

- Может быть. Фанни Мей, вы понимаете, о чем я говорю здесь с моим другом?

- Понимаю.

- Очень хорошо. Можете вы транспортировать меня в какое-нибудь место поблизости от Эбнис, где она не заметит моего присутствия, но откуда я смогу наблюдать за ней?

- Ответ негативен.

- Но почему же?

- Непременное условие договора.

- О, - Мак-Кей на некоторое время задумался, наконец он сказал: - Ну, а можете вы меня транспортировать в такое место, отправившись с которого, я могу оказаться поблизости от Эбнис в результате своих собственных усилий?

- Такая возможность есть. Разрешите проверку связей.

Мак-Кей ждал. Он глядел на Фурунео. Полевой агент уже начал раскисать от жары.

- Я видел свою мать, - сказал Фурунео, заметив внимательный взгляд Мак-Кея.

- Великолепно, - сказал Мак-Кей.

- Она со своими подругами купалась, когда калебан забросил меня к ним в плавательный бассейн. Вода была чудесная.

- И полагаю, вы удивились.

- Вы находите это великолепной шуткой. Я хочу сказать, что знаю, как функционирует зейе-система.

- Вы и пара миллиардов других. Потребление энергии должно быть чудовищно огромным. Как представляю себе, так у меня мурашки бегают по коже.

- Я испытал это ощущение. Вы знаете, жуткое чувство - мгновение назад я стоял и разговаривал в своем родном доме, а в следующее мгновение уже лежу на животе в своем кабинете.

- Мак-Кей, - сказал калебан. - Тут одна персона хочет установить с вами связь. Выполнить ее желание возможно.

- Вы будете меня транспортировать в какое-нибудь место поблизости от Млисс Эбнис?

- Положительный ответ. Да.

- Где это место?

Последовавший вслед за этим поток ледяного воздуха и жесткий удар о пыльную почву известил Мак-Кея, что он задает свой вопрос покрытому лишайником камню. Он в оцепенении уставился на этот камень и увидел включения слюды и маленькие желтоватые прожилки кварца. Камень был приблизительно метровой высоты. Он вместе с другими камнями лежал на пожухлом лугу, над которым светило далекое желтое солнце. Его местоположение на небе сказало Мак-Кею, что сейчас или далеко за полдень, или раннее утро по местному времени.

На другой стороне луга росли жалкие пожелтевшие кусты, а за ними виднелась возвышенность, незаметно спускавшаяся к далекой равнине, которая уходила к плоскому горизонту. Там равнина оканчивалась высокими белыми городскими башнями, высившимися среди этого пустынного однообразия.

- Проклятье! - охнул Мак-Кей и встал на ноги.

Бич и отрезанная рука паленки прибыли в исследовательскую лабораторию Централи в то время, когда там все были заняты. Шеф лаборатории, ветеран Бюро по имени Трайдж Тулук, как раз принимал участие в совещании,

устроенном по поводу сообщения Мак-Кея.

Тулук был врайвером двух с половиной метров ростом, с цилиндрическим телом, вилкообразными ногами, с длинным лицом, на котором находились подвижные хватательные щупальца. Совместная жизнь с людьми и с другими гуманоидами выработала у него неуклюжую походку, пристрастие к одежде с многочисленными карманами и циничную манеру разговора. Четыре стебельчатых глаза, выступавших из его лицевой щели, были зелеными и мягкими.

Вернувшись с совещания, он сейчас же узнал предметы, лежащие на полу его лаборатории. Они точно соответствовали описанию Гайчела Сайкера. Тулук немного поворчал о неосторожном способе доставки и принялся за исследования. Прежде чем отделить бич и руку друг от друга, он и его прибывшие сюда ассистенты сделали голографические снимки.

Как они и ожидали, генетическая структура руки паленки не давала никакой возможности для идентификации. Рука не принадлежала ни одному из паленков, чьи данные были занесены в генетическую картотеку. Несмотря на это, Тулук заложил в картотеку генетические данные обладателя руки; они были необходимы для дальнейшей идентификации, если их обладатель еще хоть раз войдет в контакт с Бюро.

Одновременно велось и изучение бича. Сообщение компьютера гласило: "Бич из бычьей кожи, копия старинных бичей с Земли". Он был сделан из полосы сыромятной бычьей кожи, факт, который вызвал у Тулука и его ассистентов-вегетарианцев некоторую дурноту, потому что раньше они считали, что это был синтетический материал.

- Болезненный архаизм, - сказал один из ассистентов Тулука, и все согласилось с этим мнением, даже пан спехи, для которого периодическое возвращение к плотоядному существованию было жизненно необходимо.

Странное строение некоторых молекул клеток бича привлекло их внимание. Изучение бича и руки продолжалось.

Сообщение настигло Мак-Кея, когда он удалился от камня приблизительно километра на три и стоял около полевой дороги. Он прошел этот отрезок пути пешком, переполненный глубочайшей и все более усиливающейся досадой на чужую обстановку. Город, который он так быстро обнаружил, оказался фата-морганой, отражением в воздухе над пыльной равниной, поросшей высокой травой и растрепанными колючими кустами.

В этой степи было почти так же жарко, как и в шаре калекана.

Единственными живыми существами, которых он до сих пор смог обнаружить, были пара желто-коричневых зверьков неопределенной формы и размера, которые проскользнули вдаль в пышущем жаром кустарнике, да бесчисленные насекомые - ползающие, летающие и прыгающие. Полевая дорога состояла из двух параллельно идущих углублений, образованных очевидно, колесами повозок, ржаво-красного цвета. Они начинались у далекой линии голубоватых холмов справа от него и тянулись по равнине настолько, насколько хватало глаз. Заросшие травой колеи свидетельствовали, что дорогой пользовались очень редко, и, кроме того, на дороге не было видно ни одного облачка пыли, которое выдало бы медленно ползущую по степи повозку.

Мак-Кей был почти счастлив, внезапно почувствовав наступление транса.

- Говорит Тулук, - сказал абонент. - У меня есть для вас сообщение. Вы велели, чтобы я вас вызывал, как только закончу исследование присланных вами вещей. Надеюсь, мой вызов настиг вас в благоприятный для вас момент.

- Конечно, - ответил Мак-Кей. - Я рад вашему вызову, Тулук. Что там у вас?

- О руке можно сказать немного. Настоящий паленка. Мы сможем идентифицировать первоначального владельца руки, если когда-нибудь он окажется в наших руках. Впрочем, эта рука уже однажды отращивалась. На предплечье находится шрам десяти сантиметров длиной, оставшийся от резаной раны.

- А как насчет родовых знаков?

- Это мы еще не проверили.

- А бич?

- Это другое дело. Он из настоящей кожи быка.

- В самом деле?

- Несомненно. Мы можем идентифицировать первоначального обладателя шкуры, хотя я и не думаю, что он где-то еще существует.

- Что еще?

- Бич - такой те архаизм, как и материал. Бич из кожи быка, старинного образца, подобные раньше употреблялись на Земле. Это - справка компьютера, и эксперты ее подтверждают. Они говорят, что способ изготовления несколько грубоват, но нет никакого сомнения, что это копия, изготовленная с древнего оригинала, и бич был изготовлен совсем недавно.

- Где она могла достать оригинал для копирования?

- Мы проверим, и это может дать нам ценные данные. Сохранилось очень мало таких настолько древних вещей.

- Вы уверены, что бич изготовлен недавно? - спросил Мак-Кей.

- Животное, кожа которого использована, было убито не более двух лет назад. Внутренняя клетчатая структура еще дает каталитические реакции.

- Два года, - подумал Мак-Кей. - Где она могла взять столь древнее животное, как бык?

- Верно, - сказал Тулук. - Это сокращает круг поисков, и мы можем ограничиться определенными источниками. Кое-где есть небольшие стада, содержащиеся для постановки телефильмов, но я думаю, что бич был изготовлен на одной из отсталых планет, где нет еще технологии для изготовления синтетического мяса и животноводством занимаются для обеспечения пропитания.

- Это дело становится тем запутанней, чем глубже мы в него вникаем, - сказал Мак-Кей.

- У меня создалось такое же впечатление. Впрочем, на биче микроскопические частички кельфа.

- Кельф! Вот откуда запах дрожжей!

- Да, он довольно силен.

- Что она могла делать с этим порошком для ускорения реакции? - спросил Мак-Кей. - Никакой реакции после применения кельфа не было заметно, но это, конечно, ничего не значит.

- Может, она с помощью него писала родовые знаки на панцире паленки?

- Зачем?

- Может быть для того, чтобы подделать их.

- Возможно, - сказал Мак-Кей. - Это все?

- Ну, мы начали с малого, но бич хранили в подвешенном состоянии, зацепив его за кусок железа или стали, вероятно, за гвоздь, вбитый в стену.

- Железо или сталь? - спросил Мак-Кей. - Вы в этом уверены?

- Анализ показал следы ржавчины.

- Кто сегодня еще использует сталь?

- На многих новых планетах она еще применяется. Известны даже местности, где строят с помощью этого материала.

- Невероятно!

- Мы тоже удивлены.

- Вы знаете, - сказал Мак-Кей, - мы держим отсталые планеты под наблюдением, и на одной из таких планет я, кажется, и нахожусь.

- Где вы?

- Я не знаю.

- Не знаете?

Мак-Кей описал свое щекотливое положение.

- Ваши внешние агенты идут ради вас на адский риск, - сказал Тулук. - Я вам не завидую.

- Я и сам чувствую, что оказался в незавидном положении.

- У вас есть монитор. Я могу попросить тапризотов определить ваше местопребывание. Распорядиться?

- Вы знаете, что в таком случае надо иметь огромный текущий счет в банке, - ответил Мак-Кей. - Я думаю, эта ситуация - не такой крайний случай, чтобы идти на риск банкротства. Разрешите мне сначала попытаться идентифицировать это место собственными силами.

- Итак, что я должен делать?

- Вызовите Фурунео. Скажите ему, чтобы он дал мне еще шесть часов, а потом калекан должен доставить меня обратно.

- Будет сделано. Сайкер сказал, что вы будете доставлены назад без использования прыжковых дверей. Калекан сможет отыскать вас везде?

- Я думаю, да.

- Сейчас вызову Фурунео.

Мак-Кей брел уже почти два часа, когда, наконец, заметил дым. Из-за далеких туманно-голубых холмов в небо поднималась тонкая серая спираль.

К тому времени Мак-Кей стало ясно, что его доставили в район, где легко умереть от голода и жажды, прежде чем обнаружишь цивилизованных разумных существ. Уныние и злость на самого себя охватили его и он проклинал себя за то, что воспользовался зейе-системой калекана, зная надежность взаимопонимания с этими существами. Неужели это конец - жестокий результат маленького недоразумения?

Идти!

Он никогда не думал, что его безопасность будет зависеть от надежности ног.

Он, казалось, приближался к дыму, хотя холмы оставались такими же далекими, как и прежде.

Это казалось ему самой глупой ошибкой, которую он когда-либо совершал. Почему Эбнис выбрала это Богом забытое место для того, чтобы вести отсюда свою извращенную игру? Если это вообще было искомое место. Во всяком случае, во время бесконечных разговоров с калеканом, все говорило о неточности понимания.

Мак-Кей, тяжело ступая, направился дальше, кляня себя за то, что не взял хоть немного воды. Сначала невыносимая жара в шаре калекана а, теперь - здесь. Горло словно жгло огнем. С каждым шагом из-под ног вздымалось маленькое облачко пыли. Насекомые гудели как вокруг трупа и пытались сесть на руки и лицо. Карман с приспособлениями оттягивал куртку. Мак-Кей был подготовлен ко всем возможным происшествиям, но только не к пешему переходу через пустынную степь какой-то отдаленной планеты.

Через некоторое время сквозь шум своих шагов и стук крови в висках, он услышал какой-то другой звук - тихий, неясный гул, словно удары по какому-то пустому, резонирующему телу. Казалось, его источник находится там, где дым поднимался в дрожащий воздух.

"Это может быть естественный феномен, - сказал себе Мак-Кей. - Это может быть неразумная форма жизни. Дым может идти и от очага возгорания". Из предосторожности Мак-Кей достал из кобуры маленький излучатель и сунул его во внешний карман куртки, откуда его можно было выхватить в любой момент.

Шум постепенно становился громче. Мак-Кей тяжело ступал по пыльной полевой дороге, поднимающейся на плоскую возвышенность. Солнце опускалось за горизонт. С тех пор, как он начал свое путешествие, светило прошло по небу, по крайней мере, пять своих диаметров.

"Что, во имя всех чертей, что означает этот барабанный бой?" - думал Мак-Кей. Достигнув широкого хребта возвышенности, он остановился и взглянул на простиравшуюся вдаль плоскую низину с выкорчеванными кустарниками. Приблизительно в центре ее находилось около двух десятков круглых глиняных хижин с коническими, поросшими травой крышами, окруженных овальным забором из жердей и переплетенного колючего кустарника. Из дымовых отверстий на крышах большинства хижин и от костров снаружи поднимались вверх тонкие нити дыма и сливались в воздухе над поселком. Свободное от хижин пространство низины было усеяно коричневыми силуэтами

животных.

Темнокожие парни с длинными палками охраняли скот, видневшийся возле хижины; мужчины, женщины и дети занимались своими делами.

Мак-Кей, чьи предки происходили с планеты Каолай и тоже были темнокожими, эти люди казались чем-то обеспокоенными. В нем пробудилась память предков, внося смятение в душу. Где же во Вселенной люди могли деградировать до таких примитивных условий жизни?

То, что он видел здесь, было похоже на картину из ранней истории цивилизации Земли.

Большинство ребятишек и многие из мужчин были обнажены. Женщины носили юбки из травы или лыка.

Может быть, это какая-то секта, которая пропагандирует возвращение к древнему естественному образу жизни?

Полевая дорога вела вниз в долину, проходила через проселок, выходила с другой стороны и исчезала за ближайшей возвышенностью.

Мак-Кей пошел дальше. Он надеялся, что сможет получить воду у жителей деревни.

Из самой большой хижины, расположенной в центре деревни, доносился барабанный бой. Возле этой хижины ждала двухколесная телега, запряженная четырьмя огромными рогатыми животными с хомутами на шеях.

Мак-Кей, подойдя ближе, рассмотрел поклажу. Между двумя высокими бортами были беспорядочно навалены странные предметы - плоские пластины, свертки материи, жерди с металлическими наконечниками.

Барабанный бой прекратился и Мак-Кей увидел, что его заметили. Дети, пронзительно визжа, бегали между хижинами и указывали на него. Взрослые выходили из низких входов в хижины или бросали свою работу и вставали. Все уставились на него.

Над деревней повисла напряженная тишина.

Мак-Кей вошел в деревню через брешь в колючей изгороди. Черные лица, лишённые всякого выражения, следили за каждым его шагом. Множество запахов ударило в нос. Запахи тухлого мяса, навоза, пота, древесного дыма и еще какой-то едкий смрад.

Тучи насекомых роем летали над тягловыми животными, запряженными в телегу, которые лениво помахивали хвостами.

Когда Мак-Кей подошел к центру деревни, из самой большой хижины вышел рыжебородый белый мужчина. На нем были шляпа с плоскими краями, запыленная черная куртка и бледно-коричневые брюки. В руке у него был бич того же типа, что использовал паленка. Увидев бич, Мак-Кей понял: он на правильном пути.

Мужчина ждал у входа - угрожающе выглядевший тип со злыми глазами и тонкими губами в зарослях бороды и усов. Он взглянул на Мак-Кея, кивнул нескольким темнокожим, которые стояли слева от Мак-Кея, сделал жест в сторону повозки и снова обратил внимание на Мак-Кея.

Два высоких темнокожих подошли к тягловым животным и поправили упряжь на их головах и шеях.

Мак-Кей теперь мог рассмотреть груз телеги вблизи. Плоские пластины были изрезаны и разрисованы различными узорами. Они напоминали спинные панцири паленков. Внимание, с которым разглядывала его эта парочка, поправлявшая упряжь, ему не нравилось. Здесь таилась какая-то опасность. Мак-Кей опустил левую руку в карман куртки и нащупал трубку излучателя. Он чувствовал и видел жителей деревни, столпившихся вокруг. Спина зачесалась. Он почувствовал себя голым и незащищенным.

- Я - Джой Мак-Кей, уполномоченный Бюро Саботажа, - сказал он, останавливаясь шагах в восьми от рыжебородого. - А вы?

Мужчина сплюнул в пыль и пробормотал что-то похожее на "Добреcher".

Мак-Кей сглотнул. Он не нашел в этом ничего общего с приветствием. Странно, подумал он. Он не мог поверить, что существуют люди, чья речь была ему совершенно непонятной.

- Я выполняю официальную миссию Бюро, - сказал Мак-Кей. - Сообщите об этом вашим людям.

Бородатый мужчина пожал плечами и сказал:

- Да'льдач.

Кто-то позади Мак-Кея крикнул:

- Крауликидо!

Бородач взглянул в том направлении, откуда раздался голос, потом снова на Мак-Кея.

Мак-Кей смотрел на бич. Мужчина держал его за рукоятку; конец бича волочился по пыли. Бородач уставился на Мак-Кея

Мак-Кей спросил:

- Откуда у вас бич?

Мужчина взглянул на свою руку, сжимавшую рукоятку бича.

- Бич? - спросил он. - Нужен для быков.

Мак-Кей подошел ближе и протянул руку к бичу.

Бородач медленно покачал головой, угрюмо взглянув на него. Реакция была недвусмысленной.

- Мак-Кей, - сказал он. Потом постучал рукояткой о борт телеги и головой сделал знак садиться.

Мак-Кей снова посмотрел на содержимое телеги. Это, несомненно, были предметы, сделанные вручную. Он знал, что на экзотических и декоративных вещах можно было заработать бешеные деньги. Всегда находилось множество людей, которым надоедали вещи, производимые конвейерным способом на заводах и фабриках. Ко если эти вещи были изготовлены здесь, в деревне, тогда это было похоже на подневольный труд. Или же здесь царило крепостное право. Игра Эбнис могла принять извращенные формы, но здесь, казалось, была изощренная и хладнокровная эксплуатация.

- Где Млисс Эбнис? - спросил он.

Этот вопрос вызвал неожиданную реакцию. Бородач вскинул голову и подозрительно уставился на него. Окружающие его люди испустили неразборчивый вопль.

- Эбнис? - спросил Мак-Кей.

- Сайасс Эбнис! - сказал рыжебородый.

Толпа начала петь:

- Эпа Эбнис! Эпа Эбнис! Эпа Эбнис!

Бородач что-то проревел, и монотонное пение внезапно оборвалось.

- Как называется эта планета? - спросил Мак-Кей. Он огляделся, заглядывая в темные лица. - Как называется эта деревня? Где она находится?

Никто ему не ответил.

Мак-Кей снова взглянул на бородача.

Остальных обвел непреклонным, оценивающим взглядом. Затем кивнул сам себе, словно придя к какому-то решению. Бородач сказал:

- Диспанг!

Мак-Кей наморщил лоб и выругался про себя. Это проклятое приключение приносит ему все новые затруднения! И не играло никакой роли, понимал он этих людей или нет. Он видел достаточно, чтобы требовать на этой планете полицейского расследования. Нельзя держать людей в таком примитивном состоянии. Несомненно, за всем этим стояла Эбнис. Бич, реакция на ее имя. Вся деревня провоняла жадностью. Эбнис. Мак-Кей смотрел на жителей деревни и видел у некоторых из них шрамы на руках, спинах и животах. Следы побоев бичом? Если это было так, тогда все деньги не спасут Эбнис. Самый мягкий приговор для нее - принудительное терапевтическое лечение, но на этот раз оно будет очень основательным...

Что-то взорвалось в затылке Мак-Кея и толкнуло его вперед. Пошатнувшись, он увидел бородача, поднимающего бич, и длинный ремень из сыромятной кожи свистнул в воздухе. Что-то ударило сбоку по голове. Он попытался вытащить из кармана излучатель, но его мускулы больше не повиновались ему. Он зашатался. Кровавая вуаль застлала все перед глазами.

Снова что-то ударило его по голове, оставив жгучий след на коже черепа. Он почувствовал, как кровь бежит по лицу и как он падает на пыльную почву.

Он подумал о мониторе в черепе. Как только его убьют, один из

тапризиотов где-нибудь обратит внимание и пошлет сообщение о критическом положении Джоя Мак-Кея.

- Нет, я еще могу это использовать! - сказала темнота в нем.

"Луна", - понял Мак-Кей. Этот светящийся предмет над ним должен быть Луной. Он осознал, что видит Луну уже некоторое время и почти совсем очнулся. Луна поднималась из черноты над очертаниями примитивных крыш.

Итак, он все еще в деревне.

Луна висела необычайно низко.

В голове Мак-Кея болезненно застучало. Он хотел ощупать ее и заметил, что запястья и лодыжки привязаны к колышкам, вбитым в твердую почву. Он был распят на спине, как сухая выделанная шкура животного.

Может быть, он находится в другой деревне?

Он проверил крепость своих пут, пытаясь двигать руками и ногами. Но не смог ослабить ремни.

Это было унижительно для него: распластаться на спине, раскинув руки и растопырив ноги.

Некоторое время он наблюдал за незнакомыми созвездиями сверху. Где же он находится?

Где-то слева вспыхнул огонек, какое-то время мерцал, потом превратился в оранжевый шар. Мак-Кей попытался повернуть голову в ту сторону, но замер, когда адская боль ударила вверх от туловища к затылку.

Он застонал.

Снаружи в темноте закричали животные. В ответ послышался хриплый рев. Затем снова воцарилась тишина. Потом снова рев. Новый шум в ночи привлек внимание Мак-Кея. Он услышал приближающиеся шаги.

- Я слышал, как он застонал, - сказал мужской голос.

Человек говорил на обычном галаксе. В ночи появились две тени и остановились возле Мак-Кея.

- Ты думаешь, он очнулся? - это был голос женщины, измененный звукоисказителем, находящимся у рта.

- Он дышит, как бодрствующий, - сказал мужчина.

- Кто здесь? - выдавил из себя Мак-Кей. Каждое слово отдавалось в его голове адской болью.

- Хорошо, что твои люди привыкли следовать инструкциям, - сказал мужчина. - Представь себе, ведь он пришел сюда совершенно свободно!

- Как вы сюда добрались, Мак-Кей? - спросила женщина.

- Пешком, - пробурчал Мак-Кей. - Это вы, Эбнис?

- Пешком, - насмешливо повторил мужчина.

Мак-Кей спросил себя, где он мог слышать голос этого мужчины. В этом странном акценте что-то было. Человек это или гуманоид? После некоторого размышления он решил, что только голос пан спехи мог выглядеть так по-человечески - потому что очертания его тела были похожи на человеческие.

- Если вы меня сейчас же не освободите, - сказал Мак-Кей, - это для вас может иметь непоправимые последствия.

Мужчина рассмеялся.

- Мы должны знать точно, как вы сюда попали, - сказала женщина.

- А какая вам разница?

- Это может иметь решающее значение. Что если Фанни Мей нарушила наш договор?

- Исключено, - фыркнул мужчина.

- Почему же исключено? Без помощи калекана он не мог бы появиться здесь.

- Может быть, есть еще один калекан?

- Фанни Мей сказала, что их больше нет.

- Я за то, чтобы сейчас же устранить этого проныру, - сказал мужчина.

- А если у него есть монитор? - спросила женщина.

- Фанни Мей сказала, что ни один тапризиот не сможет представить себе

это место.

- Но Мак-Кей же здесь!

- И за то время, пока я нахожусь здесь, у меня уже была связь, - сказал Мак-Кей. - Ни один тапризиот не сможет представить себе этого места? - переспросил он удивленно. - Что значит это утверждение?

- У них не будет времени для того, чтобы отыскать нас или сделать что-нибудь для этого, - сказал мужчина. - Мы устроим вас.

- Это будет не очень разумно, - сказал Мак-Кей.

- Вы еще говорите о разумности? - спросил мужчина.

Мак-Кей попытался разглядеть поподробнее их лица, но видел только черные силуэты.

- У меня есть монитор, - сказал он.

- Чем раньше, тем лучше, - сказал мужчина своей спутнице.

- Убейте меня, и монитор сработает, - сказал Мак-Кей. - Тапризиоты отыщут это место и идентифицируют каждого, кто находится рядом со мной. Конечно, может случиться, что вы этого не понимаете, но вы должны знать.

- Я дрожу от страха, - сказал мужчина.

- Нужно выяснить, как он сюда попал, - настаивала женщина.

- Какую роль это может теперь играть?

- Дурацкий вопрос!

- Итак, калекан нарушил договор, - равнодушно сказал мужчина. - Теперь мы упрячем этого типа здесь, глубоко под землю, и инцидент будет исчерпан.

- Или дело примет такой оборот, о котором мы даже и не подозреваем, - ответила она.

- Почему вы носите этот звукоисказитель, Эбнис? - спросил Мак-Кей.

- Почему вы называете меня Эбнис? - ответила она вопросом на вопрос.

- Вы можете изменить голос, но не в силах замаскировать ни свою извращенность, ни свой стиль, - сказал он.

- Вас транспортировала сюда Фанни Мей? - спросил женщина.

- Кто-нибудь говорил, что это невозможно? - возразил Мак-Кей.

- Он храбр, - сказала женщина, хохотнув.

- Это ему не поможет.

- Я не верю, что калекан мог нарушить наш договор, - сказала она. - Вспомни об условиях защиты. Вероятно, он отправил сюда Мак-Кея, чтобы избавиться от него.

- Тогда, несмотря ни на что, и мы от него отделаемся.

- Я так не думаю.

- Ты знаешь, что мы можем это сделать.

- Ты заставишь его страдать, а я этого не переносу! - вскричала женщина.

- Тогда уходи и предоставь это мне.

- Я не перенесу мысли, что он страдает! Как ты не понимаешь!

- Он не будет страдать.

- Это должно быть абсолютно надежно.

"Никакого сомнения, это Эбнис", - думал Мак-Кей. Потому что он узнал ее отвращение к наблюдению чужих страданий. Но кто же второй?

- Моя голова ужасно болит, - сказал Мак-Кей. - Вы знаете это, Млисс Эбнис? Ваши люди почти разрубили мне череп. Мой мозг - сплошная израненная масса.

- Какой еще мозг? - спросил мужчина.

- Мы должны вызвать врача, - сказала она.

- Будь благоразумной, - резко ответил мужчина.

- Ты слышал? У него болит голова!

- Перестань, Млисс!

- Ты упомянул мое имя, - сказала она.

- Какое это имеет значение? Он все равно узнал тебя.

- Что мы будем делать, если он ускользнет?

- Отсюда?

- Он же прибыл сюда, не так ли?

- За это мы должны быть ему благодарны.
- Он страдает, - сказала она.
- Он лжет.
- Он страдает. Я это вижу.
- Что, если мы доставим его к врачу, Млисс? - сказал мужчина. - Что, если мы это сделаем, а он ускользнет? Этот агент Бюро, знаете ли, продувная бестия.

Молчание.

- Нет другого выхода, - сказал мужчина. - Фанни Мей направила его сюда, и мы должны его уничтожить.

- Ты сводишь меня с ума! - закричала она.

- Он не будет страдать, - успокаивающе сказал мужчина.

Молчание.

- Я не понимаю тебя, - сказал мужчина.

- Не будет?

- Разве я тебе этого не говорил?

- Я пойду, - сказала она. - Я не хочу знать, что с ним произойдет. Ты никогда мне об этом не расскажешь, Чео? Ты меня слышишь?

- Да, моя дорогая, я слышал тебя.

- Он меня разрежет на мелкие кусочки, - сказал Мак-Кей. - И я все время буду визжать от боли.

- Заставь его замолчать, Чео! - истерически закричала она.

- Пойдем, дорогая, - сказал мужчина. Он положил руку на ее плечо. - Теперь пойдем.

- Эбнис! - в отчаянии простонал Мак-Кей. - Он причинит мне ужасную боль! Он будет меня истязать. Вы знаете это?

Она задрожала, когда мужчина повел ее прочь.

- Пожалуйста... пожалуйста... - умоляюще повторяла она. Звук ее рыданий затерялся в темноте.

- Фурунео! - подумал Мак-Кей. - Не мешкайте же! Заставьте калебана перенести меня! Я хочу убраться отсюда! Сейчас же!

Он со всей силы рванул путы. Сыромятные кожаные ремни растянулись до предела. Кольшки же не подались ни на миллиметр.

"Быстрее, калебан! - думал Мак-Кей. - Не допустите моего убийства. Вы же говорили, что почувствуете со мной сродство".

Спустя множество часов, после вопросов, контрвопросов и бесполезных ответов Фурунео доставил сюда своего ассистента, который взял на себя охрану калебана. По просьбе Фурунео калебан открыл проход, и он вышел отдохнуть на лавовый блок. Снаружи было холодно, особенно после жары в шаре калебана. Ветер улегся, как обычно, перед наступлением вечера. Прибой все еще бился о внешние рифы и клочкотал у скалы под шаром. Но наступило время, когда только отдельные брызги и клочья пены смачивали поверхность лавового блока.

Фурунео пока еще не выяснил, почему калебан поддерживал внутри шара такую высокую температуру. Он дышал на ладони и мерил шагами лавовый блок взад-вперед. Он смотрел на заходящее солнце; едва оно исчезло за горизонтом, холодный воздух устремился вниз, к морю.

"Я или замерзну, или испекусь, - грустно подумал Фурунео. - Мне нельзя загнаться здесь!"

В этот момент Тулук с помощью тапризиота, обслуживающего Бюро, установил с ним контакт. Фурунео, который только что собирался перейти на другую сторону лавового блока, чтобы найти защищенное от ветра местечко, почувствовал взрыв в гипофизе. Он опустил поднятую для шага ногу, погрузил ее по щиколотку в лужу и утратил ощущения. Теперь мысль и вызов были для него всем.

- Вызывает Тулук. Я говорю из лаборатории, - сказал его абонент. - Извините за беспокойство.

- Я надеюсь, что вы не заставите меня долго стоять в холодной воде, -

сказал Фурунео.

- Ну, здесь для вас еще больше холодной воды. Сообщите дружественному калебану, что он должен доставить Мак-Кей обратно через шесть часов после отправки. С тех пор, как Мак-Кей отдал этот приказ, прошло четыре часа пятьдесят одна минута. Остался один час девять минут. Сверьте ваши часы с моими и установите будильник.

Фурунео возмущенно фыркнул.

- Где он находится?

- Он не знает. Куда отправил его калекан? У вас есть идея, как это узнать?

- Это можно сделать только с помощью связей, - сказал Фурунео.

- Это точно? Что же это за связи?

- Когда я узнаю, вы будете первым, кому я об этом расскажу.

- Я думал, что вы это уже знаете, Фурунео.

- Ну хорошо. А теперь позвольте мне вынуть ногу из воды. Вероятно, она уже основательно промерзла.

- Вы можете точно определить время возвращения Мак-Кей?

- Конечно! Надеюсь, калекан по ошибке не отошлет его домой.

- Как это?

Фурунео рассказал о своем приключении.

- Звучит путано, - сказал Тулук.

- Я рад, что вы хоть настолько поняли меня, - ответил Фурунео. - Я было подумал, что вы не восприняли нашу проблему достаточно серьезно.

- Не каждый впадает в свои собственные заблуждения, - сказал Тулук.

- Вы не хотите закончить и позволить мне вынуть ногу из холодной воды?

- У меня сложилось впечатление, что вы устали, - сказал Тулук. - Отдохните.

- Если смогу. Мне кажется, я не смогу заснуть в шаре калекана, в его передвижном доме. Потому что, когда я проснусь, я буду вполне готов для пиршества каннибалов.

- Ваши люди тоже иногда выражаются в вашем отвратительном стиле, - сказал врайвер. - Но, несмотря ни на что, вы все же должны какое-то время поспать. Мак-Кей может настоять на пунктуальности.

Было темно, но ее мрачные мысли не нуждались в свете. Проклятый Чео! Дурак, садист! Было ошибкой финансировать его хирургическое вмешательство. Почему он не хотел остаться таким, каким был, когда они познакомились? Таким экзотическим, таким волнующим. Но он был все еще полезен. И он первым увидел великолепные возможности ее открытия.

Она вздохнула.

Ее комнаты находились на верхнем кольцевом этаже башни, которую она построила на этой планете, хорошо зная, что ее убежище находилось вне сферы коммуникаций, за исключением связи при посредничестве одного-единственного калекана. Да и тому оставалось прожить уже совсем немного.

Но как попал сюда Мак-Кей? И что же он имел в виду, утверждая, что получил вызов через одного из тапризиотов? Фанни Мей солгала? Существовал еще один калекан, который мог найти это место? "Нет", - сказала она себе. Этот мир был местом, ключ к которому находился только в одном мозгу, в мозгу мадам Млисс Эбнис.

Чтобы сделать это место абсолютно надежным, безболезненная смерть пришельца была вполне оправданна. Существует только одна дверь, и смерть закроет ее. Выжившие, подобные ей самой, и дальше будут жить здесь в счастливом уединении...

Она встала и начала ходить по комнате взад-вперед. Ковер из драпа ласкал ее ноги. Веселая улыбка появилась на лице.

Несмотря на возникшие осложнения, она должна ускорить бичевания. Фанни Мей должна исчезнуть так скоро, как только возможно. Убийства без

жертв, к несчастью, не бывает: это был аспект, который она все еще находила неприятным.

Но нужно было поспешить.

Фурунео в полудреме прислонился к внутренней стенке шара калекана, проклиная жару. Посмотрев на свои часы, он увидел, что осталось еще около часа до возвращения Мак-Кей.

Он не знал, сколько прошло времени, когда за гигантским "половником" калекана распахнулась туманная труба прыжковой двери. В отверстии появилась голова и голые плечи Млисс Эбнис.

Фурунео оттолкнулся от стены и помотал головой, чтобы прийти в себя. Дьявольская жара!

- Вы Алихино Фурунео, - сказала Эбнис. - Вы меня знаете?

- Знаю, - Фурунео недоверчиво уставился на нее. - Вы здесь для того, чтобы бичевать этого несчастного калекана? - Он нащупал в своем кармане голографическую камеру и уже хотел приблизиться к прыжковой двери, как поручил ему сделать Мак-Кей.

- Не вынуждайте меня закрывать эту дверь, - сказала она. - Я хочу немного поговорить с вами.

Фурунео помедлил, потом спросил:

- О чем вы хотите со мной поговорить?

- О вашем будущем, - сказала Эбнис.

Фурунео посмотрел ей в глаза. Пустота, царящая в них, оттолкнула его. Эта женщина была одержимой.

- О моем будущем? - переспросил он.

- Будет ли у вас вообще будущее или нет.

- Ваши угрозы не могут на меня повлиять, - сказал Фурунео.

- Чео сказал мне, - продолжала она, - что вы будете полезны для нашего проекта.

Не в силах обосновать свое убеждение, Фурунео понял, что это была ложь. Смешно, как она сама себя выдала. Ее губы дрожали, когда она произносила это имя - Чео.

- Кто такой Чео? - спросил он.

- В настоящий момент это неважно.

- Что это за проект?

- Выживание.

- Великолепно, - сказал он. - Что еще новенького? - Он спросил себя, что она будет делать, когда он достанет камеру и начнет съемку.

- Мак-Кей ко мне послала Фанни Мей? - спросила она. Фурунео видел, что ответ на этот вопрос был для нее очень важен. Мак-Кей, похоже, уже начал действовать.

- Вы видели Мак-Кей? - спросил он.

- Я отказываюсь отвечать на вопросы о Мак-Кее, - ответила она.

"Абсурдный ответ", - подумал Фурунео.

Эбнис смотрела на него, поджав губы.

- Вы женаты, Алихино Фурунео? - спросила она.

Он наморщил лоб. Вероятно, у нее есть свои соображения. Какова ее цель?

- Моя жена мертва, - сказал он.

- Как печально, - пробормотала она.

- Думаю, я прав, - сердито сказал он. - Нельзя жить только прошлым.

- О, тут вы можете ошибаться, - сказала она.

- На что вы рассчитываете, Эбнис?

- Вам уже шестьдесят семь лет, не так ли?

- Зачем спрашиваете, если знаете?

- Вы еще не стары, - сказала она. - Вы выглядите намного моложе. Я могу поспорить, что вы настоящий мужчина, не чуряющийся всех радостей жизни.

Она хочет подкупить его? И что же она может предложить ему? Саму

себя? Она была чрезвычайно привлекательной женщиной, однако он находил затруднительным признать это. Ситуация не совпадала с ее поведением.

- Скажите, наконец, чего вы хотите? - грубо спросил Фурунео. Он удивился, что, несмотря на жару, его знобит.

- Фанни Мей, покажи ему, - сказала Эбнис.

Туманная труба прыжковой двери замерцала, закрылась и открылась снова, но Эбнис в ней больше не было. Фурунео с высоты птичьего полета глядел вниз на залитый солнцем тропиков берег моря. В двадцати метрах от песчаной полосы берега на набегающих волнах океана покачивалась моторная яхта. На ахтердеке, лежа на надувном матрасе, грелась на солнце молодая девушка.

Фурунео замер, не в силах шевельнуться. Девушка подняла голову, посмотрела вниз, на поверхность моря, потом снова опустилась на матрас.

Голос Эбнис донесся сверху, очевидно, из другой прыжковой двери прямо над ним, но он не мог отвести взгляда от сцены, которая так сильно врезалась в его память.

- Она вам знакома? - спросила Эбнис.

- Это Мада, - прошептал он.

- Точно.

- О, Бог мой! - снова прошептал он. - Когда вы это засняли? Это...

Это наше свадебное путешествие. И я помню еще один день. Два моих друга и я уплыли от яхты, а она не умела хорошо плавать и осталась на борту.

- Итак, вы не сомневаетесь в подлинности этой сцены?

- Нет, - пробормотал он. - Почему вы уже тогда засылали к нам своих шпионов?

- Не было никаких шпионов. Если хотите - эти шпионы мы сами: вы и я.

Это происходит сейчас.

- Невозможно! Это происходило почти сорок лет назад!

- Не кричите так, или она вас услышит!

- Но как она может меня услышать! Она мертва...

- Это происходит сейчас, говорю вам! Фанни Мей?

- В личности Фурунео содержится концепция, что "теперь" - относительное понятие, - сказал калебан. - Предметы на сцене истинны.

Фурунео покачал головой.

- Мы можем забрать ее с яхты и перенести вас обоих в такое место, где Бюро никогда в жизни не найдет вас, - произнесла Эбнис. - Что вы на это ответите, Фурунео?

Фурунео вытер слезы со щек. Он чувствовал запах тропических цветов, который смешивался с соленым запахом океана. Но это должна быть демонстрация старой записи.

- Если это происходит сейчас, то почему же она нас до сих пор не увидела? - спросил он.

- По моему приказу Фанни Мей скрыла нас от ее глаз. Но звуки не замаскируешь. Говорите тише.

- Вы лжете! - прошипел он.

Словно в ответ на это, молодая девушка поднялась, подошла к лееру и стала любоваться цветущими флаamboковыми деревьями. Она напевала песенку, хорошо знакомую Фурунео, но теперь уже позабытую им.

- Я думаю, вы наконец поняли, что я не лгу, - сказала Эбнис. - Это наша тайна, Фурунео. Это наше открытие, сделанное с помощью калебана.

- Но... как можно?..

- Если есть подходящие связи, возможно все, даже открыть прошлое. Из всех калебанов осталась только одна Фанни Мей, чтобы связать нас с прошлым. Ни тапризиот, ни Бюро, никто не сможет настигнуть нас там. Мы можем отправиться туда и освободиться от всего.

- Ловкий трюк, - сказал он.

- Вы же сами видите, что это не так. Вы чувствуете запах цветов и моря?

- Но зачем... Чем вы хотите?

- Вашей поддержки в небольшом дельце, Фурунео.

- Каком?

- Мы опасаемся, что кто-то наткнется на нашу тайну, прежде чем мы будем готовы. Но если здесь будет кто-то, пользующийся доверием Бюро, и передаст им фальшивую информацию...

- Что за фальшивая информация?

- Что тут больше не происходит никаких бичеваний, что Фанни Мей счастлива, что...

- Почему это должен буду сделать именно я?

- Когда Фанни Мей достигнет своего... окончательного исчезновения, мы будем далеко и в безопасном месте. Я, вы и ваша любимая женщина. Это так, Фанни Мей?

- Констатация верна, - ответил калекан.

Фурунео уставился на прыжковую дверь. Мада! Она была там, перед его глазами. Она больше не напевала, а втирала в тело крем против загара. Что-то до боли стеснило грудь Фурунео. Если калекан еще немного приблизит свою прыжковую дверь, он сможет протянутой рукой коснуться Мады. Прошлого!

- Я... где-то там, внизу? - спросил он.

- Да, - ответила Эбнис.

- И я вернусь обратно на яхту?

- Вы сделаете то же, что и раньше.

- И что я там найду?

- Что вашей невесты там нет. Она исчезла.

- Но...

- Вы подумаете, что она утонула или убита в джунглях дикими зверями. Может быть, она пошла поплавать и...

- Она проживет после этого еще тридцать один год, - прошептал Фурунео.

- И у вас будет еще тридцать один год, - сказала Эбнис.

- Я... я буду уже не тот. Она станет...

- Ваша невеста узнает вас.

"В самом деле? - подумал он. - Может быть, да. Да, она его узнает.

Может быть, она даже поймет необходимость такого решения". Но он все яснее видел, что она ему не простит этого. Никогда. Ведь это же Мада.

- Благодаря вмешательству наших лучших врачей она не умрет еще тридцать один год, - сказала Эбнис.

Фурунео кивнул, но этот жест предназначался только ему самому.

Она не простила бы ему так же, как не смог бы простить ей молодой человек, вернувшись к пустой яхте. И этот юноша не умер.

"Я сам не смог бы простить, - думал он. - Юноша, которым был я, никогда не смог бы простить все эти потерянные прекрасные годы".

- Если вы опасаетесь, - сказала Эбнис, - что ваше вмешательство в прошлое изменит Вселенную или ход истории, можете не беспокоиться. Этого не произойдет. Вы измените только одну изолированную ситуацию, не более. Новая ситуация займет место старой, а все остальное останется таким, каким было.

- Понимаю.

- Вы согласны на мое предложение? - спросила Эбнис.

- Что?

- Сказать Фанни Мей, чтобы она доставила вашу невесту к вам?

- К чему хлопоты? - сказал он. - Я не могу на это согласиться.

- Вы шутите?

Он обернулся и взглянул на нее. Она говорила из маленькой прыжковой двери у него над головой. В отверстии было видно только ее лицо.

- Я не шучу. Вы мне ничего не предлагали.

- Но это же на самом деле! Все, что я вам сказала - правда!

- Вы наивны, - сказал Фурунео, - если не смогли увидеть разницы между тем, что предлагаете, и тем, что уже было у нас с Мадой. Я сожалею...

Что-то яростно схватило его за горло, и начав душить, оборвало его слова. Он почувствовал, как голова преодолевает сопротивление прыжковой двери. Когда шея оказалась на створе двери, та закрылась. Его тело упало

назад, в шар калібана.

- Ты идиотка, Млисс! - с яростью воскликнул Чео. - Ты слабоумная дура! Если бы я своевременно не вернулся!..

- Ты его убил! - задыхаясь, проговорила она, отступая от окровавленной головы, лежащей на полу ее жилой комнаты. - Ты его убил! И именно тогда, когда я уже почти достигла...

- Когда ты уже почти все уничтожила! - буркнул Чео. Он придвинул свое лицо шрамом к ее лицу. - Что теперь его люди будут делать с этим безголовым телом, а?

- Но он уже...

- Он уже был готов вызвать помощников и рассказать им все, что ты успела выболтать!

- Я не потерплю, чтобы ты так со мной говорил!

- Когда моя голова ложится на плаху, я говорю с тобой так, как считаю необходимым!

- Ты заставил его страдать! - жалобно сказала она.

- Он вообще ничего не почувствовал. Не жалею таких как он!

- Как ты можешь так говорить? - она отпрянула от пан спехи.

- Ты все время реवेशь. Ты не можешь без сожаления смотреть на других, - прогромычал он. - Но на самом деле ты поступаешь с ними еще более безжалостно. Ты знаешь, что Фурунео не принял твоего наивного предложения, но оно сильно мучило его. Ты продемонстрировала ему то, что он безвозвратно потерял. Это ты не называешь страданием?

- Послушай, Чео, если ты...

- Он страдал до того мгновения, когда я положил его страданиям конец, - сказал пан спехи. - Ты знаешь это!

- Перестань! - прокричала она. - Я не делала этого! Он не страдал!

- Он страдал, и ты знаешь это! Ты знала это все время.

Она бросилась на Чео, молотя его кулаками по груди.

- Ты лжешь! Ты лжешь!

Он схватил ее за запястья и заставил опуститься на колени. Она склонила голову. Слезы бежали по ее щекам.

- Лжешь, лжешь, лжешь! - рыдала она.

Он сказал ей нежным и успокаивающим тоном:

- Послушай меня, Млисс. Мы не знаем, как долго еще выдержит калібан. Это было разумно. Время у нас ограничено, есть определенный период, в течение которого мы можем использовать прыжковую дверь, и мы должны ее использовать как можно лучше. Ты бессмысленно расточаешь один из этих периодов. Мы не можем допускать таких ошибок, Млисс.

Она опустила глаза.

- Ты знаешь, мне совсем не хочется быть с тобой строгим, Млисс, - продолжал он. - Но мои методы лучше, как ты сама часто мне говорила. Мы должны сохранить нашу безопасность.

Она, не глядя на него, кивнула.

- Теперь перейдем к другому, - сказал он. - Плаути выдумал новую игру.

- Спаси Мак-Кея, - сказала она. - Он может рассказать нам много интересного.

- Нет.

- Чем он может нам повредить? Он может оказаться даже полезен. Я имею в виду, без поддержки Бюро и без других...

- Нет! Да и поздно, наверное. Я уже вызвал паленку... ну, ты понимаешь.

Он отпустил ее запястья.

Эбнис встала. Она тяжело дышала, крылья носа трепетали. Она взглянула сквозь ресницы. Внезапно ее правая нога метнулась вперед и твердым носком туфли ударила Чео по голени.

Он заплясал на месте, схватившись рукой за место ушиба. Несмотря на

боль, он улыбнулся.

- Вот видишь, - сказал он, - тебе нравится, когда страдают другие.

В следующий миг она уже бросилась к нему, целуя, бормоча извинения и лаская. Они больше не говорили о новой игре Плаути.

Когда монитор жизни Фурунео сообщил о его смерти, тапризиоты обыскали окрестности шара калекана. Но обнаружили только самого калекана и двоих людей Фурунео, летевших на ранцевых вертолетах. Рассуждение о действиях, мотивах или долге находилось вне сферы тапризиотов. Они сообщали только о факте смерти, месте, где произошла эта смерть и лицах, доступных для контакта. Людей Фурунео можно было подвергнуть любому допросу, но калекан - совсем другое дело. Для того, чтобы обсудить, как благоразумнее поступить в сложившейся ситуации было необходимо совещание на высшем уровне Бюро. Смерть Фурунео произошла при чрезвычайно загадочных обстоятельствах - отсутствие головы, непонятные ответы калекана.

Когда Хулук вошел в конференц-зал - после того, как его грубо разбудили и вызвали в Централь - Гайчел Сайкер ударил хватательным пальцем по столу, что доказывало крайнюю степень его возбуждения и было неуместно при обычном поведении лаклака.

- Мы ничего не должны предпринимать, не посоветовавшись с Мак-Кеем, - сказал Сайкер. - Это очень деликатное дело.

Тулук занял свое место и коротко сказал:

- Вы еще не говорили с Мак-Кеем? Фурунео было приказано, чтобы тот связался с калеканом и отдал тому распоряжение...

Больше он ничего не сказал. Объяснения и данные поступали от всех присутствующих одновременно.

Когда Тулук смог продолжить, он спросил:

- Где тело Фурунео?

- Око уже доставлено в лабораторию.

- Полиция подключена?

- Конечно.

- Что-нибудь известка о пропавшей голове?

- Ничего.

- Это, должно быть, результат действия прыжковой двери, - сказал

Тулук. - За это дело взялась полиция?

- Об этом не может быть и речи. Этим занимаются наши люди.

Тулук кивнул.

- Тогда я согласен с Сайкером. Мы ничего не будем предпринимать без консультации с Мак-Кеем. Он в этом разбирается лучше, и он все еще наш уполномоченный. Фурунео мертв, а он должен был некоторое время назад отдать распоряжение о возвращении Мак-Кея. Это наша исходная позиция, - он выжидающе взглянул на Бильдун.

Бильдун, пан спехи, шеф Бюро, сказал только четыре слова:

- Возьмите одного из тапризиотов.

Кто-то метнулся к двери.

- Кто, в конце концов, войдет в контакт с Мак-Кеем? - спросил Бильдун.

- Надеюсь, что я, - ответил Тулук.

- Для вас это будет несложно, - сказал Бильдун. - Сделайте это побыстрее.

Тапризиота ввели в конференц-зал и водрузили на стол. Он сетовал на грубые действия, на то, что его схватили, задев при этом коммуникационные иглы, и не дали времени сконцентрировать энергию. Но как только Бильдун напомнил об условиях договора с Бюро, тапризиот сказал, что готов выполнить заказ. Он расположился перед Тулуком и сказал:

- Данные, время и место.

Тулук сообщил местные координаты.

- Закройте лицо, - приказал тапризиот.

Тулук беспрекословно повиновался.

- Думайте о связи, - сказал тапризиот.

Тулук интенсивно думал о Мак-Кее.

Шло время, но контакта не было. Тулук приоткрыл щелку и посмотрел наружу.

- Закройте лицо! - приказал тапризиот.

Бильдун спросил:

- Что-то не в порядке?

- Тише, - сказал тапризиот. - Ответ придет, когда разрешит калекан.

- Контакт через калекана? - пробормотал Бильдун.

- Иначе не может быть, - сказал тапризиот. - Мак-Кей изолирован от связей с другими существами.

- Мне все равно, как вы с ним свяжетесь, главное - свяжитесь, - сказал Бильдун.

Внезапно по телу Тулука прошли дрожь, лицо его открылось. Он был в трансе.

- Мак-Кей? - спросил он, странно измененным голосом. - Говорит Тулук, - его полуквохчущие, полубормочущие слова были едва слышны собравшимся за столом и в конференц-зале.

Мак-Кей тихо сказал:

- Мак-Кей приблизительно через тридцать секунд не станет, а чтобы этого не произошло, вызовите Фурунео и пусть он прикажет калекану немедленно забрать меня отсюда.

- Что случилось? - спросил Тулук.

- Я закован, и паленка на пути сюда, чтобы убить меня. Я вижу его в свете факелов. Он несет с собой что-то, похожее на топор. Он разрубит меня на куски. Вы знаете, как паленки...

- Я не могу вызвать Фурунео. Он...

- Тогда вызовите калекана!

- Вы же знаете, что калекана вызвать невозможно.

- Сделайте это, вы, идиот!

Тулук прервал контакт и обратился к тапризиоту с просьбой. Это было бессмысленно. Все известные данные свидетельствовали, что тапризиоты не могли посредничать при таких контактах.

Остальные присутствующие заметили, что бормотание и квохтанье вайвера в трансе прекратилось, потом снова возобновилось, потом опять смолкло. Бильдун в нетерпении хотел задать вопрос, но не стал этого делать. Цилиндрическое тело вайвера было таким спокойным и таким неподвижным.

- Вы знаете, - прошептал Сайкер, - я могу поклясться, что тапризиот получил приказ вызвать калекана.

- Это бессмысленно, - сказал Бильдун.

- Тулук в трансе или нет? - спросил Сайкер. - Его поведение мне не нравится.

Все за столом молча замерли. Они знали, что имел в виду Сайкер. Неужели вайвер потерял во время дальней связи? Пропал, исчез в странных измерениях, откуда еще не возвращалось ни одно "я"?

- Есть! - вскричал кто-то.

Собравшиеся за столом испугались, когда Мак-Кей в клубах пыли и в комьях земли возник из ничего. Он плашмя упал на спину в середине стола, едва ли в метре от Бильдуна, который чуть не слетел со стула. Запястья Мак-Кея были ободраны и окровавлены, глаза остекленели, рыжие волосы испачканы и всклокочены.

- Наконец-то, - прошептал Мак-Кей. Он перекатился на край стола и, словно это все объясняло, добавил: - Топор уже опускался.

- Что за топор? - спросил Бильдун, снова прочно усаживаясь на стуле.

- Топор, которым паленка хотел изрубить меня на куски.

- Что?

Мак-Кей сел, выпрямился и осмотрел запястья, потом лодыжки.

- Мак-Кей, объясните, что здесь происходит, - приказал Бильдун.

- Я... ага, ну, помощь чуть было не опоздала, - сказал Мак-Кей. -

Почему Фурунео так долго выжидал? Я же сказал, чтобы он ждал только шесть часов, не больше, - он взглянул на Тулука, который сидел в своем откидном кресле тихо и прямо, словно обрубок серой трубы.

- Фурунео мертв, - сказал Бильдун.

- А, проклятье! - пробормотал Мак-Кей. - Как это произошло?

Бильдун немного помедлил, потом спросил:

- Где вы были? Что за история с паленкой и топором?

Мак-Кей, все еще сидя на столе, сделал короткий, но подробный отчет.

Казалось, что он говорит с кем-то третьим. В заключение он сказал:

- Я не имею совершенно никакого понятия, где я был.

Сайкер откашлялся и сказал:

- С Тулуком определенно что-то не то.

Все повернулись к врайверу. Тулук все также сидел в кресле, закрыв лицевую щель.

- Он... потерял, - сказал Бильдун хриплым голосом.

- Тулук установил контакт с калепаном, - сказал Мак-Кей. - Я велел ему. Это была единственная возможность спасти меня после того, как Фурунео потерял возможность сделать это, - он вытер лоб. Руки его дрожали.

Когда паленка занес над ним топор, Мак-Кей уже распростился с жизнью. Он знал, что наступили последние мгновения. И у него оставалось ощущение, что ка самом деле он еще не вернулся, а делает нетерпеливые жесты и произносит слова какое-то существо, которое овладело им телом. В тот момент, когда он уже поверил в свою смерть, он понял, что есть бесчисленное множество вещей, о которых ему хотелось узнать, и событий, которые ему хотелось пережить. Это помещение и его обязанности агента Бюро не относились к его желаниям. Но все же он продолжал жить и работать в Бюро. Это была тянущаяся десятилетиями рутина.

Мак-Кей, охая, поднялся и подошел к тапризиоту.

- Мы можем вернуть сюда Тулука?

- Ахзида дай-дай, - сказал тапризиот. - Кого вы хотите вызвать?

- Тулука же, вы, беглец с лесопильни! - проревел Мак-Кей и указал на неподвижную фигуру врайвера. - Вы можете установить с ним контакт?

- Он склеился с калепаном, - сказал тапризиот.

- Что ты имеешь в виду под словом "склеился"? - спросил Мак-Кей.

- Продолжайте, - предложил тапризиот.

- Вы не можете его вызвать? - спросил Мак-Кей.

- Сначала нужно определить, потом уже вызвать, - ответил тапризиот.

- Посмотрите, Мак-Кей! - произнес Сайкер.

Мак-Кей обернулся.

Лицевая щель Тулука зашевелилась. Маленькая клешня на одном из щупальцев высунулась наружу, потом опять исчезла. Потом лицо Тулука открылось целиком и он сказал:

- Захватывающе!

- Тулук! - воскликнул Мак-Кей.

Глаза врайвера открылись и уставились на него.

- Да? - и чуть погодя: - А, Мак-Кей. Вы с этим справились.

- Что с вами было? - спросил Мак-Кей.

- Это трудно объяснить, - ответил врайвер.

- Хотя бы попытайтесь.

- Я был введен в курс дела, - пробормотал Тулук. - Это что-то связанное с планетными союзами, взаимодействующими друг с другом через огромное пространство. С этим взаимодействием связана какая-то проблема, может быть, даже разрушение звездных скоплений. И все это - контакт с калепаном... мне не хватает подходящих слов.

- Вы сами понимаете, что с вами произошло?

- Я думаю, да. Вы знаете, я не имею никакого понятия о том, где я был.

Мак-Кей озадаченно уставился на него.

- Что?

- Я жил в месте - ага - населенном минонимическими жителями.

- О чем вы говорите? - спросил Мак-Кей.

- Я, во время моей связи с вами, фактически был в контакте с калеканом, - сказал Тулук. - Это очень странное существо, могу вам сказать. Мне понравилось, что мой вызов прошел через булавоочное отверстие в черном занавесе, и этим булавоочным отверстием и был калекан. Тоже, конечно, на мой взгляд.

- Вы понимаете, Мак-Кей? - спросил Бильдун.

- Мне кажется, он говорит как калекан, - ответил Мак-Кей. Он почувствовал, что почти смог понять, что хотел сказать Тулук. Значение всего этого находилось на грани его понимания.

- Как вам удалось установить контакт с калеканом? - спросил он. - До сих пор считалось, что это невозможно.

- Частично дело, может быть, в том, что калекан посредничал во время моей связи с вами, - сказал Тулук. - Я... это был... - он на мгновение закрыл глаза, потом продолжил. - Представьте себе две паутины. Представьте себе определенную согласованность между ними... как прикус.

- Как прикус зубов? - спросил Мак-Кей.

- Может быть. Во всяком случае, необходимость такого согласования является условием для контакта нужной формы связи.

- Что это, к дьяволу, за связи и в каком смысле? - спросил Мак-Кей.

- Теперь я пойду? - спросил тапризюот.

- Да, - сказал Мак-Кей. - Мы забыли о вас. Унесите его.

Подошли два охранника и увели тапризюота.

- Тулук, что это за связи? - спросил Мак-Кей.

- Мммм, - произнес Тулук. - Можете вы себе представить, что искусственность может совершенствоваться до того момента, когда она практически неотличима от первоначальной реальности?

- Что здесь общего со всеми связями такого вида?

- Именно в этот момент проявляется единственная отличительная черта этих связей, - объяснил Тулук.

- Да? - сказал Мак-Кей.

- Посмотрите на меня, - сказал Тулук.

- Смотрю.

- Представьте себе, что вы взяли контейнер, полный синтетического мяса, и изготовили из этого мяса точный дубликат моей персоны. Точнейший дубликат. До последней цепочки ДНК, РНК и комбинации генов в каждой отдельной клетке тела. Этот дубликат снабжается всеми моими воспоминаниями и моей манерой поведения. Задайте ему вопрос, и он, по-моему, ответит так же, как ответил бы я. Ближайшие друзья не смогут определить, где я, а где мой дубликат.

- И что же из этого следует? - спросил Мак-Кей.

- Будет ли какая-нибудь разница между нами? - к свою очередь спросил Тулук.

- Но вы же сказали...

- Есть одно различие, не так ли?

- Может быть, элемент времени?

- Нечто большее, - сказал Тулук. - Нужно знать, что один из них - дубликат. Синтетический Тулук будет серийной цепочкой протеинов. Я же выращен из плоти, которая до последней клетки была создана для исполнения своей функции как живого существа. Разница заключается в связях.

- Мак-Кей, вы понимаете эту чепуху? - поинтересовался Бильдун.

Мак-Кей сглотнул. Он начинал понимать, что хотел сказать Тулук.

- Вы думаете, что калекан видит только эту... эту утонченную разницу?

- спросил он.

- И ничего больше, - ответил Тулук.

- Тогда он видит нас не как фигуры или измерения или...

- Нечто вроде протяженности во времени, так как мы понимаем время, - сказал Тулук. - Для него мы, может быть, ничто иное, как модуляция неизменных волн пространства. Для него время как бы выдавливается из тубика. Оно не больше, чем линии, которые перекрещиваются в нашем

сознании.

- О-о-ох! - выдохнул Мак-Кей.

- Я не вижу, каким образом это может помочь нам, - сказал Бильдун. - Наша глазная задача - разыскать Эбнис. Вы, Мак-Кей, имеете представление о том, куда забросил вас калекан?

- У меня в памяти запечатлелось, как я лежу на полу, привязанный к колышкам, - ответил Мак-Кей. - Прежде, чем я уйду, мы должны сделать запись моих воспоминаний и дать компьютеру для проверки узор звезд на небе этой планеты.

- Предположим, что узор звезд имеется в памяти компьютера, - сказал Бильдун.

- Кто теперь охраняет калекана после того, как убили Фурунео? - спросил Мак-Кей.

- Двое наших людей внутри шара и четверо снаружи, - ответил Бильдун.

Мак-Кей вздохнул.

- Тогда, боюсь, для меня вы сможете сделать только одно: вы отзовете охранников, или я это должен сделать сам?

- Один момент, - сказал Бильдун. - Я знаю, что вы должны вернуться в этот шар, но...

- Один, - сказал Мак-Кей.

- Почему?

- Юридически будет правильно, если я перед свидетелями потребую обратно голову Фурунео, - сказал Мак-Кей. - Я также попробую вызвать калекана на дискуссию. Но самое главное, что она будет искать меня. Я улизнул от нее, и она не знает, сколько или как много я знаю об ее уловках и планах. Она должна быть в ярости и попытается снова поймать меня.

- Итак, вы будете приманкой?

- Я не сказал бы этого, - ответил Мак-Кей. - Но если я снова буду один, она может попытаться сторговаться со мной.

- Она может даже попытаться оторвать вам голову, - пробурчал Бильдун.

- Единственная ваша охрана будет заключаться в том, что один из тапризиотов будет все время наблюдать за вами.

- Мак-Кей станет беспомощной жертвой, если он войдет в транс, находясь в шаре калекана, - сказал Тулук.

- Ничего опасного, если контакт через тапризиота будет длиться пять или десять секунд, а по мере надобности и до одной минуты. По продолжительности это будет как повторяющийся звонок телефона, не больше. Но пока я не позову на помощь, тапризиот не должен отвлекать меня, - сказал Мак-Кей. - Хорошо?

- Мне это не нравится, - сказал Сайкер. - Что если...

- Вы думаете, что Эбнис и ее помощники будут говорить со мной открыто, если увидят в шаре столько охранников? - спросил Мак-Кей.

- Верно, - сказал Тулук. - Мы должны позволить контакт между Эбнис и Мак-Кеем, если хотим ее найти.

- Хороший аргумент, - сказал Мак-Кей. - Только через контакт с ней можно определить ее местопребывание. Шар калекана - прочная позиция на Сердечности. С другой стороны, местоположение этой планеты известно. В момент непосредственного контакта шар укажет местоположение в пространстве - линию наименьшего сопротивления контакту. Дальнейший контакт укажет на признаки, по которым...

- Где нужно искать Эбнис, - добавил Бильдун. - Предположим, вы верно поняли ситуацию.

- Мы должны попытаться установить связи через открытое пространство, - объяснил Тулук. - Между точками контакта не должно быть ни больших звездных масс, ни водородных облаков...

- Я достаточно знаю теорию, чтобы представить себе, что она может сделать с Мак-Кеем. Ей потребуется не больше двух секунд, чтобы сделать прыжковую дверь над его головой, а потом... - Он чиркнул указательным пальцем по горлу.

- Тогда позаботьтесь о том, чтобы тапризиоты установили со мной

контакт в эти две секунды, - сказал Мак-Кей.

- А что вы будете делать, если Эбнис не станет с вами говорить? - спросил Бильдун.

- Тогда мы будем действовать как саботажники, - ответил Мак-Кей.

"Непредубежденный наблюдатель, который находился бы внутри шара калевана, не смог бы отрицать некоторого уюта", - подумал Мак-Кей. Здесь было жарко, но эта жара необходима его жителю. Существовали разные существа, некоторые из них жили в зонах с жарким климатом. Гигантский "половник", в котором в настоящее время находился калеван, можно было сравнить с удобной постелью. Потолок был низок, но низкорослый человек, каким был Мак-Кей, мог стоять выпрямившись, не втягивая голову в плечи. Красноватый свет был не более странным, чем любой другой, и был приятен для глаз только что проснувшегося человека. И настил пола был мягким, как мех. Правда, Мак-Кей на мгновение почувствовал запах освежающих и дезинфицирующих средств, который появился в воздухе.

Мак-Кей сидел спиной к стене, все время прихлебывая из кружки с холодной водой, которую захватил с собой. Через две секунды после того, как он проснулся, он почувствовал сигнал тапризиота - слабое жужжание, сопровождаемое подергиванием в голове. Это было очень похоже на слабый удар электрического тока. Он начал уже привыкать к этому.

- Тапризиоты посылают вам свои сообщения через пространство таким же образом, как это делают калеваны? - спросил он. - Я имею в виду, видят ли они это сообщение?

- Тапризиоты очень слабы, - ответил калеван. - Тапризиоты не обладают энергией калеванов. Собственной энергией калеванов. Собственной энергией, вы понимаете?

- Не знаю. Может быть, понимаю.

- Тапризиоты видят очень слабо, очень слабо, очень коротко, - сказал калеван. - Иногда тапризиоты просят о... об усилении? Калеван дает усиление. Тапризиоты платят, мы платим, вы платите. Все платят энергией. Вы называете потребность в энергии голодом, не так ли?

- Верно, - сказал Мак-Кей. - Но как...

Толстая рука паленки, держащая бич, просунулась в отверстие за "половником". Бич щелкнул, вызвав в красноватой полутьме фонтан зеленых искр. Рука с бичом убралась прежде, чем Мак-Кей успел среагировать.

- Фанни Мей? - прошептал он. - Вы все еще здесь?

Молчание. Потом:

- Вы называете это неожиданностью. Внезапность этого удара бичом.

Мак-Кей медленно выдохнул. Он отметил время происшедшего и сообщил об этом по радио людям Фурунео в местном отделении Бюро, чтобы они там установили координаты.

- Можете вы еще раз попытаться локализовать планету Эбнис? - спросил он у калевана.

- Договор запрещает это.

- И вы должны уважать договор, так? До самой смерти, если это будет нужно?

- Уважать до окончательного исчезновения, да.

- И это произойдет довольно скоро, не так ли?

- Позиция окончательного исчезновения будет видна всем, - сказал калеван. - Может быть, это понятие можно будет отождествить с чем-нибудь.

Снова высунулась рука с бичом, вызвав в воздухе фонтан зеленых искр, и так же быстро втянулась обратно.

Мак-Кей прыгнул вперед и остановился возле "половника". Поздно. Он никогда не отваживался так близко подойти к калевану. Жара здесь была еще сильнее, и он почувствовал, как зудит рука. Рой искр не оставлял после себя ничего. Мак-Кей чувствовал вблизи "половника" возрастающее беспокойство - признак силы. Ладони стали мокрыми. "Чего я опасюсь?" - смущенно думал он.

- Эти два нападения последовали очень быстро друг за другом, - ошарашенно сказал он.

- Соседство позиций заметно, - сказал калекбан. - Следующая позиция очень удалена.

- Следующее бичевание будет для вас последним?

- Эта персона не знает этого, - ответил калекбан. - Ваше присутствие снижает интенсивность бичевания. Вы... отражаете?

- Я позабочусь об этом, - сказал Мак-Кей. - Я хочу узнать, почему ваш конец означает конец для всех остальных разумных существ?

- Вы сами транспортировали свое "я" с помощью зейе, - сказал калекбан.

- Это же делает каждый!

- Зачем? Вы можете дать этому объяснение?

- Это идеальный способ личного перемещения по всей Вселенной. Каждая планета имеет специализацию - есть планеты-санатории, планеты для занятия зимними видами спорта, планеты обучения, планеты-университеты, планеты для стариков, планеты для молодоженов - само Бюро Саботажа имеет в своем распоряжении чуть ли не целую планету. Есть очень мало разумных существ, которые не пользовались никогда этой транспортной системой, очень мало. Насколько я знаю, только очень малый процент населения никогда не пользовался зейе-системой.

- Верно. Такое использование создает связи, Мак-Кей. Вы должны это понять. Эти связи должны распасться с моим окончательным исчезновением. Распад связей вызовет окончательное исчезновение всех, кто пользовался зейе-дверьми.

- Хотя вы это и утверждаете, но я еще не понимаю.

- Это произойдет потому, Мак-Кей, что наше общество калекбанов выбрало... координатора. Понятие неточно. Может быть, обслуживающего. Нет, тоже не точно. Ах! Мое "я". Я - зейе!

Мак-Кей пошатнулся от нахлынувшей на него волны такой сильной печали, что едва мог устоять. Слезы хлынули из глаз, рыдания душили его. Печаль! Его тело реагировало на это, но эмоции не выходили изнутри, а затопляли его снаружи.

Эмоция печали медленно отхлынула.

Мак-Кей глубоко вздохнул. Он все еще дрожал от воздействия эмоции. Он понял, что она исходила от калекбана и, как волна тепла, наполнила это помещение и захлестнула все сенсорные окончания.

Печаль.

Несомненно, чувство ответственности за все эти предстоящие случаи смерти и сумасшествия.

"Я сам - зейе!"

Что, во имя Вселенной, имел он в виду, делая это странное заявление? Мак-Кей думал о переходах и прыжковых дверях. Связи? Может быть, нити? Каждое разумное существо, пользовавшееся зейе-эффектом, через прыжковую дверь было связано с калекбаном своей собственной нитью? Что это было? И каждый следующий проходил через руки калекбана? И так все время. И когда калекбан прекратит свое существование, нити порвутся. Все умрут.

- Почему вы никогда не предупреждали об этом, когда предлагали нам зейе-эффект? - спросил он.

- Предупреждать?

- Да! Вы предложили нам...

- Я ничего не предлагал. Калекбан объясняет эффект. Мыслящие существа вашего уровня выражают большую радость. Вы предлагаете в обмен плату.

- Вы должны были нас предупредить.

- Зачем?

- Ну, вы и вам подобные живут вечно, так?

- Для всех... достаточно долго. Бесконечность.

- Но не для индивидуумов, а для видов.

- Виды мыслящих существ, они стараются жить вечно?

- Конечно.

- Почему?

- Разве это не сокровенное желание каждого?

- А как с другими видами, которым ваш вид уступит место? Вы верите в эволюцию?

- Эволюция? - эхом откликнулся Мак-Кей. - Какое это имеет значение?

- У всех живых есть тот день, когда они должны будут уйти, - сказал калекбан. - День - верное понятие? День, единица времени, определенная длительность существования, вы понимаете?

Мак-Кей задвигался, но не произнес ни слова.

- Протяженность времени существования, - сказал калекбан. - Верно?

- Но что дает вам право нас... кончать? - спросил Мак-Кей.

- Я не присваивал себе это право, - сказал калекбан, - предоставлять условия для пригодных связей и тянуть за собой других моих товарищей по зейе-контролю, прежде чем я сам достигну окончательного исчезновения. Необычные обстоятельства не допускают такого разрешения. Млисс Эбнис и... ее спутники укорачивают ваши линии. Другие калекбаны уже ушли.

- Понимаю, - сказал Мак-Кей. - Вы идете, пока у вас есть время.

- Время... да, ваша необратимая линия. Сравнение дает подходящую концепцию. Недостаточно точную, но приемлемую.

- И вы последний калекбан на нашем... уровне?

- Мое "я" единственное, - сказал калекбан. - Конечная точка времени, да. Я подтверждаю описание.

- Нет никакой возможности спасти нас? - спросил Мак-Кей.

- Спасти? А... избежать? Да, избежать окончательного исчезновения. Вы предлагаете это?

- Я спрашиваю, имеется ли возможность избежать этого? Избежать того, что случилось с вашими товарищами по виду.

- Возможности существуют, но результат для вашего уровня останется тем же.

- Вы можете спастись, но мы все равно погибнем, так?

- У вас нет понятия о чести? - спросил калекбан. - Сам я спасусь, но потеряю честь.

- Я отлично это понимаю, - проворчал Мак-Кей. - Когда произойдет следующее бичевание?

- Вы ищите позицию линейного перерыва, да? Это тронуло меня, но моей персоне дано задуматься, что другие виды других измерений тоже могут нуждаться в этом. Итак, мы пойдем на прекращение существования, не так ли?

Так как Мак-Кей не ответил, калекбан сказал:

- Мак-Кей, вы поняли смысл сказанного?

Чео наблюдал за заходом солнца на море. "Это великолепно, - подумал он, - что в мире есть такое море". Из башни, которую Эбнис возвела в этом городе с низкими строениями, открывался вид на морское побережье и Середину горной цепи.

Ровный ветер дул ему в лицо, играл светлыми волосами. Он был одет в синие брюки и светло-серую рубашку-сетку. Одежда придавала ему гуманоидную внешность с тонким акцентом, но тут и там на его теле подчеркивала странные выпуклости и нечеловеческие выступы мускулов.

Веселая улыбка тронула его губы, пока он наблюдал за кишащими внизу, подобно насекомым, толпами на улицах. Одновременно его фасетчатые глаза видели небо, по которому в солнечном закате протянулись побледневшие линии облаков, над морем, по ту сторону города, над нависшей балюстрадой.

Он бросил взгляд на хронометр, который дала ему Млисс. Это была смешная тикающая вещичка, но она точно показывала время солнечного заката.

Часы навели его на мысль о Мак-Кее. Как агент нашел эту планету? И потом, когда он нашел ее, как он добрался до деревни? В настоящий момент Мак-Кей сидел в шаре калекбана, очевидно, в качестве заложника.

Зачем?

Противоречивые эмоции, захлестывающие Чео, не доставляли ему никакого удовольствия. Он нарушил основной закон пан спехи. Он взял себе все это,

предоставив своим партнерам безмозглое существование. В институте космической хирургии ему удалили орган, который возвышает пан спехи над всеми расами Вселенной. Хирургическое вмешательство оставило шрам на лбу и глубокий след в душе, но он никогда не думал, что будет так доволен результатами операции.

Никто и ничто не могло теперь повлиять на его "эго".

Конечно, теперь он был одинок, однако это была наименьшая цена, и этой ценой было то, что в конце его цикла существования ждала смерть, и это объединяло его со всеми другими формами жизни во Вселенной.

А Млисс помогала ему найти безопасное место, где его не сможет отыскать ни один пан спеху.

Эбнис вышла на обзорную террасу позади него. Уши, такие же чувственные, как и глаза, различили отзвук эмоций в ее шагах - скука, озабоченность, страх, который в последнее время постоянно угнетал ее.

Чео оглянулся.

Он видел, что она побывала у косметологов. Волосы, теперь уже красные, обрамляли ее миловидное лицо. Она бросилась на одну из кушеток и вытянула ноги.

- Эти косметологи! - сердито сказала она. - Они хотят вернуться домой!

- Оставь их, - сказал он.

- Но где мне найти других?

- Да, это, конечно, проблема, не так ли?

- Ты смеешься надо мной, Чео. Не делай этого.

- Тогда скажи им, что они не должны уезжать.

- Я уже сделала это.

- Ты сказала им почему?

- Конечно нет! Что за вопрос?

- Ты говорила с ними так же, как с Фурунео.

- Я прочитала им лекцию. Где мой адвокат?

- Уже ушел,

- Но я хотела с ним еще кое о чем посоветоваться!

- Ты не можешь подождать?

- Ты же знаешь, что он нам еще нужен. Почему ты позволил ему уйти?

- Оставь, Млисс. Это не так и важно. Не обременяй себя лишним свидетелем.

- Наша версия состоит в том, что виноват калекан, и никто не сможет доказать обратное, - сказала Эбнис. - Но я эту сторону дела могу взять в свои руки до тех пор, пока кто-нибудь что-то не выяснит.

Чео вздохнул.

- Как хочешь. Но мне не дает покоя то, что ты не можешь спать спокойно. Бюро Саботажа поручило калекану потребовать от нас выдачи головы Фурунео.

- Его... - она побледнела. - Но откуда они знают, что мы...

- При сложившихся обстоятельствах это был естественный маневр.

- Ты дал им какой-нибудь ответ?

- Я сказал нашим людям, что они должны объяснить, что калекан закрыл прыжковую дверь именно тогда, когда Фурунео направился в ее отверстие.

- Но ведь они знают, что монополия на использование этой прыжковой двери принадлежит нам, - сказала она.

- Все не так плохо. Калекан транспортировал Мак-Кея и его друзей, - сказал Чео. - Это доказывает, что мы не обладаем такой монополией. Одновременно это дает прекрасную возможность использовать тактику умалчивания и затягивания. Калекан отправит голову куда-нибудь, и мы не будем знать, куда. Я ему, конечно, сказал, что он должен отвергать их требования.

- Но если они допросят калекана?

- Тогда, очень вероятно, они получат весьма путанные ответы. И того, что они получают, будет недостаточно, чтобы нас найти.

- С твоей стороны это очень умно, Чео.

- Но не прибавляет мне желания остаться с тобой.
- Зато мне прибавляет, - сказала она, улыбаясь.

После труднейших переговоров Мак-Кею удалось уговорить калекана открыть входную дверь в шар. Теперь он сидел в потоке холодного свежего воздуха; вдобавок одна из групп охранников снаружи могла поддерживать с ним прямой контакт. Он надеялся, что Эбнис клюнет на приманку. Новая стратегия казалась бесспорной.

Яркий свет солнца проникал в отверстие в шаре калекана. Мак-Кей подставил руку лучу солнца, ощутив его тепло. Он знал, что пока движется, он представляет собой плохую мишень, да и присутствие охранников делало нападение маловероятным. За ночь он с охранниками предотвратили еще пять бичеваний; и теперь в лаборатории Тулука находилось уже шесть рук паленков с бичами. Может быть, Эбнис поняла, что калекана не так легко убить, как она надеялась. Ее стратегия теперь, похоже, нуждалась в коррекции.

Мак-Кей устал и был раздражен. Он все время вынужден был принимать возбуждающие средства. Его раздражение выражалось в том, что он, как зверь в клетке, бродил в шаре калекана. Если Эбнис хочет его убить, она попытается сделать это. Смерть Фурунео - подтверждение тому.

Мак-Кей чувствовал смесь гнева и сострадания, думая о смерти Фурунео. В этом агенте было что-то добродушное и надежное, располагающее к доверию. И он нашел здесь печальный и бессмысленный конец, совсем один, запертый в ловушке. Его поиски Эбнис не продвинули дела вперед, а только подняли конфликт до уровня неприкрытого насилия. Это означало неопределенность и причиняло вред одной-единственной жизни - а вместе с ней стали уязвимыми и все остальные жизни.

Он почувствовал волну ярости, направленную против Эбнис. Это же бессмысленно!

Он поборол нервную дрожь. Через отверстие он мог видеть лавовый блок, на котором покоился шар калекана, и торчавшие за ним скалы. Большинство из них были замшелыми, покрытыми водорослями. Теперь, в отлив, они привлекали тучи насекомых. В соленом воздухе смешивались запахи гнили и тины.

- Может быть, вы мне сможете сказать, - обратился он через плечо к калекану, - находится ли Эбнис где-нибудь поблизости или остается на своей планете. Это не должно противоречить вашему договору.

- Это поможет вам найти Эбнис?

- Не знаю.

- Эбнис заняла относительно постоянную позицию на определенной планете.

- Но при всех наших измерениях и подсчетах мы не можем найти единственно правильное направление, не можем обнаружить источник, из которого она совершает нападения на вас.

- Вы не можете видеть связи, - сказал калекан.

Мак-Кей вздохнул и встал, чтобы выглянуть наружу. В этот момент в воздухе мелькнула серебристо-белая петля и упала на то место, где он только что стоял. В ту же секунду он обернулся и увидел, как петля мгновенно втянулась назад, в маленькую трубу прыжковой двери.

- Эбнис, это вы? - крикнул он.

Он не получил никакого ответа, а прыжковая дверь щелкнула и исчезла.

Охранники снаружи устремились к входному отверстию.

- Все в порядке, Мак-Кей? - крикнул один из них.

Мак-Кей махнул им рукой, вытащил из кармашка излучатель и слегка сжал его в руке.

- Фанни Мей, - сказал он, - вы помогаете ей найти меня и убить, как она это сделала с Фурунео?

- Наблюдающая личность, - ответил калекан. - Поскольку Фурунео перестал существовать, намерения наблюдающего неизвестны.

- Вы выдели, что здесь произошло? - спросил Мак-Кей.

- Эта личность с помощью зейе-контроля получает сведения о

возрастающей активности других индивидуумов. Активность возрастает.

Мак-Кей потер левой рукой шею. Он спросил себя, сможет ли использовать свое оружие достаточно быстро, чтобы на лету срезать брошенную петлю.

- Это тот способ, с помощью которого она захватила Фурунео? - спросил он. - Она набросила ему на шею петлю и втянула в зейе-дверь?

- Прерывистость удаляет личность из существования, - сказал калекан.

Мак-Кей пожал плечами и сдался. Это был один из тех ответов, которые он получал, когда спрашивал калекана о смерти Фурунео. Но они должны разрешить эту проблему. Он раздраженно покачал головой, когда получил вызов от тапризюта, но не прервал контакт. Это был Сайкер. Лаклак принял эмоцию беспокойств Мак-Кея и решил подключиться.

- Нет! - в ярости вскричал Мак-Кей. Он почувствовал, как его тело застыло в трансе. - Нет, Сайкер! Отключитесь!

- Но что случилось, Мак-Кей?

- Отключитесь, вы, идиот, или со мной все будет кончено!

- Хорошо... что с вами все в порядке. Но вы были так...

- Отключитесь!

Сайкер прервал контакт.

Снова почувствовав свое тело, Мак-Кей обнаружил, что болтается в петле, которая, перехватив его дыхание, подтягивает его к маленькой прыжковой двери. Он слышал скребущие и царапающие звуки, доносящиеся из отверстия, его люди звали его, но он не мог ответить. Его легкие готовы были лопнуть, паника захлестывала мозг. Он обнаружил, что во время транса выронил излучатель. Он был беспомощен. Руки напрасно царапали петлю.

Кто-то схватил его за плечи и повис. Добавочная тяжесть затянула петлю ту же, и Мак-Кей начал терять сознание.

Внезапно он услышал шум движения вверх. Мак-Кей упал на человека, схватившего его, и они вместе покатались по полу.

Охранник освободил его от петли и помог встать на ноги. Затем вайвер поднял камеру прыжковой двери, которая закрылась с треском электрического разряда.

Мак-Кей со стоном хватал воздух. Без помощи охранника он не смог бы стоять.

Постепенно до него дошло, что в шаре калекана находятся еще пять мужчин - два вайвера, один лаклак, один пан спехи и один человек. По меньшей мере трое из них говорили одновременно.

- Хватит! - прокричал Мак-Кей. От произнесенных слов заболело горло. Он взял петлю из щупалец вайвера и осмотрел ее. Тросик был сделан из серебристого блестящего материала, не известного Мак-Кею. Си был ровно обрезан излучателем.

Мак-Кей посмотрел на охранника, который делал голографические снимки, и спросил:

- Вы что-нибудь видели?

- Нападение было совершено пан спехи с удаленным эго-органом, - ответил вайвер. - Я сделал хорошие снимки его лица. Попробуем его идентифицировать.

Мак-Кей бросил ему срезанную петлю.

- Отправьте это в лабораторию. Пусть Тулук исследует ее. Не исключено, что этой же петлей был убит и Фурунео. Может быть, на материале петли остались клетки его тела.

- Мак-Кей, - сказал пан спехи, - у нас приказ оставаться здесь, с вами, если на вашу жизнь будет совершено покушение, - он протянул ему излучатель. - Я думаю, эту вещь потеряли вы.

Мак-Кей сердитым жестом убрал оружие. В следующее мгновение он почувствовал взрыв нового транса и замер.

- Отключись! - с яростью выдохнул он. - Проклятье, ты хочешь меня убить?

Но контакт не прервался. Это был Бильдун, и он не был настроен выслушивать проклятия.

- Что там у вас происходит, Мак-Кей?

Мак-Кей объяснил ситуацию.

- Вы теперь окружены охранниками?

- Да.

- Видел ли кто-нибудь нападавшего?

- У нас есть его голограмма. Это был пан спехи с удаленным эго-органом.

Мак-Кей воспринял ужас, охвативший его шефа, потом Бильдун резко сказал:

- Немедленно возвращайтесь в Централь.

- Видите ли, - сказал Мак-Кей. - Я - лучшая приманка, которая у нас есть. У вас есть какие-нибудь основания...

- Назад, немедленно! - оборвал его Бильдун. - Если вы не послушаетесь, я доставлю вас сюда силой.

Мак-Кей уступил. Еще никогда он не видел своего начальника в таком мрачном настроении.

- Что происходит? - спросил он.

- Если вы та приманка, которой вы себя считаете, Мак-Кей, то здесь она так же эффективна, как и там. Если Эбнис охотится за вашей жизнью, она больше не будет столь легкомысленной. Я хочу, чтобы вы были здесь, в окружении еще большей охраны.

- Что-то случилось? - спросил Мак-Кей.

- Он еще спрашивает! Все бичи, доставленные на исследование, исчезли! Лаборатория выглядит так, словно в ней хозяйничало стадо обезьян, а один из ассистентов Тулука мертв! Обезглавлен и... голова исчезла.

- Проклятье, - сказал Мак-Кей. - Иду.

Чео, скрестив ноги, сидел на полу в прихожей своей квартиры. В руках он держал кусок, который остался у него после того, как помощник Мак-Кея обрезал петлю.

Так не повезло! Этот лаклак с излучателем был достаточно быстр. И нет никакого сомнения в том, что врайверу удалось сделать голограмму через отверстие прыжковой двери. Теперь они будут исследовать петлю, задавать вопросы, показывать всем снимки.

Ну, это многого им не даст. Ни один из его друзей или знакомых прошлых лет не сможет его узнать после того, как врачи-косметологи изменили его внешность. Конечно, пропорции носа и глаз остались такими же, но кроме этого...

Чео покачал головой. Нет никаких оснований для беспокойства. Никто не сможет помешать им уничтожить калекана! А после этого все предположения и соображения будут иметь только академический интерес.

Он вздохнул, встал и бросил кусок тросика в угол. Нужно убрать охрану от калекана или калекана от охраны. Но как? Он погладил шрам на лбу, потом прислушался. Что это за шорох позади? Он медленно повернулся, и руки его опустились.

В проеме двери, выходящей в коридор, стояла Млисс Эбнис. Оранжевый свет превратил жемчужины на облегающем тело платье в янтарь. На лице ее боролись ярость и страх, а в глазах был виден лихорадочный блеск, признак больной психики.

- Ты давно здесь? - тихо спросил он.

- А что? - она вошла в комнату и закрыла дверь. - Что ты делаешь?

- Выживаю, - сказал он.

Она проследила по комнате за его взглядом и увидела в углу бичи. Они были брошены на что-то круглое, поросшее волосами. Под этой кучей на полу виднелось мокрое темное пятно. Она побледнела.

- Что это? - прошептала она.

- Не волнуйся, Млисс, - сказал он.

- Что ты сделал! - прокричала она в истерике.

"Я должен ей сказать, - подумал он. - Я действительно должен ей

сказать".

- Я работаю, чтобы спасти наши жизни, - сказал он.

- Ты кого-то убил, не так ли? - прокричала она.

- Он не страдал, - сказал Чео.

- Но ты...

- Что значит одна смерть по сравнению с миллионами, миллиардами, которые мы запланировали? - спросил он. - И ради всех чертей Говахина, можешь ты когда-нибудь не нервничать!

- Чео, я боюсь тебя!

- Успокойся, - сказал он. - У меня есть план, как избавить калекана от охраны. Если это удастся, мы скоро уничтожим его, и тогда дело будет сделано.

Она сглотнула.

- Фанни Мей страдает. Я знаю это.

- Это бессмыслица! - порывисто возразил он. - Ты же сама слышала, что калекан это отрицает. Он не знает, что такое боль. У него даже нет такого понятия!

- Но что если мы ошибаемся? Что если это недоразумение?

Он подошел к ней и сурово взглянул на нее сверху вниз.

- Млосс, ты имеешь представление о том, как мы будем страдать, если наши планы потерпят крах?

У Мак-Кей было такое ощущение, словно каленое его нервное окончание сигнализирует об опасности. Они с Тулуком стояли в лаборатории. Это помещение должно было действовать успокаивающе, но Мак-Кей казалось, что стены куда-то исчезли и он беззащитен против нападения снаружи и брошен на произвол судьбы. Куда бы он ни поворачивался, его спина оказывалась беззащитной и подвергалась опасности. Эбнис и ее друзья делали отчаянные попытки и использовали все средства, и это было доказательством их уязвимости. Но где была их ахиллесова пята? В чем заключалась их слабость?

И где они скрывались?

- Это очень странный материал, - сказал Тулук, поднимаясь из-за стола, где он исследовал серебристый тросик. - В высшей степени достойный внимания.

- Что же в нем странного?

- Он просто не может существовать.

- Но он существует, не так ли?

- Я это вижу, друг мой.

Тулук убрал хватательные клешни и задумчиво почесал правую часть щеки. Показался оранжевый глаз, повернулся и взглянул на Мак-Кей.

- Вы знаете, - сказал врайвер, - единственная планета, на которой могли выращивать этот материал, прекратила свое существование более тысячи лет назад. Было только одно место, одна комбинация биохимических и энергетических условий...

- Вы ошибаетесь, этот материал здесь, перед нашими глазами.

- Глаза стрелка из лука, - сказал Тулук. - Вы помните историю с Новой?

Мак-Кей склонил голову набок и на время задумался.

- Кажется, да. По-моему, я об этом где-то читал.

- Планета называлась Рап, - продолжил Тулук. - Это кусок волокна с Рапа.

- Кусок волокна с Рапа?

- Вы никогда не слышали об этом?

- Никак не могу вспомнить.

- Да, ну... это местный материал. Изготавливается из вида вьющегося растения с относительно коротким периодом жизни. Интересно, что его единственный стебель не измочаливается, даже если его весь расщепить. Видите? - Тулук рванул отдельное волокно из обрезанного конца. Оно только чуть отошло, но сейчас же вернулось и прочно переплелось с другими.

- Эти волокна ведут себя по отношению друг к другу с ярко выраженной когерентностью.

- Вы сказали, короткий период жизни?

- Да, волокна с Рапа при самых благоприятных условиях сохраняются не более чем двадцать - двадцать пять лет.

- Но планета...

- Да, тысячу лет тому назад.

И Мак-Кей недоверчиво посмотрел на серебристо поблескивающий тростник.

- Очевидно, эта вещь выросла где-то в другом месте. Может быть, кому-то удалось вырастить волокно с Рапа на какой-то другой планете.

- Может быть, но тогда ему удавалось сохранять это в тайне очень долгое время. Да и какой смысл?

- Мне не нравится то, о чем вы думаете, - сказал Мак-Кей.

- Это самая важная констатация, которую я когда-либо от вас слышал, - сказал Тулук. - Но я знаю, что вы имеете в виду. Вы считаете, что и думаю о путешествиях во времени или...

- Невозможно! - сказал Мак-Кей.

- Я проделал очень интересный математический анализ этой проблемы, - сказал Тулук.

- Путешествия во времени! - фыркнул Мак-Кей. - Бессмыслица!

- Наши привычные формы восприятия, конечно, мешают мыслительному процессу, который необходим для анализа этой проблемы, - сказал Тулук. - Я же освободился от традиционного образа мышления. Посмотрите: мы имеем множество точек-измерений пространства. Эбнис находится на определенной планете, это же относится к калекану. Мы получаем действительные контакты между обеими точками, серию событий.

- И что же?

- Мы должны исходить из того, что эти точки контакта лежат в основе узора.

- Почему? Могут быть произвольные образцы...

- Две специфические планеты, двигающиеся в пространстве, представляют собой единый узор, единую систему, единый ритм. Мы имеем дело с системой, отвергающей общепринятые анализы. Это темпоральный ритм, переводимый в серию точек-ритмов. Он и пространственный и временной.

Мак-Кей сказал:

- Это уже не связано с путешествиями во времени.

- Подождите! Я вижу целое, как систему линейных связей...

- Линии! - сказал Мак-Кей. - Связи!

- Как? Да, верно. Линейные связи, которые движут формами или формой измерений. Мы можем изложить все формы пространства как количество, которое определяет другие качества. Вы следите за моей мыслью?

Мак-Кей неуверенно кивнул.

- Мы рассматриваем данные как серию измерений, которая определяется движущимися точками, причем мы должны помнить, что они тоже определяют пространство между подобными точками. Итак, речь идет о многочлене измерения, если выразиться точнее. И чем же в связи с этим является время? Время - это многочлен измерения. Но мы имеем множество точек-измерений в пространстве и во времени. Итак, у нас есть либо одна постоянная переменная величина, либо множество постоянных переменных величин. И в результате сокращения их количества посредством расчетов, мы увидим, что имеем дело с двумя системами, которые содержат бесконечное множество возможностей.

- И вы обнаружили это? - спросил Мак-Кей.

- Я это обнаружил, - сказал Тулук. - Теперь отсюда следует, что имеются точки контакта нашей проблемы их раздельного существования в течение разных промежутков времени. Итак, Эбнис принимает другое измерение времени как шар калекана. Это неизбежный вывод.

- Это тонкие различия, которые видит калекан, - задумчиво сказал Мак-Кей. - Эти связи, эти нити.

- Паутина, которая связывает многие вселенные, - сказал Тулук. - Смотрите, прыжковые двери калибана дают нам возможность почти мгновенно преодолевать световые годы. Представьте себе огромное количество энергии, которое должно расходоваться на это. И, может быть, что мы видим лишь малую часть того, что находится во власти калибана.

- Мы никогда не должны были признавать зейе-систему, - сказал Мак-Кей. - Нам совершенно достаточно было обычных космических путешествий и все развивающейся техники затормаживания функций организма. Мы должны были оставить калибанам их связи.

- Вы сами не верите в это, Мак-Кей. Конечно, мы должны были предвидеть возможную опасность. Но мы были поражены и ослеплены возможностями, открывшимися перед нами. И это была ошибка.

Мак-Кей поднял левую руку, чтобы почесать голову, и тут почувствовал опасность. Прежде чем он успел среагировать, что-то ударило его по руке и раскололо ее до самой кости. Он обернулся и увидел поднятую для нового удара руку паленки с зажатым в ней клинком. Рука высовывалась из туманной трубы прыжковой двери. В отверстии была видна бронированная жабя голова паленки, а рядом - правая часть лица пан спехи: красно-фиолетовый шрам на лбу, смарагдово-зеленые фасетчатые глаза.

Мак-Кей увидел поднятый для удара клинок и понял, что тот ударит прежде, чем его застывшие в шоке мускулы успеют среагировать. Колющая боль в левом виске, удар по голове, раскаленный луч излучателя, вспыхнувший перед его лицом - все перемешалось в одно мгновение.

Он стоял, замерев, неспособный двигаться. Только глаза действовали и отмечали удивление на лице пан спехи, отрезанную руку паленки, упавшую на пол, щелчок сомкнувшейся прыжковой двери. Сердце бешено колотилось. Что-то темное и мокрое бежало по его левой щеке вдоль челюсти. Рука болела, и он видел кровь, капающую с кончиков пальцев.

Потом кто-то оказался рядом и прижал что-то к его щеке. Тулук нагнулся, чтобы поднять клинок из руки паленки...

- Я снова был на волосок от смерти, - сказал Мак-Кей. Потом наступила реакция, и он задрожал всем телом.

Было уже далеко за полдень, когда Мак-Кей вернулся в лабораторию, окруженный охранниками с оружием наизготовку. Он провел два часа в медстанции и еще два часа в юридическом отделе и очень хотел спать. Юристы Бюро напирали на своих коллег, состоявших на службе у Эбнис; был издан приказ, по которому агенты Бюро и криминальная полиция получили разрешение на розыски и конфискацию рассеянного по множеству планет имущества Эбнис. Одновременно против нее было выдвинуто официальное обвинение и начато официальное расследование. Может быть, так и можно было чего-нибудь добиться, но Мак-Кей не верил в это. Все это разворачивалось в атмосфере параграфов и символики, которые были так же скользки, как и абстрактны, создавали различные правовые затруднения и открывали многочисленные лазейки.

Петли, мечи, топоры и хватающие прыжковые двери - это были орудия непосредственных конфликтов, которые он смог пережить только благодаря тому, что придерживался такой же безжалостной стратегии. И ничто из того, что он сделал до сих пор, не могло предотвратить катастрофу, угрожавшую всей Вселенной.

Восемь охранников вошли вместе с ним в лабораторию, где Тулук был занят исследованием маленького металлического осколка. Руководитель лаборатории мельком взглянул на вошедшего Мак-Кея и снова согнулся над экраном своего электронного микроскопа.

- Там, на столе, лежит карточка из картотеки, - сказал он, указывая рукой налево. - Прочитайте ее, а я тем временем закончу.

Мак-Кей осмотрелся, увидел исписанную карточку, лежащую на испачканном лабораторном столе, подошел к нему и взял этот кусочек картона. Тулук исписал ее сам, и педантично-аккуратные буквы выдавали преданность врайвера его работе.

"Вещество: сталь на основе железа. В состав входят примеси марганца,

углерода, серы, фосфора и кремния, следы никеля, вольфрама, хрома, молибдена и ванадия.

Источник происхождения: соответствует известным маркам стали второго века Земли из политической эпохи Японии (ручное изготовление мечей во времена расцвета эпохи самураев).

Обработка: лезвие и острие двойной закалки, спинка не закалена.

Оценка длины оригинала: сто двадцать один сантиметр.

Рукоятка: кость, обвитая льняным шнуром и лакированная (анализы прилагаются)".

Мак-Кей взглянул на приложенный листок: "Кость из зуба морского млекопитающего, обработанная с употреблением инструментов неизвестного происхождения, но, предположительно, бронзовых".

Анализ льняного шнура были интересны, потому что он имел сравнительно недавнее происхождение. Интересным был и лак. Он был разведен на летучем растворителе, который можно было идентифицировать как производное угольной смолы, но основой для красителя послужил настой из красных кошенилевых вшей, которые если еще не вымерли, то уже в течение тысячелетий не использовались для получения красителей.

- Вы прочли это? - спросил Тулук.

- Да.

- Что вы теперь думаете о моей теории?

- Я думаю, что она имеет смысл, - пробурчал Мак-Кей. - Что вы теперь намерены делать?

- Этот клинок выкован, - сказал Тулук. - И я реконструирую узор ударов молота.

- Зачем?

- Изготовление мечей такого типа было тщательно охраняемым секретом, - сказал Тулук, не глядя на него. - Он передавался внутри семьи, от отца к сыну, в течение тысячелетий. Неравномерность ударов молота каждого кузнеца образует характерный узор, так что живущий ныне изготовитель может быть идентифицирован. Коллекционеры разработали надежные методы исследования подлинности. Эти методы абсолютно надежны, а данные следы так же индивидуальны, как отпечатки пальцев.

- И какие результаты вы получили? - спросил Мак-Кей.

- Я несколько раз повторил текст, чтобы исключить всякие сомнения, - сказал Тулук. - Хотя лак и шнур указывают, что возраст меча - самое большее восемьдесят лет, стальной клинок был изготовлен за много тысячелетий до этого, мастером Канемурой. Я могу дать индекс хранилища информации, если вы хотите убедиться лично.

Сообщение о родовых знаках паленки ожидало Мак-Кея, когда он вернулся со стратегического совещания из офиса Бильдуна. Он вернулся в полночь, ко в Центральи все еще находились служащие, занимающиеся своей работой. Особенно много было охранников.

Кресло-робот Бильдуна подняло подножку и легкими движениями манипуляторов массировало спину директора, когда вошел Мак-Кей. Бильдун открыл свои зеленые фасетчатые глаза и сказал:

- У нас информация о паленке. Раскраска, которую вы видели. Эта информация находится здесь, на моем столе, - он закрыл глаза и вздохнул.

Мак-Кей опустился в одно из кресел-роботов и сказал:

- Я устал от чтения. Что в нем?

- Это знаки зипзонга, - сказал Бильдун. - Идентификация безукоризненна. - Он снова вздохнул. - Я тоже устал, оказались бы вы на моем месте!

- Верю, - зевнул Мак-Кей. Он чуть было не дал своему креслу-роботу знак начать массаж. Наблюдать за тем, как обрабатывался Бильдун, было очень соблазнительно. Но Мак-Кей знал, что может заснуть, если предоставит своему телу это удобство. Охранник, неслышнодвигающийся по комнате, должно быть, тоже устал, как и он сам. Они, несомненно, рассердятся на него, если он позволит себе задремать.

- Мы отдали приказ об аресте и арестовали главу рода зипзонгов, -

сказал Бильдун. - Он утверждает, что никто из его рода не пропадал.

- Это так?

- Мы попытались проверить, но это очень сложно. У них нет никаких письменных подтверждений - только заверения одного из паленков, а чего они могут стоить?

- Вероятно, он поклялся своей рукой, а?

- Конечно. Но знаки его рода могли быть использованы и незаконно.

Итак, мы можем его считать лжецом до получения доказательств.

- Потребуется три-четыре недели, пока паленка отрастит себе новую руку, - сказал Мак-Кей.

- Что ты имеешь в виду?

- У нее в резерве, должно быть, несколько дюжин паленков.

- Она может иметь пару сотен паленков.

- Высказывает ли глава рода досаду или смущение поводу того, что знаки его рода используются неуполномоченными на это паленками?

- Мы не заметили ничего подобного.

- Он лжет, - сказал Мак-Кей.

- Откуда вы знаете?

- По юрисдикции жителей планеты Говахин фальсификация родовых знаков относится к восьми самым тяжким преступлениям, которые могут совершить паленки. И говахинцы должны об этом знать, потому что они первыми провозгласили неписанные законы паленков. Кроме того, они в течение тысячелетий являются защитниками паленков.

- Что вы предлагаете? - спросил Бильдун.

- Я хочу, чтобы мне разрешили допросить главу рода паленков.

- Не возражаю. Но что вы хотите у него узнать?

- Я хочу оказать на него грубое давление и в случае необходимости выжать из него показания.

- Как?

- Вы имеете представление о том, как важно сокровенное значение руки для паленки?

- Да, представляю. Почему вы спрашиваете?

- В прежние времена товарищи по виду вынуждали преступника-паленку съедать собственную руку. Сразу же после этого рану прижигали, чтобы воспрепятствовать росту новой руки. Это самая большая потеря для паленки, несмыслимый позор для остальных.

- Не предлагаете ли вы всерьез...

- Конечно, нет.

Бильдун ужаснулся.

- Вы, люди, кровожадная натура. Иногда я сомневаюсь, что понимаю людей так же, как и вы.

- Где находится паленка? - спросил Мак-Кей.

- Что вы хотите с ним сделать?

- Допросить от! Что еще по-вашему?

- После того, что вы только что сказали, я вам не верю.

- Не бойтесь. Эй, вы, двое, - Мак-Кей сделал знак двум охранникам, которые стояли у двери. - Приведите сюда паленку!

Охранники вопросительно взглянули на Бильдуна.

- Выполняйте, - сказал Бильдун.

Десятью минутами позже глава рода паленков был доставлен в офис Бильдуна. Мак-Кей узнал рисунок на блестящем панцире и кивнул сам себе: тот был идентичен рисункам на панцирях, которые он видел.

Паленка остановился в двух метрах от Мак-Кея. Бронированное жабе лицо выжидающе глядело на него.

- Вы действительно хотите заставить меня съесть мою руку? - спросил он.

Мак-Кей бросил на конвоира укоризненный взгляд.

- Он спросил меня, какой тип людей вы представляете, - объяснил охранник, врайвер с нашивками лейтенанта.

- Я рад, что вы дали точное описание, - мрачно сказал Мак-Кей. Потом

повернулся к паленке. - Что вы думаете об этом?

- Я думаю, что это невозможно. Такое варварство больше не позволено совершать. - Существо с бронированной жабьей головой произнесло эти слова совершенно равнодушным тоном, однако свисающая с шейного сустава рука слабо, но нервно покачивалась из стороны в сторону.

- Я могу доставить вам кое-какие неприятности, - сказал Мак-Кей.

- Что за неприятности? - спросил паленка.

- Хотите узнать? Вы сказали, что можете поручиться за каждого члена вашего рода. Это так?

- Верно.

- Вы лжете, - сказал Мак-Кей. - Ваше родовое имя?

- Оно только для моих братьев по роду и соплеменников.

- И для говахинцев, - сказал Мак-Кей.

- Вы не говахинец.

Скрипучими и хрюкающими звуками говахинского языка Мак-Кей начал ругать предков паленки, описывать его вредные привычки и расписал возможное наказание за его поведение. Он закончил идентификационным сигналом говахинцев, эмоциональным всхлипыванием о том, что он сделает и о чем переговорит с говахинским начальством.

После наступившей паузы паленка сказал:

- Вы один из тех, кто пользуется гражданскими правами говахинцев.

- Ваше родовое имя? - настаивал Мак-Кей.

- Ладно. Меня зовут Байредх из Анка, - сказал паленка; в его голосе, казалось, появились нотки отчаяния.

- Байредх из Анка, вы лжец, - твердо сказал Мак-Кей.

- Нет! - рука вздрогнула.

- Вы повинны в тяжелейших преступлениях.

- Нет! Нет! - запротестовал паленка, но он потерял уверенность и был напуган.

Мак-Кей заметил, что охранники теперь подошли ближе и образовали кольцо вокруг него и паленки, заинтересованные этим допросом.

- Эй, вы! - обратился он к лейтенанту. - Приделайте вашим людям ноги!

- Ноги?

- Да! Вы должны наблюдать за каждым углом этой комнаты и быть готовыми к нападению. Вы хотите, чтобы Эбнис устранила нашего свидетеля?

Пристыженный лейтенант откупил на шаг назад и отдал приказ своим людям, но это было излишне: охранники уже снова стали наблюдать за помещением. Лейтенант-врайвер гневно подвигал челюстями и умолк.

Мак-Кей сказал:

- Что ж, Байредх из Анка, я задам вам пару вопросов. На некоторые из них я уже знаю ответы. Если вы солжете хоть раз, я вынужден буду возродить методы варваров. На карту поставлено слишком многое. Вы меня поняли?

- Мой господин, вы не поверите, что...

- Сколько из вашего рода вы продали в рабство к Млисс Эбнис?

- Рабство - тяжелейшее преступление! - прохрипел паленка.

- Я же сказал, что вы виновны в тяжчайших преступлениях, - сказал Мак-Кей. - Отвечайте на вопрос.

- Вы требуете, чтобы я осудил сам себя?

- Сколько она вам заплатила?

- Кто мне должен заплатить?

- Сколько вам заплатила Эбнис?

- За что?

- За ваших братьев по роду?

- Каких братьев по роду?

- Это вопрос, - сказал Мак-Кей. - Я хочу знать, сколько паленков вы продали, сколько денег вы получили и куда Эбнис дела проданных.

- Этого не может быть!

- Наша беседа протоколируется, - сказал Мак-Кей. - Я воспроизведу эту запись Совету Объединенных Племен, и ваши люди решат, как с вами поступить.

- Вы смеетесь! Какие доказательства вы можете представить?

- У меня есть запись вашего собственного виноватого голоса, - сказал Мак-Кей. - Мы проделали анализы тона вашего голоса и вместе со снимками отошлем Совету Племен.

- Анализы тона? Что это такое?

- Это метод анализа тонких различий в интонациях и произношении, используемый для того, чтобы определить, какие слова истинны, а какие лживы.

- Я никогда не слышал о таком методе!

- Только немногие знают все инструменты, используемые Бюро, - сказал Мак-Кей. - Я дам вам еще один шанс. Сколько членов вашего рода вы продлили.

- Почему вы давите на меня? Что в Эбнис такого важного, что вы пренебрегаете всеми правилами интернациональной вежливости, угрожаете мне и отказываете в праве, которое мне...

- Я пытаюсь спасти вам жизнь, - сказал Мак-Кей.

- Кто же теперь лжет?

- Если мы не найдем Эбнис, не обезвредим ее, - сказал Мак-Кей, - то большинство разумных существ в нашей Вселенной в самом скором времени погибнет. Точнее говоря, все, кто хоть раз пользовался прыжковой дверью. Я клянусь вам, что это правда.

- Это торжественная клятва?

- Клянусь Яйцом моей руки, - сказал Мак-Кей.

Паленка фыркнул.

- Вы даже что-то знаете о Яйце?

- Так как я произнес ваше имя, вы должны дать торжественную клятву, - сказал Мак-Кей.

- Я клянусь моей рукой!

- Нет, клянитесь Яйцом вашей руки.

Паленка опустил голову, его рука извивалась.

- Сколько своих сородичей вы продали? - снова спросил Мак-Кей.

- Только сорок пять.

- Только сорок пять?

- Это все! Я клянусь вам! - маслянистая жидкость, признак страха, брызнула из глаз паленки. - Она предложила мне много дающего свободный выбор. Эбнис обещала неограниченное откладывание яиц!

- Неограниченное размножение? - спросил Мак-Кей. - Как это возможно?

Паленка бросил опасливый взгляд на Бильдуна, который, нахмурясь, сидел за письменным столом.

- Она не объяснила, - наконец сказал паленка. - Она только сказала, что нашла новые миры вне сферы влияния Объединения Разумных.

- Где эти миры? - спросил Мак-Кей.

- Не знаю! Я клянусь Яйцом моей руки!

- Как велась продажа?

- Посредником был один пан спехи.

- Каковы были его действия?

- Он предложил нам несколько уютных миров за службу в течение десяти нормальных лет.

Кто-то позади Мак-Кея свистнул.

- Когда и где проходила эта транспортировка? - спросил Мак-Кей.

- Несколько лет назад, на родине моих яиц.

- Выигрыш в десять лет! - пробормотал Мак-Кей. - Щедрое предложение и одновременно великолепная торговая операция. У вас и вашего рода едва ли останется время на то, чтобы воспользоваться приобретенным, если план Эбнис исполнится.

- Я этого не знал! Что она планирует?

Мак-Кей игнорировал его вопрос. Он сказал:

- Есть ли у вас хотя бы одно предположение, где находятся ее миры?

- Нет. Прделайте анализ моих интонаций. Вы убедитесь, что я говорю правду.

- С представителями вашей расы такой анализ невозможен.

Паленка на мгновение уставился на него, потом сказал:

- Да протухнет ваше Яйцо!

- Опишите пан спехи, который заключал с вами сделку, - сказал

Мак-Кей.

- Я отказываюсь от всякого дальнейшего сотрудничества!

- Вы уже глубоко увязли, - сказал Мак-Кей, - и мое предложение - единственное, что у вас осталось.

- Предложение?

- Если вы будете с нами сотрудничать, каждый из присутствующих здесь забудет о вашей вине.

- Грандиозный обман! - проворчал паленка. - Чудовищный обман!

Мак-Кей взглянул на Бильдуна и сказал:

- Думаю, лучше создать родовой Совет Племен и дать им полную информацию.

- Я тоже так думаю, - сказал Бильдун.

Паленка фыркнул.

- Как я могу знать, можно ли вам доверять?

- Никак, - сказал Мак-Кей.

- Но у меня нет выбора, вы это хотите сказать?

- Да, я хочу сказать именно это.

- Да протухнет ваше Яйцо, если вы меня обманете!

- Ну, ладно, - согласился Мак-Кей. - Опишите пан спехи.

- У него удален эго-орган. Я видел его шрам, но он убедил меня, что я могу ему доверять.

- У него было имя?

- Он называл себя Чео.

Мак-Кей взглянул на Бильдуна.

Бильдун сказал:

- Это имя придает новое значение старой идее. Это сокращение одного древнего диалекта. Очевидно, псевдоним.

Мак-Кей снова сосредоточился на паленке. Он спросил:

- Заключил ли этот Чео с вами договор дал ли он вам гарантии? Как он обязался расплатиться с вами?

- Он назначил двух членов моего рода по моему выбору губернаторами двух вышеуказанных миров.

- Очень умно, - сказал Мак-Кей, нахмутив брови. - Кто может возразить против такой сделки или что-то доказать?

Мак-Кей спроектировал голограмму, которую сделал охранник через прыжковую дверь. Лицо пан спехи появилось в воздухе перед паленкой.

- Это Чео? - спросил Мак-Кей.

- Шрам на месте, - ответил паленка. - Да, это он самый.

- Идентификация сделана по закону, - сказал Мак-Кей, бросив взгляд на Бильдуна.

- Чем это может нам помочь? - спросил Бильдун.

- Кажется, я знаю, чем, - ответил Мак-Кей.

Мак-Кей и Тулук аргументировали теорию регенерации времени, так они окрестили свое открытие, не обращая внимания на толпу охранников, которые, со своей стороны, проявляли мало интереса к разговору своих подопечных.

Между тем, примерно через шесть часов после допроса паленки эта теория стала предметом разговоров во всех отделах Централи Бюро. У нее было примерно столько же противников, сколько и сторонников.

По настоянию Мак-Кея они для оценки данных перешли в рабочий кабинет и попытались перевести теорию Тулука в математическую модель, с помощью которой Мак-Кей хотел попытаться обнаружить убежище Эбнис.

- Это должно дать какой-нибудь вектор в нашем измерении, - сказал Тулук. - Вопрос только в том, достаточно ли у нас данных для верных выводов?

- Даже если выводы будут верными, как мы сможем их использовать? - спросил Мак-Кей. - Она не в нашем измерении. Мы должны снова отправиться к калекбану...

- Вы же слышали Бильдуна. Вы никуда не пойдете. Предоставим шар калекбана нашим охранникам и постараемся найти теоретическое решение проблемы. Только так мы действительно сможем ее разрешить.

- Но калекбан - единственный источник новых данных.

Бильдун вышел вперед и освободил Тулука от ответа.

- Снаружи полно репортеров, - прогремел он. - Я не знаю, кто им рассказал обо всем, но нам подложили огромную свинью. Они могут сделать заключение: "Калекбан хочет вызвать конец Вселенной". Мак-Кей, можете вы что-нибудь сделать?

- Я - нет, но Эбнис может, - сказал Мак-Кей, бросив взгляд на замысловатые каракули, которые машинально выводил.

- Но она же сумасшедшая!

- Я никогда не говорил, что она нормальная. Вы же знаете, сколько она контролирует телеграфных пунктов, радио и телестанций и других средств массовой информации.

- Ну... знаю, но...

- Кто-то сообщил им об угрозе?

- Нет, но...

- Вы не находите это странным?

- Мы знаем, что эти люди...

- Как вы хотите скрыть от них планы Эбнис относительно калекбана? - снова спросил Мак-Кей. Он встал и пошел к двери.

- Подождите, - остановил его Бильдун. - Куда вы направляетесь?

- Я хочу рассказать этим людям об Эбнис.

- Вы сошли с ума? Чтобы ее юристы заткнули нам рот, только этого не хватало - клеветы и вульгарных сплетен!

- Мы сможем потребовать от нее личной явки в суд, если она выступит против нас, - сказал Мак-Кей. - Мы должны были подумать об этом раньше. Истинность наших обвинений - превосходная защита.

Бильдун догнал его, и они направились к двери, со всех сторон окруженные охранниками. Тулук пристроился сзади.

- Мак-Кей, - крикнул Тулук. - Вы заметили, что мыслительные процессы затруднены?

- Погодите, пока я не обсужу вашу идею с математическим отделом, - сказал Бильдун. - Мак-Кей, может быть, ваше предложение верно, но...

- Мак-Кей, - повторил Тулук. - Вы...

- Подождите, - гневно прервал их Мак-Кей. Он остановился и повернулся к Бильдуну. - Сколько времени, по-вашему, на это потребуется?

- Кто знает?

- Пять минут? - спросил Мак-Кей.

- Наверно, больше.

- Но ведь вы не знаете...

- Наши люди охраняют калекбана. Мы свели к минимуму возможность нападения Эбнис.

- Я прав, полагая, что вы ничего не хотите предоставить на волю случая? - спросил Мак-Кей.

- Конечно! Нет, я наотрез отвергаю вашу идею...

- Ну, я только расскажу репортерам снаружи всю правду...

- Мак-Кей, у этой женщины всюду есть свои люди, - напомнил Бильдун. - Друзья и покровители ее сидят в таких эшелонах власти, где бы вы никогда не смогли этого ожидать... Вы не имеете никакого представления о том, что мы знаем по опыту...

- И в Верховном правительстве тоже?

- В этом нет никакого сомнения. Мы у нее под колпаком.

- И поэтому теперь самое время убрать этот колпак.

- Вы вызовете панику.

- Нам необходима паника. Паника вызовет активизацию всевозможных

людей. Они будут пытаться найти Эбнис - друзья, деловые партнеры, враги, сумасшедшие. Нас захлестнет информация. А нам необходимо получить новую информацию!

- Что, если репортеры нам не поверят? Если они будут над нами смеяться?

Мак-Кей заколебался. Он еще никогда не испытывал такой робости перед несущим чепуху Бильдуном. При всем этом Бильдун был знаменит своим быстрым, острым и аналитическим умом. Нерешительность и медлительность никогда не были его недостатком. Может быть, директор относился к числу подкупленных Эбнис? Это казалось немыслимым. Но присутствие в этом деле пан спехи с удаленным эго-органом должно было вызвать у его товарищей по виду травматический шок. И у Бильдуна к тому же скоро должен был наступить распад эго. Что на самом деле происходило в психике пан спехи, в момент когда он должен был перейти в фазу безмозглого существования? Эмоциональный кризис, вызванный ожиданием? Отчаянное сопротивление? Паралич мыслительных способностей?

Вполголоса, чтобы слышал только Бильдун, Мак-Кей спросил:

- Вы готовы уйти с поста шефа бюро?

- Конечно, нет!

- Мы знаем друг друга уже долгое время, - сказал Мак-Кей. - Я верю, что мы понимаем и уважаем друг друга. Если я одержу победу, вы больше не будете занимать это кресло. Вы знаете это. Ну, между нами, сможете вы в кризисном состоянии исполнять свои обязанности так же хорошо, как и прежде?

Искаженное злостью лицо Бильдуна смягчилось, на лбу его появились морщины задумчивости.

Мак-Кей ждал. Если она теперь явится, изменение эго-индивидуальности Бильдуна будет нарушено и из его "я" выступит нечто новое. И всем известно, в том числе и ему самому, что по эмоциональной структуре он будет полностью отличаться от прежнего Бильдуна. Можно ли было устранять шок этого момента? Мак-Кей надеялся, что нет. Он испытывал к Бильдуну дружеские чувства, но было бы глупо оказывать ему особое внимание.

- Что все это значит? - пробормотал Бильдун сдавленным голосом. - Чего вы добиваетесь?

- Не хочу вас ни скомпрометировать, ни выставить на посмеище, ни даже... естественный процесс ускоряется, - сказал Мак-Кей. - Но наша теперешняя ситуация надежна. Я, очевидно, буду настаивать на вашей отставке и вызову недовольство в организации, если вы будете упорствовать.

- Разве я плохо работаю? - задумчиво сказал Бильдун. Потом покачал головой. - На вы тоже должны ответить за пару ошибок.

- Разве я ошибся? - спросил Мак-Кей.

- Да! - сказал Тулук, глядя то на одного из спорщиков, то на другого.

- Я не желаю больше выслушивать ваши пререкания. Я должен их прокомментировать. Широкая волна, как вы ее назвали, сопровождающая исчезновение калебана, оставляет после себя столько смертей и случаев сумасшествия, что мы вынуждены защищаться с помощью пилюль гнева и других фармацевтических препаратов.

- И это помогает сохранить наши мыслительные способности, - сказал Бильдун.

- И даже более того, - сказал Тулук. - Это чудовищное событие оставит после себя всеобщее чувство неуверенности. Мак-Кей не высмеивает сообщения медиумов-связных. Все разумные существа пытаются найти объяснения странной тревоги, которую они испытывают, где бы ни находились...

- Мы напрасно тратим время, - сказал Мак-Кей.

- Что вы предлагаете? - спросил Бильдун.

- Необходимо принять срочные меры, - ответил Мак-Кей. - Во-первых, установить карантин на Стедионе, чтобы никто из косметологов не мог попасть на планету, и воспрепятствовать перемещению людей с планеты на планету.

- Это бессмысленно! Какие основания у нас для этого?

- С каких это пор Бюро Саботажа должно предъявлять основания? - спросил Мак-Кей. - У нас есть право воспрепятствовать действиям любого правительства.

- Подобные меры можно применять далеко не всякому правительству, Мак-Кей. Вы же знаете, как щекотлива наша позиция.

- Во-вторых, - продолжил Мак-Кей непоколебимо. - В случае бедственного положения должно вступить в силу наше соглашение с тапризиотами. Они должны ставить нас в известность о содержании всех разговоров, которые будут вести предполагаемые друзья, покровители и деловые партнеры Эбнис.

- Это сработало бы в том случае, если бы мы попытались захватить власть, - возразил Бильдун. - Если об этом станет известно, мы непременно натолкнемся на противодействие властей. Что, как вы думаете, скажут члены любого правительства, когда узнают, что мы подслушиваем их дальнюю связь? Кроме того, мы договаривались об условиях бедственного положения не для таких целей. Это будет вопиющим злоупотреблением с нашей стороны!

- Если мы этого не сделаем, мы погибнем, и тапризиоты погибнут вместе с нами, - сказал Мак-Кей. - Надо им это объяснить. Нам необходимо их добровольное сотрудничество.

- Не знаю, смогу ли я их убедить, - запротестовал Бильдун.

- Вы должны попытаться.

- Но какую пользу принесет эта акция?

- Тапризиоты и косметологи действуют таким же образом, как и калекан, но обладают меньшей энергией, - сказал Мак-Кей. - Я убежден в этом. Мы засечем все подобные источники энергии.

- И что, по вашему мнению, произойдет, если мы изолируем косметологов от обычного пространства?

- Без них Эбнис не сможет прожить очень долго.

- У нее, вероятно, есть свои косметологи!

- Но Стедион - их пробный камень. Как только мы объявим на планете карантин, активность косметологов сразу же везде сильно понизится.

Бильдун с сомнением взглянул на Тулука.

- Тапризиоты разбираются в переплетении связей лучше, чем она считает, - сказал Тулук. - Я думаю, они послушаются нас, если вы сошлетесь на то, что наш последний оставшийся калекан находится на грани полного исчезновения. Я верю, что они поймут значение этого факта.

- Объясните мне только одно, - сказал Бильдун. - Если тапризиоты могут использовать это... эти связи и черпать свою энергию связи из того же источника, что и калекан, тогда они сами должны знать, в какую их втянули историю.

- Хороший вопрос, - сказал Мак-Кей. - Сообщал ли кто-нибудь об этом тапризиотам?

- Косметологи... тапризиоты... - угрюмо пробормотал Бильдун. - Чего вы хотите добиться, Мак-Кей?

- Я должен вернуться в шар калекана, - сказал Мак-Кей.

- Мы не сможем вас там надежно защитить.

- Не знаю.

- Внутреннее пространство шара мало. Если калекан обратится к нам и...

- Он не сделает этого. Я его спрашивал.

Бильдун вздохнул - чисто человеческое движение. Пан спехи принимали не только человеческую внешность, когда хотели уподобиться людям. Однако различия между человеком и пан спехи были коренными, и это тотчас же всплывало в памяти Мак-Кея. Люди были знакомы с внутренним миром пан спехи только поверхностно. Так вот, предстоящие события должны были дать возможность понять мысли Бильдуна. Скоро в теле Бильдуна появится новая личность со всеми знаниями, которые прежний Бильдун накопил в течение прошедших тысячелетий, со всеми...

Мак-Кей сжал губы и почти со свистом выдохнул воздух.

Как переносят пан спехи весь этот груз данных из одного "я" в другие? Они говорят, что все время связаны друг с другом, обладатели эго-органа,

товарищи по воспитанию, мыслящие эстеты и пускающие слюни плотоядные, спят ли они или бодрствуют. Каким образом они связаны между собой?

- Вы понимаете, что калекан подразумевает под "связями"? - спросил Мак-Кей и уставился в фасетчатые глаза Бильдуна.

Бильдун пожал плечами.

- Я вижу путь, по которому идут ваши мысли, - сказал он.

- Ну и...

- Может быть, и мы, пан спехи, используем частичку этой энергии, - сказал Бильдун, - но если и так, то мы используем этот процесс совершенно бессознательно. Больше я ничего не могу сказать. Ваши вопросы являются проникновением в интимную сферу нашей жизни.

Мак-Кей кивнул. Секретная сфера жизни была последней защитной линией, последней цитаделью существования пан спехи. Ни логика, ни разум не могли повлиять на генетически запрограммированные реакции, когда те возникали. Бильдун выказал истинное свидетельство своей дружбы, предупредив его.

- Положение отчаянное, - сказал Мак-Кей.

- Согласен, - ответил Бильдун. - Поступайте, как хотите.

- Спасибо, - сказал Мак-Кей.

- Все это вы берете на свою ответственность, Мак-Кей, - добавил Бильдун.

- Пока моя голова находится на плечах, я всегда оказываюсь прав, - ответил Мак-Кей и открыл дверь приемной, где сдала гудящая толпа репортеров, сдерживаемая горсткой охранников.

С помощью прыжковой двери Мак-Кей добрался до штаб-квартиры Фурунео и вылетел оттуда на одной из машин Бюро. Когда он прибыл на побережье, вокруг шара калекана уже стала собираться толпа зевак.

"Новости распространяются очень быстро", - подумал он.

Усиленное отделение охраны, вызванное специально из-за возможности появления толпы, сдерживало любопытных, которые пытались прорваться на лавовый блок. Отряд военных флиттеров удерживал на определенной дистанции разнообразные личные летательные аппараты.

Прежде чем забраться в шар калекана, вход в который был открыт, Мак-Кей поставил на лавовый блок двух охранников и велел им наблюдать за суматохой вокруг. Свежий утренний ветер осыпал людей мелким дождем и клочьями пены.

Он подошел к отверстию, вполз внутрь и какое-то время привыкал к интимному красноватому полумраку. Здесь было значительно теплее, но не так жарко, как раньше. Вероятно, вход был все время открыт.

- Калекан что-нибудь говорил? - спросил он лаклака, несшего охрану.

- Я не заговаривал с ним, - ответил охранник, - и он тоже все время молчит.

- Фанни Мей, - сказал Мак-Кей.

Тишина.

- Вы все еще тут, Фанни Мей? - спросил Мак-Кей.

- Мак-Кей? Это вы вызываете меня, Мак-Кей?

Мак-Кей показалось, что эти слова приняли его глазные яблоки и передали их слуху. Излучение калекана, несомненно, ослабло.

- Его много раз хлестали, пока меня не было? - спросил Мак-Кей лаклака. - То есть, за два последних дня?

- Локального времени? - спросил лаклак.

- Какая разница?

- Я думал, вам нужны точные данные, - обиженно сказал лаклак.

- Я пытаюсь у вас узнать, подвергался ли калекан нападениям, пока я находился в Централи, - раздраженно сказал Мак-Кей. - Кроме того, я хочу знать, как много было этих нападений и насколько они были успешны. Может быть, вы в состоянии ответить мне на эти вопросы? Связь с калеканом стала заметно слабее, чем в то время, когда я последний раз разговаривал с ним, - он отвел взгляд от гигантского "половника" калекана и уставился на

охранника с убийственным вниманием.

- Эти... эти нападения были единичными и не очень успешными, - испуганно ответил охранник. - Я думаю, всего их было десять или двенадцать... Мы собрали множество бичей и рук паленков, но, как я слышал, они не были доставлены к вам в лабораторию.

- И это вы называете точными данными? - прогромыхал. Мак-Кей. - Я должен вас за это...

- Мак-Кей кричит на присутствующую здесь личность? - спросил калекан и спас лаклака от угрозы неминуемого наказания.

- Приветствую вас, Фанни Мей, - сказал Мак-Кей.

- Вы обладаете новыми линиями связей, - сказал калекан, - и их узор допускает опознание. Добро пожаловать, Мак-Кей.

- Ваш договор все еще ведет вас и нас к окончательному исчезновению? - спросил Мак-Кей.

- Интенсивность возрастает, - ответил калекан. - Млесс Эбнис хочет с вами поговорить.

- Что? Эбнис хочет поговорить со мной?

- Верно.

- Она могла вызвать меня в любое время, - сказал Мак-Кей.

- Эбнис передала свой вопрос через меня, - сказал калекан. - Она хочет вести разговор вдоль ожидаемых связей. Она обозначает эти связи понятием "теперь". Вы понимаете это, Мак-Кей?

- Я понял, - ответил Мак-Кей. - Пусть говорит.

- Эбнис требует, чтобы ваши спутники были удалены отсюда.

- Она хочет, чтобы я остался один? - спросил Мак-Кей. - Как ей могло прийти в голову, что я пойду на это?

В шаре калекана стало теплее, он вытер пот со лба.

- Эбнис назвала этот мотив любопытством.

- У меня свои условия для такого разговора, - сказал Мак-Кей. - Скажите ей, что я соглашусь только в том случае, если она гарантирует мне, что во время нашего разговора не будет предпринято никакого нападения ни на вас, ни на меня.

- Я даю вам свои гарантии.

- Вы?

- Вероятность гарантий Эбнис кажется... несовершенной.

Приблизительное описание гарантий моего "я"... сильно непосредственно? Может быть.

- Почему вы даете гарантии?

- Эбнис очень настойчиво требует разговора. Договор предусматривает такое посредничество. Очень точное обозначение. Посредничество.

- Вы гарантируете нашу безопасность, так?

- Я даю вам свои заверения, не больше.

- Никакого нападения в течение переговоров, - настаивал Мак-Кей.

- Связи делают заверения правдоподобными, - сказал калекан.

Лаклак за спиной Мак-Кея хрюкнул.

- Вы понимаете эту чепуху?

- Возьмите своих людей и исчезните отсюда, - сказал Мак-Кей.

- У меня приказ...

- Забудьте на время о приказе. Я действую по договоренности с Бильдуном и обладаю всеми полномочиями. Идите.

- Господин, - сказал лаклак, - за две последние вахты трое из наших людей сошли здесь с ума, хотя принимали пилюли ярости и другие химикаты, которые, как мы думали, могли нас защитить. Я не могу взять на себя ответственность...

- Вы не будете нести ответственности! - сердито сказал Мак-Кей. - Если вы сейчас же не подчинитесь, вы проведете остаток своей службы на отдаленной пустынной планете.

- Я не приму во внимание вашу угрозу, господин, - возразил лаклак. - И сам осведомлюсь у Бильдуна.

- Сделай это, и побыстрее! Снаружи есть тапризот.

- Прекрасно, - лаклак отдал честь и выбрался через отверстие наружу.
Оба его спутника остались нести вахту внутри шара калебана, изредка бросая на Мак-Кея заботливые взгляды.

"Это храбрые парни, - успокоенно подумал Мак-Кей, - потому что они так преданно выполняют свой долг. И лаклак проявил смелость и цивилизованность, чего у него нельзя было отнять".

Мак-Кей ждал.

Вскоре лаклак снова появился в отверстии и сказал:

- Господин, я получил указание подчиниться вашему приказу, но я должен визуально наблюдать за вами снаружи и при первых же признаках опасности вернуться в шар калебана.

- Ну, хорошо, - сказал Мак-Кей. - А теперь идите.

Через полминуты он остался с калепаном один на один, и у него тут же появилось сильнейшее ощущение опасности. Спину зашекотало. Он все больше и больше понимал, что очень сильно рискует и что совершил большую глупость.

Это было отчаянное, но необходимое положение.

- Где Эбнис? - спросил Мак-Кей. - Она же хотела поговорить со мной.

Внезапно слева от "половника" калепана открылась прыжковая дверь. В отверстии появились голова и плечи Эбнис. Мак-Кей заметил некоторые изменения в ее внешности. Выражение ее лица было менее высокомерным и самоуверенным, чем при первой встрече, и в нем было что-то нервное и мученическое. Прядь волос выбилась из гладкой прически и свободно свисала вниз. В глазах виднелись красные прожилки, на лбу были морщинки.

Мак-Кей был весьма доволен этими изменениями. Эбнис нуждалась в косметологах.

- Вы уже появились, и одна? - спросил Мак-Кей.

- Это глупый вопрос, - ответила она. - Вы один. По моему требованию.

- Не совсем один, - сказал Мак-Кей. - Это... - он осекся, увидев ее улыбку.

- Вы же заметили, что Фанни Мой закрыла вход в шар, - проговорила Эбнис.

Мак-Кей увидел, что вход в шар был почти закрыт. Предательство?

- Фанни Мой! - крикнул он. - Вы заверили меня...

- Никакого нападения, - сказал калепан. - Сохранение тайны.

Мак-Кей представил себе замешательство охранников, которые сейчас ждали снаружи и ничем не могли помочь. Они были не в состоянии силой ворваться в шар калепана. Он подавил протест. Что он мог сделать? В шаре было абсолютно тихо. Наконец он пожал плечами.

- Ну хорошо, это ради соблюдения тайны, - согласился он.

- Так-то лучше, - сказала Эбнис. - Мы должны прийти к соглашению, Мак-Кей. Вы становитесь все надоедливей.

- О, наверное, я надоедаю вам довольно сильно.

- Возможно.

- Ваш паленка, тот самый, который хотел искромсать меня топором, помните? Тогда я тоже надоел вам. Может быть, даже более, чем надоел. Когда я теперь думаю об этом, я вспоминаю свои страдания.

Эбнис вздрогнула.

- Впрочем, - сказал Мак-Кей, - мы теперь знаем, где вы.

- Ложь!

- Нисколько. Вы уже не та, какой себя представляете. Вы думаете, что сможете идти вспять по времени. Это не так.

- Я утверждаю, что вы лжете!

- Мы рассчитали все довольно точно, - объяснил Мак-Кей. - Место, где вы сейчас находитесь, сконструировано из ваших собственных связей - ваших воспоминаний, мечты, желаний... может быть, и создано оно специально для этого.

- Что за бред! - выкрикнула она. Но в голосе ее звучало беспокойство.

- Вы потребовали такое место, где сможете уцелеть во время всеобщего апокалипсиса, - сказал Мак-Кей. - Фанни Мей предупредила вас о том, что произойдет в случае ее окончательного исчезновения. Вероятно, вам была

продемонстрирована мощь каледана и показаны различные места, которые были доступны с помощью ваших связей только для вас и ваших друзей. И тут у вас появилась великая идея.

- Вы несете чушь, - пренебрежительно сказала Эбнис, но в ее глазах мелькнул страх.

Мак-Кей улыбнулся.

- Устройте со своими косметологами небольшое совещание, - сказал он.

- Вы выглядите немного усталой.

Она мрачно оглянулась.

- Вы отказываетесь сотрудничать с нами? - спросил Мак-Кей.

- Вы не дадите мне опомниться, - проговорила Эбнис.

- Когда же вы опомнитесь?

- Когда у меня не будет альтернативы!

- Пожалуй.

- Мы напрасно теряем время, Мак-Кей.

- Это верно. Что же вы хотели мне сказать?

- Мы должны прийти к соглашению, Мак-Кей, вы и я.

- Вы хотите женить меня на себе, не так ли? - сказал Мак-Кей.

- Это ваша цена за соглашение? - она, очевидно, была поражена.

- Не уверен, - сказал Мак-Кей. - А Чео?

- Чео начал мне надоедать.

- Это-то меня и беспокоит, - сказал Мак-Кей. - Я спрашиваю себя, как скоро я тоже вам наскучу.

- Я вижу, вы неискренни, - сказала она, - вы тянете время. Но несмотря на все это, я думаю, мы придем к соглашению.

- Почему вы так решили?

- Фанни Мей указала, - ответила Эбнис.

Мак-Кей поспешно оглянулся на мерцающую невещественность каледана.

- Фанни Мей указала? - пробормотал он.

И подумал: "Каледан определяет свою реальность тем, что видит эти таинственные связи. Утонченные различия связей, спутанные связи. Это особый вид восприятия, основанный на расходе энергии".

Пот выступал у него на лбу. Появилось ощущение, что он стоит на краю освещенного круга.

- Мак-Кей, - тихо сказала Эбнис, - я готова сделать предложение, которое будет выгодно нам обоим. Присоединяйтесь ко мне. Что бы вы не потребовали, я предложу вам больше. Награда будет такой высокой, что вы и представить себе не можете...

- Вы никогда не представляли себе, что с вами произойдет? - спросил он. - Странно.

- Вы дурак! Я хочу сделать из вас Властелина!

- Не желаете сказать, где вас укрывает каледан? Вы не представляете, что это, кажущееся вам безопасным, место...

- Млисс!

Яростный голос донесся откуда-то из-за спины Эбнис, но говорящий не был виден Мак-Кею.

- Это вы, Чео? - крикнул Мак-Кей. - Пан спехи должен предчувствовать истинное положение.

В поле его зрения появилась рука и рванула Эбнис внутрь. Ее место в отверстии занял пан спехи с удаленным эго-органом.

- Вы очень хитры, Мак-Кей, - сказал Чео.

- Как ты можешь так рисковать? - завизжала Эбнис.

Чео обернулся и замахнулся рукой на Эбнис. Послышался звонкий удар, сдавленный крик. Чео исчез из отверстия, и Мак-Кей услышал звуки новых ударов. Потом пан спехи вновь появился в отверстии.

- Вы знали это место раньше, не так ли, Чео? - спросил Мак-Кей. - Не было ли в одном из циклов существования вашего рода крикливой, пустоголовой женщины?

- Вы очень хитры, - снова пробурчал Чео.

- Теперь вам придется убить Эбнис, вы же знаете, - сказал Мак-Кей. -

Если вы этого не сделаете, для вас все будет потеряно. Вы ее поглотите. Вы переймете ее эго. Она будет с вами.

- Я не знаю, происходит ли это у людей, - сказал Чео.

- О, случается, - сказал Мак-Кей. - Это ведь ее мир, не так ли?

- Ее, - согласился Чео. - Но в одном вы ошибаетесь. Я могу контролировать Млисс. Следовательно, это мой мир. И еще кое-что. Я могу контролировать вас.

Туманная труба внезапно уменьшилась, и, смыкаясь, устремилась к Мак-Кею.

Мак-Кей отшатнулся и проревел:

- Фанни Мей! Вы же обещали! Никакого нападения!

- Новые связи, - сказал калекбан.

Мак-Кей отскочил, и прыжковая дверь, оказавшись около него, исчезла.

Он бегал взад и вперед и все время наталкивался на нее, а она набрасывалась на него, как гигантская хищная пасть. В очередной раз с трудом ускользнув от нее, Мак-Кей оказался в самом дальнем конце помещения. Он обернулся, пригнулся, прыгнул сквозь пурпурные сумерки шара калекбана, подкатился под гигантский "половник" и, дрожа, огляделся. Он не представлял себе, что прыжковая дверь может двигаться так быстро и целенаправленно.

- Фанни Мей! - задыхаясь, произнес он. - Закройте же зейе-дверь! Вы ведь мне обещали: никакого нападения!

Никакого ответа.

Мак-Кей увидел край гигантской трубы, повисшей рядом с гигантским "половником" калекбана.

- Мак-Кей!

Это был голос Чео.

- Вас вызовут на дальнюю связь, Мак-Кей! - крикнул Чео. - Когда это произойдет, с вами будет кончено.

Мак-Кей затравленно застыл.

Они вызовут его! Возможно, Бильдун уже послал за тапризиотом. Они будут беспокоиться, ведь шар калекбана уже давно закрылся.

И он будет беспомощен, охваченный трансом.

- Фанни Мей! - прошептал Мак-Кей. - Закройте же эту проклятую зейе-дверь!

Туманная труба сверкнула, поднялась и перешла на другую сторону. Мак-Кей, отчаянно спеша, переполз под ручкой "половника" на другую сторону и там наполовину вжался в эту странную "ложку".

Разыскивающая его туманная труба отдалилась.

Послышался тихий хрустящий звук. Мак-Кей поглядел влево, вправо, назад. В смертоносном отверстии ничего не было видно.

Внезапно над "половником" послышался резкий щелчок. Рой зеленых искр осыпал Мак-Кея. Он выбрался из своего убежища и поднял излучатель. Из отверстия высовывался паленка с бичом. Рука его была поднята, чтобы нанести калекбану новый удар.

Когда рука двинулась, Мак-Кей обрезал ее излучателем у самого туловища. Рука и бич упали на пол и подкатились к краю "ложки", вызвав новый фейерверк зеленых искр.

Прыжковая дверь щелкнула и исчезла.

Мак-Кей присел на корточки, рой зеленых искр все еще танцевал в сетчатке его глаз.

- Зейе удалены.

Голос калекбана донесся до Мак-Кея. Тысяча чертей! Он звучал совсем слабо.

Мак-Кей медленно встал. Рука паленки и бич лежали на полу, но он не обратил на них внимания.

Рой зеленых искр!

У него появилось странное ощущение. Он чувствовал себя счастливым, гневным и сытым одновременно. Слова и обрывки предположений бессвязно кружились в его мозгу.

Рой зеленых искр! Он знал, что должен все время держаться около калебана, независимо от того, что сделают с ним захлестывающие его волны эмоций этого странного существа.

Рой... Рой зеленых искр!

"Калебан умер?"

- Фанни Мей?

Калебан молчал, но натиск эмоций ослаб.

Мак-Кей знал, что должен что-то вспомнить. Должен сообщить об этом Тулуку.

Рой зеленых искр!

У него было это: образец, изготовитель идентифицирован! Рой зеленых искр!

Ему было не по себе, словно он бежал целый час, словно нервы его были порваны и перепутаны. Его ум был миской, полной желе, в котором дрожали мысли.

Он крикнул:

- Фанни Мей!

В помещении царил особая тишина. Это было безмолвие отсутствия эмоций, что-то замкнутое, отступающее. У Мак-Кея зачесалась шея.

- Ответь мне, Фанни Мей, - сказал он.

- Зейе отсутствует, - сказал калебан.

Мак-Кей почувствовал стыд калебана, глубокое чувство вины. Оно пронзило его. Заполнило каждую клетку тела. Грязный, мерзкий, преступный, постыдный, подлый...

Он пораженно покачал головой. Почему он чувствовал вину?

Он медленно осознал, что чувства эти нахлынули не изнутри, а снаружи. Это был калебан!

- Фанни Мей, - сказал он, - я понимаю, вы не могли помешать этому нападению. Я не виню вас. Я понимаю.

- Связи были неожиданными, - сказал калебан. - Вы понимаете?

- Понимаю.

Чувства Мак-Кея успокоились. Он снова вспомнил, что у него было важное сообщение для Тулука. Рой зеленых искр. Но сначала он должен убедиться, что этот сумасшедший пан спехи в ближайшее время не явится сюда.

- Фанни Мей, - сказал он. - Вы можете помешать повторному нападению на меня?

- Объективно, но не превентивно, - сказал калебан.

- Вы имеете в виду, что можете помешать ей? - спросил Мак-Кей.

- Объясните, что в данном случае значит "помешать"?

- О, лучше не надо, - пробормотал Мак-Кей. Он подумал, как трудно будет сформулировать ответ для калебана.

- Будет ли следующее нападение? - осторожно спросил он. - Будет ли оно на коротких связях или на длинных?

- Серия нападений здесь прервана, - ответил калебан. - Вы спрашиваете о продолжительности по вашему восприятию времени. Я понимаю это. Длинные линии над позицией нападения, это подобно очень большой продолжительности вашего периода времени.

- Очень большая продолжительность, - пробормотал Мак-Кей. - Да.

"Рой зеленых искр, - вспомнил он. - Рой зеленых искр".

- Вы будете зависеть от зейе через Чео, - сказал калебан. - Появление ожидается на мом месте. Чео идет по вашей линии. Я правильно понял вас, Мак-Кей?

"Мои дальнейшие линии, - подумал Мак-Кей и сглотнул. - Что же только что сказал калебан? Я буду контролировать зейе?"

Он осторожно вздохнул, чтобы внезапное движение не опрокинуло ясность его понимания.

Он подумал о нужном количестве энергии. Огромном количестве! "Я - зейе-контролер" и "Мне нужна энергия целой звезды". Чтобы действовать в нашем измерении, калебану нужна энергия целой звезды. Калебан сказал, что

он вдыхает бич. Итак, калекан находит энергию здесь. Она питает его в нашем измерении. А также, несомненно, и в других измерениях.

Мак-Кей подумал о тонких отличиях, которыми должен был обладать калекан, чтобы с ним можно было вступить в контакт. Это должно быть приблизительно так, как если бы он сам погрузил нос в воду и попытался войти в контакт с одним-единственным микроорганизмом!

- Мы должны вернуться к началу, - сказал Мак-Кей.

- Для каждой единицы существует много начал, - ответил калекан.

Мак-Кей ощутил контакт тапризюта. Это был Бильдун.

- Я рад, что вы вызвали меня, - Мак-Кей прервал его первый заботливый вопрос. - Я тут кое-что с вами хотел...

- Мак-Кей, что там произошло? - спросил Бильдун с необычным возбуждением. - Вокруг вас повсюду лежат мертвые охранники, буйствуют сумасшедшие. Мятаж...

- Я, кажется, невосприимчив к этому, - сказал Мак-Кей. - Или калекан как-то защитил меня. Теперь слушайте внимательно, у нас мало времени. Позовите Тулука. У него есть спектроскоп и прибор для идентификации образцов, которые определяют процессы превращения материи в энергию. Эти приборы он должен доставить сюда, в шар калекана.

Мак-Кей в тишине шара калекана прислонился к вогнутой стене и пил из термоса ледяную воду, в то время как Тулук размещал приборы.

- Что помешает напасть на нас, пока мы заняты работой? - озабоченно спросил Тулук. - Мы должны иметь здесь, по меньшей мере, двух охранников.

- Таких как те, снаружи? Когда я представляю себе, что один из них начнет с пеной у рта буйствовать здесь, то...

- Снаружи уже новая охрана!

Тулук подвинул поднимающиеся над низким ящиком металлические обручи к "половнику" калекана. Потом что-то сделал, и диаметр обручей удвоился.

- Охранники помешали бы нам, - сказал Мак-Кей. - Кроме того, калекан сказал, что линейная позиция неблагоприятна для Эбнис. - Он пил ледяную воду. Теперь здесь снова была температура сауны, но без влажности.

Тулук достал из своего ящика с инструментами черный жезл. Жезл был около метра длиной. Он нажал кнопку на рукоятке жезла, и обруч снова уменьшился в диаметре. Одновременно ящик загудел. Обручи тут же вспыхнули неопределенным серым светом.

- Со мной здесь ничего не может произойти, потому что у меня есть преисполненный любви защитник, - заметил Мак-Кей. - Не каждое разумное существо может сказать, что пользуется симпатиями калекана.

- Вы здесь пьете? - спросил Тулук. - Это один из ваших мозговых возбудителей?

- Вы очень забавны, - сказал Мак-Кей. - И долго вы еще будете возиться тут со своим хламом?

- Я не вожусь. Вы что, не видите, что это не переносное оборудование? Его нужно настраивать.

- Так настраивайте.

- Высокая температура и плохой воздух затрудняют сборку, - пожаловался Тулук. - Почему вы не можете открыть люк?

- По тем же основаниям, которые удерживают меня от того, чтобы впустить сюда охрану, - сказал Мак-Кей. - Я не хочу, чтобы толпа сумасшедших разбила приборы.

- Но здесь так жарко. Пот заливают мне глаза.

- Я думал, вайверы любят жару.

- Вы шутите, Мак-Кей.

- Послушайте, - сказал Мак-Кей. - Я спрашиваю себя: то, что мы видим как звезду - это весь калекан или часть его? Я склонен верить последнему.

- Он снова отхлебнул ледяной воды и увидел, что в ней больше нет льда. Тулук был прав. Здесь была адская жара.

- Странная теория, - сказал Тулук. - Так.

- Вы готовы?
- Я сейчас буду готов. Почему молчит калекбан?
- Потому что я попросил его об этом. Ему надо беречь силы.
- Что он сказал о вашей теории?
- Он полагает, что я на "пути к истине".

Турук установил спектроскоп, вытащил из приборного ящика маленькую спираль и вставил ее в держатель на подставке одного из обручей.

- Хотите воды? - спросил Мак-Кей.
- Я пил воду два дня назад, - сказал Турук.
- Не буду настаивать. Сколько еще продлятся ваши приготовления?
- Терпение, - пробормотал Турук, не отрываясь от работы. - Всему свое

время.

- Знаете, - сказал Мак-Кей, - после того, как вы спасли меня от паленки с топором, вы сказали что-то очень странное в связи с калекбаном.

- Что же это было?

- Вы сказали что-то вроде того, что не можете понять, где вы жили.

Или что-то подобное. Вспомните.

- Нужно ли вспоминать? Я не забывал, - Турук согнул свое цилиндрическое тело над панелью управления спектроскопа и проверил несколько соединений.

- Где это было? - спросил Мак-Кей.
- Где было что?
- Где вы жили?
- Нет слов, чтобы описать это место.
- А вы попытайтесь.

Турук выпрямился и посмотрел на Мак-Кея.

- У меня было такое чувство, что я был чем-то крошечным в огромном шаре и ощущал тепло, дружелюбность и благосклонность какого-то великана.

- А великаном был калекбан?

- Конечно.

- Я так и думал.

- Я не смогу настроить аппаратуру еще точнее, - сказал Турук. - Я не отвечаю за погрешности. В стене позади вас есть источник излучения, от которого я должен заэкранироваться, но на это уйдет пара дней.

- Но вы сможете снять спектрограммы?

- Это - да.

- Тогда мы, может быть, еще успеем справиться с задачей.

- Какой? - спросил Турук.

- Наиболее важной в настоящее время.

- Вы имеете в виду бичевание и рой зеленых искр?

- Да.

- Не можете же вы бичевать калекбана.

- Он сказал, что это несущественно. Нужно произвести насилие с намерением создать "интенсивность негативных импульсов".

- Ах так. Очень странно. Знаете, Мак-Кей, стоит попросить у вас воды. Здесь такая жара.

Послышался хлопок, словно вылетела пробка из бутылки с шампанским. Давление воздуха в шаре калекбана упало так стремительно, что в ушах Мак-Кея щелкнуло, и он во внезапно охватившей его панике подумал, что Эбнис удалось как-то соединить вакуум пространства с этим намерением, чтобы отсосать воздух и задушить его. Но это была только в первый момент. Мак-Кей напряженно огляделся, готовый к новому нападению, и когда его взгляд упал на "половник" калекбана, он увидел, что прыжковая дверь уже тут. Положение туманной трубы было горизонтальным, она находилась прямо над "ложкой" калекбана.

Рука паленки с зажатой в ней пастью высунулась из отверстия и нанесла по цели звонкий удар. Зеленые искры взлетели и посыпались вниз.

Турук склонился над приборами и издал приглушенный возглас.

Рука паленки, втягивающаяся в отверстие, остановилась.

- Вперед! Еще раз!

Голос, несомненно, принадлежал Чео. Бич щелкнул снова, потом еще раз. Мак-Кей поднял излучатель, одновременно следя за Тулуком и бичом. Сделал ли Тулук свои спектрограммы? Неизвестно, сколько ударов бичом мог еще вынести калебан.

Бич ударил снова. Зеленые искры посыпались фонтаном. Мак-Кей сжал зубы.

- Тулук, у вас достаточно данных? - пробормотал он.

Рука и бич исчезли в отверстии прыжковой двери.

- Тулук! - прошипел Мак-Кей.

- Думаю, достаточно, - ответил Тулук. - Это великолепные снимки, но за сравнение и идентификацию я не ручаюсь.

Когда Тулук замолк, Мак-Кей понял, что в помещении не так уж и тихо. Гудение приборов Тулука служило фоном для шепота голосов за прыжковой дверью.

- Эбнис! - крикнул Мак-Кей.

Отверстие перевернулось и в нем показалось лицо Эбнис. Левая часть лица была в темных пятнах, а на шею была накинута серебристая петля, конец которой был зажат в руке пан спехи.

Мак-Кей заметил, что Эбнис в ярости. Ее губы сжались в тонкую линию, глаза дико блестели.

Она увидела Мак-Кея и прокричала:

- Видите, что вы со мной сделали?

Мак-Кей оттолкнулся от стены и приблизился к прыжковой двери.

- Что я сделал? Это выглядит делом рук Чео.

- По вашей вине!

- О! Это от меня не зависело.

- Я хотела помочь вам спастись, но нет! Вы обращались со мной как с преступницей. И вот благодарность, которую я от вас получила.

Она указала на петлю.

- Чем я это заслужила? - крикнула она.

- Чео! - крикнул Мак-Кей. - Что вы с ней сделали?

Голос Чео донесся из-за того места, где находилась рука, сжимающая петлю.

- Скажи ему, Млисс.

Тулук, который игнорировал спор и занимался своими приборами, повернулся к Мак-Кею.

- Замечательно, - сказал он. - Действительно, замечательно!

- Скажи ему! - проревел Чео, так как Эбнис упрямо молчала.

Эбнис и Тулук начали говорить одновременно, и Мак-Кей услышал только дикую мешанину слов.

- Тише! - крикнул Мак-Кей.

Эбнис испуганно замолчала и отпрянула, а Тулук продолжал говорить, словно ничего не слышал.

- ...я уже уверен, что мы, несомненно, имеем дело со спектральными линиями. Это, несомненно, звезда. Ничто другое не даст такую картину.

- Но какая звезда? - спросил Мак-Кей.

- Да... Это вопрос, - ответил Тулук.

Чео оттолкнул Эбнис и занял ее место в прыжковой двери. Он взглянул на Тулука, на приборы, потом сказал:

- Что значит все это колдовство, Мак-Кей? Новая попытка помешать нашим паленкам? Или вы вернулись, чтобы еще раз ощутить петлю на шее?

- Мы обнаружили кое-что, о чем вы, может быть, очень захотите узнать, - сказал Мак-Кей.

- Что вы могли узнать такого, что стало бы интересным для меня?

- Скажите ему, Тулук.

- Калебан существует в тесной связи с одной из звезд, - сказал Тулук.

- Он, может быть, даже является этой звездой. По крайней мере, она в известной мере относится к нашему измерению.

- Не измерению, - сказал калебан. - Волнам.

Голос едва достиг сознания Мак-Кея, но слова сопровождалась все

усиливающейся волной эмоций и печали, которая потрясла и совершенно запутала Тулука.

- Что это было?

- Тише, Тулук! - сказал Мак-Кей.

Но Чео эта эмоция не коснулась; по крайней мере, по поведению пан спехи этого не было заметно.

- Мы должны скорее идентифицировать калевана, - сказал Мак-Кей.

- Идентификация, - сказал калеван, и его голос чуть заметно усилился, но уже без эмоций. - Идентификация относится к самостоятельному качеству обнаружения. Вы еще не понимаете меня, Мак-Кей? Вы поняли мои слова?

- О чем он говорит? - спросил Чео.

Тулук воспринял этот вопрос, словно он был обращен к нему.

- Таким образом, - сказал он, - нужно обнаружить калевана в нашей Вселенной как звезду. Каждая звезда имеет свой пульс, определенный ритм, никогда не повторяющуюся индивидуальность, которая проявляется в спектральных линиях. Теперь у нас есть образец спектральных линий калевана, мы попытаемся идентифицировать его как звезду.

- И вы думаете, что эта сумасшедшая теория может меня заинтересовать? - спросил Чео.

- Она должна вас заинтересовать, - сказал Мак-Кей. - Это теперь больше, чем теория. Вы думаете, что находитесь в безопасном убежище, и делаете все, чтобы устранить калевана, опустошить Вселенную и остаться единственными пережившими катастрофу - в качестве наследников Вселенной. Так? Ну, вы допустили серьезную ошибку.

- Калеван лжет, - пробурчал Чео.

- А я все же думаю, что вы допустили ошибку, - сказал Мак-Кей. - Фанни Мей обещала дальнейшее существование Эбнис и ее друзьям, когда мы все исчезнем?

- Различные образцы с небольшими ограничениями на увеличенных связях, - сказал калеван.

- Достаточно ясно, не так ли? - сказал Мак-Кей. - Вы переживете нас, но ненадолго.

- Никаких разветвлений, - сказал калеван.

- Никакого наследства, - перевел Мак-Кей.

- Это трюк, - сказал Чео. - Калеван лжет.

- Калеван не лжет, - напомнил Мак-Кей. - Но вы можете допустить ошибку. Такая ошибка способна вас погубить, - сказал Мак-Кей.

- Я нахожусь в зависимости от этого, - сказал Чео. - И вы можете...

Прыжковая дверь исчезла.

- Поддержание зейе затруднено, - сказал калеван. - Вы понимаете, что такое "затруднено"? Потребление энергии очень интенсивно.

- Понимаю, - сказал Мак-Кей. Он вытер лоб рукавом и сказал Тулуку:

- Его жизнь висит на волоске.

Тулук выставил длинные челюсти и возбужденно покачал ими.

- Я не должен доставлять снимки в лабораторию, пока он не умрет?

- Звезда, - пробормотал Мак-Кей. - Представьте это. И все, что мы здесь видим, это... это ничто.

- Тут ничего нельзя поделать, - сказал калеван. - Моя личность сделает нечто, и я перестану существовать. В присутствии этого "я" и вы исчезнете, Мак-Кей.

- Вы поняли, Тулук? - спросил Мак-Кей.

- Конечно, он, кажется, сказал, что перестанет быть для вас видимым, потому что это нас может убить.

- Я так и понял, - сказал Мак-Кей.

- Возвращайтесь назад, в Централь. Я хочу, чтобы мы быстрее начали поиски.

- Вы без цели расходуете вещество, - сказал калеван.

- Что же теперь? - спросил Мак-Кей.

- Предстоит бичевание, и моя личность исчезнет.

Мак-Кей зазнобило. Он сглотнул.

- И как далеко вы удалитесь? - спросил он.
- Направление временных линий определить затруднительно. Ваше понятие: скоро.
- Прямо сейчас? - сдерживая дыхание, спросил Мак-Кей.
- Вы спрашиваете о непосредственной интенсивности? - спросил калекан.
- Вероятно, - беспомощно пробормотал Мак-Кей.
- Вероятность, - сказал калекан. - Энергетическое потребление личности увеличивает выравнивание. Бичевание не сейчас. "Сейчас" - верное понятие для непосредственного.
- Да, - ответил Мак-Кей.
- Скоро, но не сейчас, - пробормотал Тулук.
- Я думаю, он хочет объяснить, что может вынести еще одно бичевание, но оно будет для него последним, - сказал Мак-Кей. - Укладывайтесь и пойдем.
- Фанни Мей, вы сделаете для нас прыжковую дверь?
- Зейе существует, Мак-Кей. У моего "я" есть склонность к вам.
"Еще одно бичевание, - смятенно подумал Мак-Кей, помогая Тулуку упаковывать оборудование. - Но почему это бичевание будет смертельным для калекана? Почему именно бичевание, хотя других форм энергии оно не касается?"

В неизвестное, но не очень отдаленное время калекана снова исхлещут бичом, и он умрет. В этом намерении была полубезумная возможность воплощения апокалипсиса; тогда цивилизации Вселенной прекратят существование.

Мак-Кей подавленно стоял в лаборатории Тулука, окруженный охранниками и совершенно безвольный.

Пульт компьютера мерцал световыми сигналами. Гудящие и стрекочущие звуки доносились из его нутра.

"Если он идентифицирует звезду калекана, что делать с этими новыми знаниями? - спросил себя Мак-Кей. - Чео выиграл. Мы не смогли остановить его".

- Возможно ли, - спросил Тулук, - что калеканы сотворили эту Вселенную? Может быть, это их произведение?

Мак-Кей нетерпеливо пожал плечами.

- Почему этот проклятый компьютер возится так долго? - спросил он.

- Проблема определения пульсаций спектральных линий очень сложна, Мак-Кей. Для их сравнения необходимо особое программирование. Но вы не ответили на мой вопрос.

- У меня нет ответа. Я надеюсь, что эти слабоумные, которых мы оставили в шаре калекана, знают, что делать в случае необходимости.

- Они будут делать то, что вы им поручили, - укоризненно сказал Тулук. - Вы странный партнер для проведения свободного времени, Мак-Кей. Мне сказали, что вы были женаты больше тридцати раз. Это же нарушение приличий, не так ли?

- Я не нашел женщины, которая могла бы выдержать присутствие полномочного представителя Саботажников, - проворчал Мак-Кей. - Таких людей, как я, нелегко любить.

- Но калекан любит вас.

- Он не знает, что мы понимаем под этим! - сказал Мак-Кей сердито. - Может быть, он испытывает симпатию потому, что я на протяжении нескольких часов упражнялся с ним во взаимопонимании, - он покачал головой. - Я должен был оставаться в шаре калекана.

- Наши люди в случае нападения загородят калекана своим телом, - возразил Тулук. - Но вы же не скажете, что это одна из форм любви?

- Это инстинкт самосохранения, - пробурчал Мак-Кей.

- Мы, вайверы, верим, что все формы любви - это инстинкт самосохранения. Может быть калекан так понимает это слово?

- Ха!

- В самом деле, Мак-Кей, у вас инстинкт самосохранения выражен довольно слабо, поэтому вы никогда не любили по-настоящему.

- Не хотите ли вы, наконец, прекратить отвлекать меня своей бессмысленной болтовней.

- Терпение, Мак-Кей. Терпение.

- Терпение! - Мак-Кей опять сорвался с места и начал мерить лабораторию широкими быстрыми шагами. Снова подойдя к Тулуку, он сказал:

- Чем питаются звезды?

- Звезды? Звезды не питаются.

- Калекан здесь что-то содержит. Это его питание, - пробурчал Мак-Кей. Внезапно он кивнул. - Я знаю, что это. Водород.

- Каким же образом он питается?

- Водород, - повторил Мак-Кей. - Если мы откроем одну из прыжковых дверей до нужной величины... Где Бильдун?

- Он с представителями правительства заседает по вопросу карантина для косметологов. Возможно также, что стало известно о нашем соглашении с тапризиотами. Правительство не любит таких вещей, Мак-Кей. Бильдун пытается спасти наши головы и свою собственную тоже.

- Но, кажется, водорода хватает, - сказал Мак-Кей.

- Что за болтовня о прыжковых дверях и о водороде? - спросил Тулук. - Вы приняли пилюли, Мак-Кей?

- Принял.

Зазвенел звонок компьютера, и из выходного устройства вылетела исписанная бумажная ленточка. Мак-Кей и Тулук нагнулись над ней.

- Тион, - сказал Тулук. - Звезда в Плеядах.

- Идентификация точна? - спросил Мак-Кей.

- Все верно.

- К Бильдуну! - крикнул Мак-Кей. - Мы должны сообщить ему!

Он выбежал из лаборатории, преследуемый Тулуком и отрядом охранников, которые должны были не отходить от них ни на шаг.

- Мак-Кей, - задыхаясь, проговорил Тулук. - Куда вы так торопитесь?

- К Бильдуну. Потом снова к калекану.

"Ничто не сможет теперь удержать меня, - сказал себе Чео. - Млисс умрет через несколько секунд, задохнувшись от уменьшения давления воздуха в барокамере косметологов, куда я ее посажу. Все ее миры-убежища последуют за ней. Я сам буду контролировать прыжковую дверь. Нити власти теперь будут в моих руках".

Чео стоял у прыжковой двери в своем жилище. Снаружи была ночь, но все это было относительно. Там, где за морским прибором лежал шар калекана, уже наступил день.

Последний день калекана... Рассвет окончательного исчезновения. На всех планетах, которые в этой Вселенной были связаны с определенным калеканом, все разумные существа должны были кануть в бесконечную ночь.

Через несколько минут планета прошлого, где он находится, достигнет удобной позиции в переплетении связей. И паленка, который ждет там, в другой части комнаты, сделает то, что ему приказано.

Чео погладил шрам на лбу.

Больше не будет пан спехи, которые стали бы обвиняюще показывать на него пальцами и возмущенно кричать. Никто больше не будет кричать на него. Никто больше не будет представлять опасности для его эго, он это обеспечил.

Никто не остановит его.

Ни Эбнис, которая делает последние вдохи в герметически закрытой барокамере, и, когда там кончится кислород, перестанет существовать. Ни Мак-Кей, который оказался проницательным и докучливым, но не имеет возможности предотвратить апокалипсис.

Еще пара минут.

Чео взглянул на шкалу маленького вспомогательного прибора, с помощью

которого предварительно рассчитывал возможный зейе-контакт с калепаном. Указатель двигался так медленно, что трудно было заметить какое-нибудь изменение его положения за то время, пока Чео наблюдал за ним. Но все же двигался.

Чео бродил по помещению, чувствуя на себе вопрошающий взгляд паленки и, наконец, вышел через открытую дверь на террасу. На небе не было луны, но многочисленные звезды усеивали небосвод. Эти созвездия были чужды пан спехи. Млисс создала здесь странный мир с многочисленным реквизитом Земного прошлого, странными экзотическими вещами, набранными из глубины тысячелетий.

Но эти звезды... Калепан заверил их, что здесь не существует больше ни одной планеты... Но тут были звезды. Если они действительно были. Может быть, это всего лишь маленькие облачка разреженного газа, созданного по желанию Млисс.

"Это место станет единственным после того, как все другие миры Вселенной опустеют, - думал Чео. - Не должно остаться никакой связи с другими известными ему мирами. И никаких ускользнувших с этих миров, о которых его предупреждала Млисс".

Но он будет здесь в безопасности. Не будет никакого преследования, потому что не будет никаких преследователей.

Он взглянул назад, в освещенное помещение.

Как терпеливо ждет паленка последнего движения! Бич покачивается в его руке. Это оружие - чудовищный анахронизм. Но оно действенно. Без Млисс с ее извращенными поступками он никогда бы не обнаружил действенность и неотвратимость бича.

Чео наслаждался своим воображением. Время тянулось очень медленно. Он ждал, глубоко вдыхая ночной воздух, полный запахов, которые завезла сюда Млисс - запахов экзотических цветов, опьяняющих ароматов, пряных запахов трав, цветущих деревьев, испарений, редчайших форм жизни, которые она доставила на Арх.

Арх. Смешное название она дала этому месту. Может быть, он позднее изменит его, если в голову придет более подходящее название.

"Плохо, что по соседству нет никаких других планет, - подумал он. - Наверно, калепан мог бы создать и другие планеты. Но Млисс не хотела этого".

Чео снова возвратился в помещение и стал наблюдать за прибором. От нужной позиции указатель теперь отделяло только пространство шириной в волосок. Он позвал паленку.

Низкая мокрицеподобная фигура волнообразными движениями подползла к нему на многочисленных ногах. Глаза пылали усердием и готовностью. Настоящему паленке насилие доставляло удовольствие. Чео кинжал кнопку. Указатель достиг нужного положения, и прыжковая дверь открылась по его сигналу.

- Пошел! - крикнул он.

Мак-Кей услышал приказ пан спехи, когда в шаре калепана открылась прыжковая дверь. Отверстие заполнило помещение, вытеснив красноватый полумрак ярким светом. Свет хлынул, огибая две фигуры, появившиеся в отверстии. Паленки и Чео, пан спехи.

Туманная труба внутри маленького помещения стала опасно вспухать. Яростная энергия по ее краям швырнула охранников в стороны. Прежде чем они успели прийти в себя, мелькнула рука паленки и щелкнул бич.

Мак-Кей охнул, увидев огромный сноп зеленых искр, которые взметнулись над "половником" калепана. Рой зеленых и золотых искр! Золотые искры! Бич ударил снова. Сверкнул новый дождь искр и растворился в ярком свете.

- Стой! - крикнул Мак-Кей, когда охранники пришли в себя и хотели напасть на Чео с паленкой. Они остановились.

Еще один удар бича в руке паленки.

Искры вспыхнули, упали.

- Фанни Мей! - крикнул Мак-Кей.

- Мое "я" отвечает, - сказал калекбан. Мак-Кей почувствовал внезапное повышение температуры, которое сопровождало слова калекбана; его эмоции были тихими и успокаивающими - но могущественными.

Охранники неподвижно стояли и глядели вместе с Мак-Кеем на то место, где рука паленки злобно играла бичом. С каждым ударом в пространстве вспыхивал рой зеленых и золотых искр.

- Расскажите о вашем веществе, Фанни Мей, - попросил Мак-Кей.

- Количество вещества растет, - сказал калекбан. - Вы дали энергию и силу для этого "я", Мак-Кей.

- А как с окончательным исчезновением? - спросил Мак-Кей.

- Исчезновение отложено. Это "я" не видит связей для исчезновения, другие калекбаны вернутся.

Мак-Кей глубоко вздохнул. Каждое новое слово калекбана несло новую волну жара, как из огромной печи. Это тоже свидетельствовало об успехе. Он вытер лоб.

Бич щелкал снова и снова.

- Открывайтесь, Чео, - крикнул Мак-Кей. - Вы проиграли! - Он посмотрел в прыжковую дверь. - Мы даем калекбану энергию быстрее, чем вы отнимаете ее.

Чео пролаял приказ. Паленка втянул руку.

- Фанни Мей! - крикнул пан спехи.

Ответа не было, но Мак-Кей почувствовал вспышку сострадания, источником которой, несомненно, был калекбан.

Испытывал ли калекбан сострадание к Чео?

- Я приказываю ответить, калекбан! - проревел Чео. - Договор предусматривает беспрекословное повиновение!

- Мое "я" повинует партнеру по договору, - сказал калекбан. - Вы не разделяете связей с партнером по договору.

- Она приказала вам повиноваться мне!

Мак-Кей, на минуту задержав дыхание, ждал. Он должен точно знать...

- Договор! - настаивал Чео.

- Договор потерял интенсивность, - сказал калекбан. - На новых линиях вы должны обратиться к этому "я" как к Тиону. Новое имя, которое я получил от Мак-Кея: Тион.

- Мак-Кей, что вы сделали?! - возопил Чео. - Почему калекбан не реагирует на бичевание?

- Он, собственно, никогда и не реагировал, - сказал Мак-Кей. - Он реагирует на насилие и ненависть, которые связаны с бичеванием. Бич только выполняет роль фокусирующего инструмента. Он концентрирует все насилие и всю ненависть на самом уязвимом месте, и это лишает калекбана энергии. И уж вы-то должны знать, что он продуцирует с помощью этой энергии эмоции. И сам калекбан - почти чистая эмоция, совершенно нематериальная.

Чео сделал знак паленке подождать, и тогда Мак-Кей сказал:

- Вы не достигнете своей цели, Чео. Мы питаем нашего друга быстрее, чем вы можете его опустошить.

- Питаете? - спросил Чео. Он почти высунул голову из отверстия туманной трубы, чтобы посмотреть сначала на калекбана, потом на Мак-Кея.

- Мы открыли в пространстве гигантскую прыжковую дверь, - сказал Мак-Кей. - Она собирает водород в одном из межзвездных облаков и отправляет его Тиону.

- Что такое Тион? - недоверчиво спросил Чео.

- Звезда, являющаяся калекбаном, - ответил Мак-Кей.

- О чем вы говорите?

- Вы не понимаете? - спросил Мак-Кей. - Он незаметно сделал знак охранникам. Эбнис все еще не показывалась. Чео куда-то упрятал ее. Это меняло их планы. Они должны попытаться провести в прыжковую дверь охранников, чтобы обезвредить Чео. Двое людей начали приближаться к отверстию, держа излучатели наизготовку.

- Что я должен понимать? - спросил Чео.

"Я должен отвлечь его", - подумал Мак-Кей.

- Калекан проявляется в нашей Вселенной в различных формах, - сказал он. - Его звезда, солнце, представляет из себя пункт сбора пищи и является только частью огромного целого. Он создал этот шар, который является, вероятно, не просто разговаривающим проявлением, но имеет цель защитить нас. Его "я" с помощью своих фильтров не может полностью нейтрализовать излучение энергии во время разговора. Поэтому здесь так жарко.

- Звезда? - спросил Чео. - Он, казалось, не замечал, что охранники все ближе продвигаются к отверстию прыжковой двери.

- Да, - сказал Мак-Кей. - Этот калекан идентифицирован. Он и звезда Тион в Плеядах - одно и то же.

- Но... эффект прыжковой двери...

- Звездное щупальце, - сказал Мак-Кей. - Такова, по крайней мере, моя интерпретация, и она, вероятно, верна только частично. Мы всегда знали, какое огромное количество энергии расходуется для пролома пространства. Тапризиоты рассказали нам, как они общаются с помощью подключения к связям калеканов, чтобы...

- Чушь, - пробормотал Чео.

- Очень может быть, - ответил Мак-Кей. - Но эта чушь движет реальностью нашей Вселенной.

- Вы думаете, что сможете отвлечь меня, пока ваши люди подготавливают нападение, - сказал Чео. - Я сейчас покажу им другую реальность вашей Вселенной! - и сейчас же прыжковая дверь начала надвигаться на Мак-Кея.

- Тион! - крикнул Мак-Кей. - Остановите Чео! Держите его крепче!

- Чео поймал сам себя, - сказал калекан. - Связи Чео завершены.

Туманная труба опять начала преследовать Мак-Кея, но, казалось, Чео с трудом справляется с управлением. Мак-Кей смог легко уклониться, когда отверстие двинулось по помещению к тому месту, где он находился.

Отверстие прыжковой двери отступило на шаг, потом снова приблизилось. На этот раз оно двигалось несколько быстрее.

Мак-Кей отпрыгнул в сторону и столкнулся с двумя охранниками. Почему эти проклятые дураки не пытаются проникнуть в отверстие? Они боятся, что их разрежет? Мак-Кей приготовился при следующем нападении прыгнуть в отверстие. Чео должен привыкнуть к мысли, что его тактика вызывает страх. Он не ждал нападения от того, кто его боялся. Мак-Кей сглотнул. Он знал, что может произойти. Слабое сопротивление туманной трубы затормозило бы его прыжок, и у Чео появилось бы время, чтобы захлопнуть прыжковую дверь, которая отрезала бы ему ноги. Но Мак-Кей успел бы выстрелить из излучателя и убить Чео. Может быть, ему повезло бы найти Эбнис - и она тоже умерла бы.

Прыжковая дверь снова придвинулась к Мак-Кею.

Он прыгнул вместе с охранниками, которые в тот же миг решились напасть, и больно ударился об пол, когда туманная труба скользнула совсем рядом.

Мак-Кей вскочил на ноги и отпрыгнул назад. Он увидел мрачное лицо Чео, увидел пан спехи, яростно рвущего ручки управления, потом услышал далекий хруст, и прыжковая дверь исчезла.

Кто-то закричал.

Мак-Кей со смущением обнаружил, что стоит на четвереньках в полутьме шара калекана. Секунду он простоял без движения, пытаясь восстановить в памяти последние секунды присутствия пан спехи. Это было похоже на призрачное видение - сквозь тело Чео он увидел какую-то дымящуюся субстанцию, и это была субстанция шара калекана.

- Действие договора прервано, - сказал калекан.

Мак-Кей медленно выпрямился. Он непонимающе покачал головой:

- Что это значит, Тион?

- Констатация факта имеет значение только для Чао и его спутников, - сказал калекан. - Это "я" не может дать Мак-Кею другого объяснения для этой субстанции.

Мак-Кей кивнул.

- Вселенная Эбнис была ее собственным творением, - пробормотал он. -
Порождением ее фантазии.
- Что за порождение, объясните, - сказал калекан.

Чео переживал мгновение смерти Эбнис как постепенное исчезновение
вещества вокруг нее и себя. Стены, пол, потолок, зейе-управление - все
блекло и исчезало. Он чувствовал в этот последний момент всю тщету своего
существования. И в момент перехода увидел тени паленки и других,
удаляющийся островок движения в месте, которого мистики его расы никогда
не знали. Однако это было место, которое могло быть близким брахманам и
буддистам древних времен - место тайн, призраков и иллюзий, выдуманный
мир, лишенный вещественной материи.

Прошло мгновение, и Чео перестал существовать. Или можно сказать, что
он исчез вместе с выдуманным миром. В конце концов, нельзя же дышать
иллюзиями или пустотой.

Этот текст сделан Harry Fantasyt SF&F OCR Laboratory
в рамках некоммерческого проекта "Сам-себе Гутенберг-2"

Если вы обнаружите ошибку в тексте, пришлите его фрагмент
(указав номер строки) netmail'ом: Fido 2:463/2.5 Igor Zagumennov